

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Annotation

Они вернулись. Они прошли по германским тылам, оставляя за собой трупы германских солдат и неодолимый панический страх, прочно поселившийся в глазах тех, кому повезло остаться в живых. Как нож сквозь масло они прошли через линию фронта и оказались у своих. Но свои тоже бывают разные... Психиатры утверждают, что обостренное чувство справедливости является признаком душевного расстройства. Но когда ты видишь какую-то тварь, издевающуюся над маленьким и слабым, и вступаешься, ты – псих? Или всё-таки весь этот мир сошел с ума, позволяя такое?..

- [Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Возвращение

© Дмитрий Зурков, 2018

© Игорь Черепнев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», без чьих замечаний книга не получилась бы такой, как она есть, и особенно:

Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.

Глава 1

Крепостные ворота приоткрываются, тихонько поскрипывая. Первыми в образовавшийся проход выглядывают черный зрачок пулемета и пара внимательных, настороженно смотрящих глаз. Втроем секунд десять оглядывают близлежащий пейзаж, подсвеченный закатом, и, не найдя ничего подозрительного, Зингер показывает рукой – «Продолжить движение». Бойцы бесшумно исчезают за воротами, шорох и звяканье слышатся только от наших «пассажиров» – крепостников и медсестрички. Последняя, переступив через свои девичьи принципы и комплексы, все же переделалась в форму, собранную с миру по нитке.

Фельдфебель Пантелеич, подтвердив в очередной раз тезис о том, что старшина – это особый вид военного хомо сапиенса с гипертрофированным хватательным и прятательным рефлексом, пока мы играли в свои игры, сумел маленько прибарахлиться на разгромленных складах и раздобыть новую форму. Но так как батальон уходил налегке, героически преодолел инстинкт собственника и, соблюдая принцип «На тебе, убоже, что нам негоже», поделился с моими бойцами. А они в свою очередь приодели «сестренку». Гимнастерка, шаровары, даже умудрилась свои косы под фуражку спрятать. Форменная одежда сестры милосердия, скорее всего, в заплочном мешке. Немного выбиваются из общего вида женские высокие ботинки на шнуровке вместо сапог, но кто сказал, что это – не берцы? Одетая таким гаменом Гаврошем, правда, с нужными выпуклостями в нужных местах, она проскользнула в проход вслед за Бером. Вот черт, в этой суматохе совсем забыл о правилах приличия, не представился даме. Кошмар-с! Моветон-с! На ближайшем привале надо будет извиниться (по идее не за что, но ведь женщине этого не объяснишь) и познакомиться. А пока пропускаем вперед остальных и с тыловым охранением погружаемся во тьму с пьянящим привкусом свободы и неизвестности...

Головняк уходит вперед, мы трогаемся следом. Идем по тропинке параллельно дороге вдоль Нарева, ищем ближайшую переправу. Не думаю, что у кайзера в свите одни дураки собрались, наверняка уже нашелся энергичный герр, который дал команду зачистить крепость и одновременно с этим создать кольцо оцепления с радиусом в дневной переход. А мы не сможем двигаться на форсаже, в группе – неподготовленные люди. Значит, придется идти очень тихо и незаметно, чтобы ни одна немецкая мордочка не чухнулась. И во что бы то ни стало как можно быстрее попасть на

другой берег, чтобы вырваться на оперативный простор. Через пару верст в Нарев должна впадать Вкра, и, судя по карте, там есть удобное место...

Переправы нашли там, где и ожидали, недалеко от слияния двух рек. Разведка чирикнула «Стоп», потом из кустов материализовался боец, который обрадовал нас новостью. Два типичных армейских понтонных моста ждали нас в двух десятках шагов друг от друга. Охраняемые полувзводом гансов-саперов. Причем «охраняемые», наверное, было громко сказано. В отсветах костров мы насчитали пару часовых на этом берегу и пару – на том. Остальные или ужинали рядом с палаткой, или усиленно к этому готовились. Вот и хорошо! Несколько часов придется подождать, заодно и сами отдохнем. А там будет видно.

Возвращаясь к основной группе, команду привал, выставляю охранение. И еще раз очень вовремя напоминаю господам офицерам, которые полезли в карманы за папиросами, о вреде курения под самым носом у противника. А теперь виртуально посыпаю голову пеплом и иду разговаривать с сестрой милосердия, которая сидит, зажмурившись и прислонившись спиной к дереву. Присаживаюсь на колени, чтобы было удобней разговаривать.

– Мадемуазель... Простите бога ради! В этой суматохе не нашел времени представиться. Подпоручик Гуров Денис Анатольевич. Нужно было сделать это гораздо раньше, но... Простите великодушно, виной тому определенные форс-мажорные обстоятельства.

Она открывает глаза, слегка морщится, устраиваясь поудобней.

– Анна Сергеевна Снегирева... Оставьте, Денис Анатольевич, я – не в обиде. Знаю, чем были заняты в крепости... И спасибо вам большое за то, что не оставили одну в беде. – На ее лице снова появляется болезненная гримаска. – Только, боюсь, буду задерживать вас. Непривычна я к таким прогулкам.

– Ничего страшного, сейчас правильное направление важнее скорости... Не считите за фамильярность, расшнуруйте ботинки, дайте ножкам отдохнуть. Времени на это у нас предостаточно.

Решив, что после переодевания в мужскую одежду ее репутации уже ничего не сможет повредить, она распускает шнурки, снимает обувь и, с видимым наслаждением, шевелит пальцами ног.

– Анна Сергеевна, если не секрет, как вы оказались одна в казарме?.. Прятались?..

Медсестричка насупливается, лицо становится строгим, в голосе появляется горечь:

– Госпиталь находился рядом со складами. Вчера какие-то солдаты

взломали ворота и разграбили их, а что не смогли унести – подожгли. Позже огонь перекинулся к нам на крышу. Мы, шестеро сестер милосердия, стали вытаскивать раненых, а в это время санитары, пьяные после грабежей, избивали Илью Ивановича и Андрея Сергеевича, наших докторов, припомнив им строгие порядки. На нас никто не обращал внимания, помогали только трое студентов-вольноопределяющихся...

А потом появились германцы. Они согнали всех в одно место и запретили расходиться. Мы так стояли около часа, потом раненых, которые могли ходить, построили в колонну и куда-то повели под охраной. А после принялись за нас... Сначала какой-то унтер-офицер объявил, что мы будем обысканы... И солдаты начали нас просто лапать. Потом двое схватили меня за локти и куда-то потащили. Я даже сопротивляться не могла... По дороге их остановил офицер, и я, воспользовавшись заминкой, убежала и спряталась в первой попавшейся казарме. Потом долго бродила по коридорам из каземата в каземат, пока не услышала шаги и не спряталась. А когда вы пробежали мимо, поспешила вслед... Было очень страшно оставаться там одной и ждать, когда снова появятся германцы. А потом кто-то тронул меня за руку, и я испугалась... Очнулась уже в комнате... А скажите, Денис Анатольевич, – она вдруг с силой хватает меня за руку. – Скажите – почему?!. Почему они так себя ведут?.. Они же считают себя культурной, цивилизованной нацией... Почему же ведут себя, как дикари?.. И как же все международные конвенции, договоренности?..

М-да, маленькая, наивная дур... девочка. Во все времена, когда солдаты брали неприятельскую крепость и находили в ней женщин, они их быстро растаскивали по укромным уголкам... Наверное, для того, чтобы полюбоваться лирическими пейзажами или обсудить различия в философских мировоззрениях всяких там Кантов и Шопенгауэров... С-суки!..

– Знаете, Анна Сергеевна, может быть, потому, что нас германцы за цивилизованных людей не считают. Мы для них – что-то вроде полудрессированных обезьян или африканских дикарей, с которыми вовсе не обязательно быть честными, вежливыми, порядочными... А вообще, когда-то (в далеком будущем) один умный человек сказал: «Цивилизация – это когда тебя убивают, но уже не отрезают уши». Французы в подобных случаях говорят: «...à la guerre comme à la guerre – на войне, как на войне»... У нас в запасе есть время, постарайтесь поспать и отдохнуть. Потом, скорее всего, будет трудно...

Андрейка разбудил меня около трех часов ночи. Луна висела уже над крепостью, горизонт над лесом на том берегу только начал еле-еле заметно

бледнеть. Посылаю его будить остальных, скоро будем переправляться.

Пока все приходят в себя, вместе с Зингером пробираемся к нашим дозорным. Костерок возле немецких часовых еще горит, сами же гансы сидят на бревнышке и, насколько можно видеть при таком освещении, кемарят, опершись на зажатые между колен винтовки. А почему бы, собственно, и не поспать бравым воякам кайзера, пока никто не видит, а до смены еще около часа. Тот берег не видно из-за ползущего по воде тумана. В серовато-перламутровой мгле угадывается только расплывчатое пятно костра. А так как палатка находится там, кому-то придется искупаться.

На ту сторону, отталкиваясь поочередно от лодок-понтонных, поплыли Гор и Зингер, временно доверивший мне свой пулемет. Здесь, на этом берегу, будет работать пара погранцов из отдохавшей «пятерки».

Проходит пять бесконечно долгих минут ночной тишины, нарушаемой только редким всплеском волн в оцинкованные борта, недовольным кваканьем лягушек, мающихся бессонницей, и посвистом ночных пернатых в прибрежных кустах. Потом с той стороны из тумана доносится тихий условный «чирик», дескать – «Мы готовы». Звучит ответный сигнал, и две темные фигуры накрывают гансов, которые беззвучно валятся с бревнышка подалее от костра. Винтовки, не лязгнув ни разу, ложатся рядом.

Хочется пройти переправу незаметно, поэтому часовые после пробуждения от пинка разгневанного до невозможности гефрайтера-разводящего будут лепетать что-то в свое оправдание и пытаться понять, как же это они уснули на посту. А всего-то и делов – закрыть рот одной ладонью и другой рукой нажать и подержать секунд десять нужную точку на шее. С той стороны уже доложились очередным свистом, что часовые тоже уснули.

Разуваемся, чтобы не шуметь, и перебегаем на ту сторону – надо блокировать на всякий случай палатку. Туман густеет на глазах, доски настила заволакивает время от времени космато-седыми прядями. Волны тихонько колышат понтоны... Ага, вот и сходни, вот и бережок... Оп-па!.. Художники-инсталляторы!.. Один немец лежит на боку, обняв винтовку, подложив под щеку ладони и подтянув к животу коленки. Этаким младенчик в «фельдграу». Другой со спины закинул руку ему на плечо и ногу на бедро... Сладкая парочка, блин!

Автор произведения, судя по довольной ухмылке, – Егорка, притаившийся сбоку в одном исподнем. Кидаю ему и Андрейке свертки с формой, чтобы оделись. Зингер сначала забирает у меня свой «мадсен», обтерев наскоро руки, приводит его в готовность и лишь только потом развязывает тючок с одеждой.

Тем временем пришедшая «пятерка» располагается вокруг палатки, в руках бойцов ножи, чтобы в случае чего обрезать растяжки. Один человек специально дежурит возле входа. Посылаю переодевшегося Егорку обратно, чтобы переводил остальных...

Хоть туман и глушит звуки, короткий женский взвизг был слышен очень отчетливо!.. Все, не пройдем тихо!.. Внутренность палатки отозвалась на этот живой будильник глухим невнятным ворчанием, потом возле полога наметилось шевеление...

Ну и зря! Спали б крепче – были б живы!.. Машу рукой, бойцы режут веревки, палатка оседает вниз, и неожиданно громко парусину перечеркивают очереди двух пулеметов. Шевеление внизу прекращается, бойцы разрезают тент и ножами проводят контроль. А я, уже обувшись, тем временем бегу узнать, что же вызвало такую неадекватную реакцию барышни на мосту. Все оказалось до невозможности банально. Это я своим тысячу раз объяснял что такое «кошачий шаг» и что через неизвестное и ненадежное препятствие нужно идти цепочкой, улавливая колебания под ногами от впереди идущего.

Наши «гости» об этом не знали и не подумали. Ломанулись через мостик всем скопом, не слушая объяснений. Раскачали понтон, вот наша барышня, чуть было не полетев в воду, подала сигнал «SOS». Хорошо, что рядом вездесущий Егорка оказался. Поймал на лету, не дал искупаться да еще и рот-сирену рукой прикрыл. За что, правда, потом смущенно извинялся.

Ну, что ж, раз все получилось громко, можно и похулиганить. В саперном инструменте, аккуратно сложенном в двуколке, находим топоры – и двое бойцов убегают рубить тросы у того берега. То, что они стальные, значения не имеет. Топорики все равно одноразовые, нам ими больше не работать. Хотя один целый можно было бы прихватизировать на всякий случай.

Стук в тумане прекращается, понтоны двигаются, увлекаемые течением, на нашем берегу растяжки натянуты, как струны. Несколько ударов, трос со звоном лопается... Еще пару раз... Мостики неторопливо скрываются в тумане. На досуге можно будет погадать по примеру русского классика, доплывут они до Балтики или где-то на Висле притормозятся. Уходим по дороге в ночную тьму навстречу начинающемуся восходу, унося в качестве трофеев помимо топорика пяток тротильных шашек, с десятков гранат-колотушек и два электрических фонарика, хозяйственно припасенных германскими саперами...

Далеко от переправы уйти не удалось. Прошагали версты три-четыре,

как передовой дозор посигналил очень вовремя пригодившимися фонариками «Стоп». Дублирую: «Группа, стой». Даже без объяснения прибежавшего бойца слышу вдалеке шум. Скорее всего, от автомобилей. Вся компания ссыпается в придорожные кусты и затихает.

Очень скоро вдалеке на повороте взблескивают огоньки, а спустя еще немного времени мимо нас проезжают одна за другой четыре груженные машины. И груженные, как успел рассмотреть в свете фар, гансами в полной боевой готовности. Предпоследний «пепелац» везет даже 08-й МГ. И направляется эта развеселая компания напрямик к переправе. А вот это уже не есть гут. В ночных передвижениях немцы до сих пор замечены не были, так что очень вероятно, что кто-то услышал выстрелы на переправе и объявил тревогу. Вот небольшая кучка в сотню германских рыл и едет проверить, что же там случилось. И то, что они увидят, им явно не понравится. Значит, нужно как можно быстрее уходить отсюда, усилив тыловой дозор и подыскивая надежное место для дневки.

Проходим еще около версты, потом встающий над горизонтом алый диск солнца начинает слепить глаза. Все, стоп. Пора сворачивать в лес, искать укромное местечко и становиться на отдых до вечера. Поплутав немного, находим небольшую поляну, на краю которой растет береза, способная спрятать добрую половину нашей компании. Ствол дерева года три назад сломался под тяжестью упавшей сверху старшей сестры, в свою очередь не выдержавшей, наверное, ураганного ветра. Теперь она так и продолжает опираться на младшую, постепенно засыхая. Из-за того, что путь вверх был закрыт, ветви стали расти вширь и теперь кое-где свешивались аж до земли, образуя своеобразный шатер. Выставив охранение, всех остальных загоняю под дерево отсыпаться. Впрочем, два раза приглашать не пришлось.

Медсестричка, не привыкшая к подобным променадам и хлебнувшая экстрима этой ночью, заснула как бы не раньше, чем расшнуровала ботинки. Свернулась калачиком на нарубленном неподалеку лапнике, да так и замерла. Ее, уже спящую, накрыл своей шинелью запасливый Матвей Синельников, прежде чем сам отрубился. Остальные офицеры тоже недолго боролись с объятиями Морфея, да и бойцы, свободные от дежурства, помня старую солдатскую привычку дрыхнуть, как только выпадет возможность, быстро последовали их примеру.

Унтер, командовавший дежурной «пятеркой», заверил, что ночью он отлично выспался и отдохнул, поэтому командир может пару часов спокойно поспать. Во вранье товарищ до сих пор замечен не был, поэтому, проинструктировав еще раз на всевозможные случаи вплоть до нового

Потопа и падения астероида в непосредственной близости с последующим вторжением инопланетян, отправился в укромное местечко поблизости посмотреть свой любимый сон – сериал про черного кота и рыженькую кошечку Дашу...

Глава 2

Проснулся от солнечного лучика, ярко светящего даже через сомкнутые веки. Первым делом проверил посты, которые все как один доложили, что все тихо да спокойно и ни одна живая тварь размером больше кукушки замечена не была. Ладно, пока все еще спят, подводим итоги.

За ночь в общей сложности мы успели отмотать всего верст пять-шесть от Ново-Георгиевска, что гораздо меньше одного дневного перехода. Это, значит, – раз.

С уверенностью в девяносто девять процентов можно предположить, что после наших развлечений в крепости гансы выставят заслоны на всех дорогах, дорожках и тропинках. А в дополнение к этому будут прочесывать все леса и рощи, не жалея времени и сил. А своих зольдатенов вдохновят какими-нибудь железными крестами за головы пойманных или убитых русских «бандитов», обидевших кайзера и уменьшивших поголовье германских генералов на две или три единицы. Это, значит, – два.

Совершать марши в привычном для нас темпе мы не можем, поскольку в группе четыре «пассажира». Это – три.

И из них самый проблематичный – медсестричка. Вон, до сих пор дрыхнет без задних ног, умаялась за ночь... Тут же получаю очередное доказательство материальности мыслей. Барышня, щурясь спросонья от яркого солнца, вылезает из-под березовых веток, оглядывается вокруг и, увидев неподалеку ответственного и виноватого за все бедствия в моем лице, спешит пожаловаться на тяготы и лишения походной жизни. Однако процесс протекает мирно, сопровождаясь смущенным румянцем на щеках.

– Доброго утра, точнее – дня, Анна Сергеевна! Выспались хоть немного?

– Доброго утра, Денис Анатольевич! Спасибо, в госпитале привыкла не спать по полночи... Простите... Мне очень неловко об этом спрашивать... Я могу одна отойти в лес подальше?.. Чтобы никто не видел?

Черт, чуть не забыл, теперь походный сортир будет у нас, как у Папанова на карте – «Мэ» и «Жо». Вернее, один, но посещение – по очереди.

– Да, конечно, извините, что сразу не предупредил... Егор, проводи барышню до... известного места и бегом обратно.

Ловлю дернувшегося вслед вновь засмущавшейся медсестричке казака

и шепчу на ухо:

– Контроль с пяти сажен. Так, чтобы она не увидела, не услышала и не почувствовала. Потом незаметно проводишь обратно... И не приведи Господь подглядывать. Оторву сначала тое самое, потом – уши. Понял?.. Давай...

Егорка делает честные-пречестные глаза, мол, командир, как ты мог на меня такое подумать, и исчезает в кустах, догоняя охраняемую особу. Может, и зря его стращаю. Кажется, в это время человечество в массовом порядке еще не доросло до подобных извращений. Ладно, оставим эротику во всех ее проявлениях на потом, сейчас надо делами заниматься.

Пока бойцы готовят обед, бужу всех остальных. Прием пищи у нас проходит в стиле «а-ля фуршет». Меню скромное, но калорийное: холодная говядина ломтиками в виде всем уже надоевшей тушенки, тосты в качестве не менее надоевших галет и витаминный салат из уже немного огрубевшей черемши, собранной неугомонным лесовиком Семеном. Из напитков – только вода... Хотя вот тут я, кажется, немного ошибаюсь. Николай Бер достает свою фляжку и, радостно улыбаясь, во всеуслышание задает идиотский вопрос:

– Господа офицеры, не желаете ли хлопнуть по рюмашке?

В ответ получает испепеляющий взгляд от меня (убью гаденьша!), недоуменные – от бойцов (чей-то с их благородием, не заболел ли часом?), и наконец, осуждающие – от остальных (нашел, дурак, время!).

– Николенька, тебе не кажется, что сейчас не совсем подходящий момент для пикника? – Димитр одаривает своего коллегу издевательски-ледяной улыбкой. – Мы еще не так далеко ушли от Ново-Георгиевска, чтобы считать себя в безопасности. И, вообще-то, здесь командует Денис Анатольевич, так что решать ему.

– Давайте, Николай Павлович, сделаем так: сейчас отдаете водку, или что там у вас во фляге, Анне Сергеевне для медицинских целей, а когда выйдем к своим, я вам ее верну, да еще сверху проставлюсь...

Конец фразы был заглушен тарахтением в небе, и одновременно с моим воплем «Воздух! Под деревья! Живо!» над поляной на небольшой высоте проплывает дирижабль. Движки набирают обороты, цеппелин отворачивает с набором высоты, целенаправленно уходя прочь. Бл...! Твою ж дивизию!..

Как дважды два не складывай, все равно будет четыре... Гансы ведут поиски даже с помощью всяких пернатолетающих. Ну так, немудрено – горе-то какое. Сейчас эта «колбаса» долетит до ближайшего гарнизона или заслона на дороге и сбросит вымпел с указанием места, где видел русских.

А затем последует прочесывание этого лесочка. Колбасники улетели на северо-запад, значит, по логике мы должны убегать на восток. Где нас уже будут ждать... А мы попробуем по-другому...

Трех минут хватило, чтобы группа была готова к движению. Уходим обратно к дороге, причем в довольно хорошем темпе. Даже наша барышня старается, держит темп. Хотя глаза от страха круглые и бессмысленные. Пару раз, оборачиваясь, ловлю недоуменные взгляды офицеров, потом Стефанова прорывает:

– Почему... Мы сюда?.. Надо на восток!

– Вот и германцы так подумают... Надеюсь...

Шоссе перескочили быстро и благополучно, гансов пока не наблюдается. Отходим на сотню шагов, команду привал. Пусть «пассажиры» переведут дух. Двадцать минут бега по лесу – то еще удовольствие. Для них... А пока приходят в себя, мы прогуляемся к дороге, посмотрим, кто, куда и когда там поедет...

Ждать пришлось недолго. Не сказать, чтоб движение было интенсивным, но за полчаса прошла пешая колонна размером около роты и проскрипели мимо два конных обоза. Может, все и обойдется?.. Нет, не угадал. Из-за поворота на четвертой скорости вылетает полуэскадрон драгун и, быстро спешившись, растягивается в цепь и исчезает в лесу. На виду остаются только коноводы с лошадьми. Но и их для нас будет много – человек двадцать – тридцать, не меньше. Значит, остается одно – уйти по-английски, не прощаясь. Причем, как можно дальше, потому как гансы закончат с этим лесом и примутся за другой...

Днем по лесу передвигаться гораздо удобней, но очень уж небезопасно. За каждым поваленным деревом мерещится кто-нибудь. Начиная с польских кабанов и медведей и заканчивая немецкими пулеметчиками. Чисто на подсознательном уровне, потому, что в головном дозоре – Семен с Гордеем, для которых лес – дом родной, никто и ничего мимо незамеченным не проскочит. Но все равно шагаем насторожившись. От дороги ушли уже достаточно далеко, делаем еще привал-пятиминутку, видя, что наши «гости» опять выдыхаются. Особенно жалко медсестричку, ей достается больше всех. Но ведь идет, не отстает, не жалуется и не плачет. Сильная девчонка. Правду говорят: есть женщины в русских... госпиталях. И мужчины рядом с ними. Стефанов подсаживается к нашей барышне, достает из кармана, насколько вижу, маленькую плитку шоколада и, настойчиво уговаривая, заставляет ее съесть пару кусочков. И это – правильно. Во-первых, придаст сил, во-вторых, эндорфины никто не отменял.

Справа бесшумно подходит Гордей и присаживается рядом. Он с Семеном тоже недавно заслужил право называться «Первым составом» (а стрельбой в крепости это подтвердил), но позывного получать не захотел, остался как есть, Гордеем.

– Командир, мы тут с Семой прошлись дальше, там березняк кончается. Ручеек течет махонький, а через поляну хороший ельник стоит. Деревя взрослые, укрыться всем можно будет. И отдохнем, и повечеряем горяченьким.

– А если гансы к нам на чаепитие пожалуют?

– Не, там елки забором стоят, запах не выпустят. И дыма видно не будет... Я-то ж не за себя, мы-то – ко всему привычные. Глянь вон на афицериков да на барышню ихнюю. Им бы хучь раз в день горяченького посёрбовать надобно.

– Ну, добро, ведем, показывай...

* * *

Ельник действительно можно было назвать роскошным. Рослые темно-зеленые красавицы тянутся в небо своими верхушками, отставив вниз тяжелые нижние лапы. Даже с нескольких шагов кажутся сплошной стеной, непроницаемой для посторонних. Гордей оттягивает в сторону живые «шторы», и образуется проход внутрь. Нырять туда... и оказываюсь в каком-то сказочном Берендеевом царстве. Внутри неровного круга-стены елей лежит уютная полянка... Гордей отгибает нижние ветки одного из деревьев и показывает мне почти готовое лежбище-спальник, созданное самой природой. Толстый слой сухой прошлогодней хвои будет прекрасной периной, само дерево играет роль стен и крыши. Да уж, лучше места не найти. И гансы незаметно не подберутся...

Через десять минут все обустраивают себе места для отдыха по два-три человека в зависимости от размеров елок. Единственное персональное место отдано Анне Сергеевне, которая, невзирая на явно видимую усталость, помогает сибирякам готовить «чаепитие». А я тем временем зову командиров групп на постановку задач.

– Значит так, братцы. Нужно гансам немного голову поморочить. Поэтому твоя «пятерка», Клим, сегодня в охране, а ты, Петр Игнатьич, берешь своих молодцов и – смотри в карту – быстренько двигаетесь вот на эту дорогу. Там немного пошумите, чтобы германцы решили, что мы идем в том направлении, – и обратно сюда. Двух-трех обстрелов обозов, думаю,

будет достаточно. Подкрались, несколько раз стрельнули, желательно во всяких там начальников, и, не дожидаясь ответки, – в лес. Ну да сам все знаешь, не мне тебя учить. Сейчас – начало четвертого, вернуться сюда к семи вечера, не позже. Держи часы. Задачу понял?.. Выполняй...

Группа вернулась раньше, и, пока медсестренка готовилась напоить чаем проголодавшихся, по ее мнению, бойцов, унтер Игнатъич доложил о выполненной работе:

– Как и было говорено, вышли вот сюды. – Палец с пожелтевшим от табака ногтем неторопливо скользит по карте. – Прошли кромкой леса, наткнулись на стоящий обоз. Ужинала немчура. Ну, мы волчий хор и изобразили. Лошадки – на дыбы, повсюду переполох. Сделали под шумок по паре выстрелов и ушли dalej. Потом вот здесь, на повороте, в засаду сели. Дождались афтамобиля, небольшого, в котором какие-то офицеры ехали. Разок по ним выстрелили, и опять в кусты. А на обратном пути, когда вот туточки через дорогу перескакивать решили, видим – едут ешо машины, тока грузовые. Хотели пропустить, да недалече от лежки один и сломался. Гансы там чегой-то покричали, затем все уехали, а шофер еного остался внутриях ковыряться. А чтоб ему веселей было, начальник ихний, видать, ефрейтора в компанию оставил. Ну, мы отошли шагов на сотню и переползли незаметно... Они, наверное, до сих пор там торчат.

– Добро, Игнатъич. Иди, чаевничай, а то кипятток весь выдуют. А я посижу, подумаю.

Так, унтер, хитрюга известный, интересную идею подкинул. Вместо того чтобы красться лесом по ночам, на машине покататься... Идея заманчивая, но и опасная. Внаглую, когда по дороге еше гансы туда-сюда ходят и ездят, устроить автопробег инкогнито. В крайнем случае, возьму грех на душу, переоденусь в германскую форму, хоть это пока и не по правилам. Если повезет, никто не узнает, а если – нет... То мне лично будет уже все равно... Надо бы сбегать туда, посмотреть что с машиной. По словам командира группы, до них – две версты будет, если напрямую по лесу. А там, в зависимости от обстановки, будем принимать решение. В конце концов, лучше плохо ехать, чем хорошо идти...

Пусть господа офицеры недовольно кривятся, но оставляю за себя старшим Зингера, объявляю готовность к выдвигению и с двумя бойцами, назначенными Игнатъичем, бегу смотреть на место ДТП...

Глава 3

Находим его достаточно быстро, гансы сами себя обнаруживают. Ефрейтор, оставшийся за старшего машины, помогал бедному водиле, пока тот копался под капотом, как мог. Голосом. Сидя на подножке и время от времени пуская дымок из короткой трубки, этот боров, не смолкая, давал очень нелестную характеристику своему подчиненному. Лежа в кювете в пяти метрах от них, аж заслушался этого цицерона. Не так стоишь, не так свистишь, как тебя только подпустили к автомобилю, лучше бы ты в детстве сломал себе шею и не позорил бы сейчас доблестные войска кайзера, даже пьяный русский медведь уже отремонтировал бы мотор, потому что у него мозгов побольше, чем у тебя под фуражкой... Ну и в том же духе.

Ну, русских медведей мы вам устроим, только чуть позже, когда авто отремонтируете... Оп-па, а похоже, этот миг сейчас наступит. Водила вылезает наружу, бросает на ефрейтора такой испепеляющий взгляд, пользуясь тем, что тот отвернулся, что я начинаю опасаться, как бы кабина не загорелась. Берется за «кривой стартер» и пытается завести чудо немецкого автопрома. И, что характерно, после четвертой попытки ему это удается. Движок пару раз чихает, потом уверенно держит обороты... Пора!.. Хлопаю по плечу правого бойца, показываю на шофера и вылетаю на дорогу прямо перед ошарашенным оратором. Удар с ноги в солнечное сплетение – немец, позабыв обо всем, сгибается, нож входит между шеей и ключицей. Водитель, спустя секунду, падает перед колесами со сломанной шеей. Вытираем клинок, прячем в сапог, выключаем двигатель, трупы оттаскиваем подальше от дороги, закидываем ветками...

Отправляю посыльного в лагерь с наказом: «Срочно сюда, попутку поймал». Пока добежит, пока все здесь появятся, с полчаса пройдет. Значит, будем играть спектакль, если на дороге кто-нибудь нарисует. Переодеваться полностью не стал, кое-как натянул поверх формы ефрейторский китель, благо, предыдущий владелец был на десяток килограммов пошире, да на голову нацепил противопыльные очки. Оружие на изготовку, второй боец страхует из кустов, ждем-с.

Время пролетает незаметно, из кустов слышится знакомый «чирик», появляются запыхавшиеся «пассажиры» в окружении бойцов, двое из которых тут же убегают за полсотни шагов к повороту в тыловое охранение. Народ начинает выкидывать из кузова какие-то тюки и ящики.

Ну, это они и без меня справятся, иду заводить машину. Получается со второй попытки. Кузов уже освободили, можно грузиться... И в этот момент слышится «Тревога!» Пистолет прыгает в руку, ломлюсь к заднему борту. От поворота по обочинам несутся бойцы, а за ними появляются трое гангов на велосипедах. Самокатчики! Устроили, бл..., себе тут Тур-де-Франс! Какой леший вас сюда принес так не вовремя!.. Сибиряки почти синхронно садятся на колесо, прячась за скинутыми ящиками, винтовки уже у плеча. Три выстрела сливаются в очередь, на дороге появляется небольшая куча велосипедов и их мертвых владельцев. Половина группы уже в кузове, помогает забираться оставшимся... И начинаются неприятности.

Из-за поворота появляется следующая порция немцев, только теперь их уже с десятков, и они готовы к бою! Кинув байки на дорогу, они грамотно рассыпаются за импровизированной баррикадой из тел своих камрадов и открывают огонь... В ответ работают снайперки, и к ним с другой обочины присоединяется «мадсен» Зингера. Остальные, подбадриваемые моими воплями, очень шустро грузятся в машину. И тут же у нас появляется очень большая проблема... Матвей Синельников, уже забросивший в кузов «сидор» с пожитками, получает пулю в бедро и оседает вниз на дорогу. Пытается подняться, цепляясь руками за задний борт, но не может. Штанина быстро пропитывается кровью, по земле начинает растекаться вишнево-красная лужица, быстро увеличиваясь в размерах.

Ёпрст!.. Твою мать!.. В два шага оказываюсь возле него, хватаю под мышки, приподнимаю навстречу тянущимся из кузова рукам. Ору: «Жгут наложите!» Его втаскивают внутрь, рядом уже Егор, срывающий с себя ремень, и медсестричка с бинтами в руках. Рядом с ними появляется еще один «мадсен», начинающий огнем прикрывать снайперов и Андрейку, которые лезут в кузов. Вроде все. Бросаюсь к кабине. Педаль, рычаг, педаль, газ. Машина с ревом трогается с места, ускоряясь изо всех сил... Ну, давай, родная, давай, жми!.. Сзади сквозь шум мотора стучит пулемет, отсекая преследователей... Педаль, скорость, педаль, газ... Даже если кинутся догонять, ничего не получится. Мы уже выжимаем километров двадцать в час и еще прибавим. Хорошо, что дорога более-менее укатана, не так сильно трясет. Выстрелы сзади больше не слышны, значит, оторвались. Теперь главное – укатить подальше от этого места, пока немцы не очухались и не организовали погоню. Будем двигаться, пока хватит горючки...

Через несколько верст торможу машину и бегу смотреть, как там дела

в кузове. Дела оказываются не очень. Двое раненых. Но если моего бойца только задело по касательной в плечо, то с Матвеем все гораздо серьезней. Лежит на подстеленных шинелях, белый как мел, губы прикушены. Нога перетянута ремнем, на ране – повязка. Рядом медсестричка пытается посчитать пульс, держа его за руку. Потом поднимает на меня глаза и спокойно, деловито сообщает:

– Ранение сквозное, но пуля прошла, видимо, очень близко к кости. Перелома нет, но может быть трещина. Пульс учащенный... Ему должно быть больно, а он не стонет... Только губы кусает. А обезболивающего нет...

– Как это нет?.. Николай Павлович, будьте так добры, дайте вашу флягу. В ней водка?

– Коньяк! – Бер лихорадочно пытается отстегнуть посудину, наконец ему это удается, и он протягивает ее мне.

– Матвей, вы меня слышите? Сделайте три-четыре хороших глотка, считайте, что это лекарство... Мы сейчас поедem, будет трясти, но надо потерпеть. Я постараюсь вести автомобиль аккуратно.

Анна Сергеевна приподнимает голову Синельникова, подносит горлышко к его губам. Прапор глотает через силу, затем закашливается, пытаясь отдышаться. Придя в себя, слабо улыбается и извиняюще просит:

– Мне бы... Папиросу... Если можно...

Пока Бер нервно шарит по карманам, Стефанов достает из портсигара требуемое, протягивает Матвею и щелкает пижонской зажигалкой. Не докуренная и до половины папироса выпадает из ослабших пальцев, Синельников расслабляется, глаза полузакрыты, на губах даже подобие улыбки:

– Почти, как во Франции... Перед гильотиной...

Ну, про ампутацию пока думать не будем, а вот после ранения и болевого шока граммов сто пятьдесят чего-нибудь крепкого, да закусить папироской, – лучше анестезии не придумаешь...

Часа через полтора останавливаюсь. Скоро совсем стемнеет, надо зажечь фонари. Да и ехать на автомобиле со слабой пародией на амортизаторы, без гидроусилителя, да по грунтовке, предназначенной для повозок, – удовольствие еще то! Очень хорошее упражнение для мышц спины и плечевого пояса, никакой качалки не надо. Одно радует – дорога безлюдна. Специально на нее и свернули, чтобы не встречаться ни с кем. Первым делом заглядываю в кузов.

– Анна Сергеевна, ослабьте жгут на полминуты, надо восстановить кровоток в ноге. Иначе возможно омертвление тканей.

– Да, конечно, сейчас. Мы долго стоять будем? Я бы хотела повязку поменять. – Медсестричка начинает распускать ремень у Матвея на ноге. – А откуда у вас такие познания в медицине?

– Пришлось в госпитале поваляться, знакомый доктор рассказывал. Делайте перевязку. Клим, выставляй охранение. Мне минут двадцать с фарами повозиться надо.

М-да, это вам не подрулевым переключателем щелкнуть. Находим жестяную коробочку с карбидом, засыпаем, заливаем водой, закрываем, ждем. Потом помаленьку открываем вентиль, подносим спичку, пытаемся отрегулировать яркость. Потом то же самое делаем со второй фарой. Хорошо, опыт уже есть. А первые разы боялся, как бы не рвануло. И не без основания – детские дворовые шалости с карбидом помню очень даже хорошо... Ну, вот теперь мы – с освещением. Осталось вылить в бак остатки бензина из канистры, и можно ехать дальше. Пока либо горючка, либо дорога не кончится. Синельникова уже перевязали, можно трогаться...

Наше авторалли закончилось быстрее, чем предполагал. Еще с полчаса вел машину, стараясь разобрать дорогу в смутном свете фар, пока по кабине не постукали. Останавливаюсь, чтобы узнать, что случилось. Бер со Стефановым объясняют, что далеко сзади и немного левее только что был виден яркий вертикальный луч света, который погас через несколько секунд. Так, плохо дело. Скорее всего, дирижабли нас продолжают искать и ночью. Узнав об угнанной машине, немцы будут идти вдоль дорог, подсвечивая прожектором все подозрительные места. Пока рассуждаю, луч появляется вновь, пока что далеко, но ключевое слово здесь – «пока». Скорость у «колбасы» побольше нашей будет. Отсвет фонарей ночью виден очень даже хорошо, наведутся на раз. И подмогу по земле вызовут, в кольцо возьмут. Стучу по баку – почти пустой. Значит, надо бросать машину и дальше снова двигаться пешком.

Бойцы из нарубленных жердей и куска тента делают носилки, аккуратно перекладывают на них Синельникова. В качестве мелкой пакости портим в грузовике все, что можно испортить в темноте, сталкиваем в кювет и уходим дальше по дороге. Одна «пятерка» несет носилки с раненым, другая – в охранении спереди и сзади. Через полчаса меняются местами. Стефанов и Бер идут рядом с медсестрой, пытаясь оберегать ее в темноте.

Теперь немного порассуждаем на ходу. Если гансы и пытались выставить заслоны, исходили они из скорости пешей группы. Это значит, что сегодня, проехав на машине около сорока – пятидесяти верст, мы за

кольцо оцепления, скорее всего, вышли и имеем фору по времени. Даже если обнаружена пропажа автомобиля, немцам нужно будет время на создание нового заслона. Учитывая, что здесь относительно глубокий тыл, этот процесс займет какое-то время. Значит, будем двигаться дальше, но уже днем, учитывая раненого на носилках...

Ход мыслей прерывается сдавленным «Ой» и неясной возней в темноте. Подхожу ближе и понимаю, что планировать и фантазировать можно хоть до посинения, а реальность иногда живет по своим законам. Твою ж!.. Б...!.. Ё...!.. На этом все матерные мысли быстро кончаются. Анна Сергеевна сидит на земле, обхватив обеими руками правый голеностоп.

– Я, кажется, ногу подвернула. – Голос виноватый и растерянный, чувствуется, что еще немного и расплечется то ли от боли, то ли от обиды на саму себя.

Так, похоже, сегодня мы уже никуда не идем. Кроме, как в поисках места для ночевки.

– Анна Сергеевна, ногу чувствуете? Где болит? Двигать ей можете? – Надо загрузить ее вопросами, чтобы не сорвалась в истерику. – Сейчас больно?.. Нет?.. Давайте попробуем встать.

Стефанов и Бер помогают ей подняться, поддерживая под локти. Вроде стоит, правда, опираясь на помощников. Дай бог, чтобы это было растяжение или вывих! О переломе и думать не хочу! Ну, вот, делаем шажок, другой...

– Наступать больно, но кости, кажется, целы. – Медсестренка потихоньку приходит в себя и виновато добавляет: – Только идти сама не смогу...

Понятно... Зову своих «артельщиков» и ставлю задачу:

– Значит так, братцы. Нужно найти место для ночлега. Там пересидим до утра и будем искать лежбище понадежней. Задача ясна?

Молча кивнув, сибиряки растворяются во тьме. Надеюсь, что не подведут. А пока всех остальных с дороги – в кусты, и ждем. Придется еще на денек задержаться, пока наша барышня ходить сможет. Нет, можно, конечно, и двоих тащить, вон, господ офицеров приставлю к ней носильщиками, но это – на крайний случай. К тому же сейчас бесполезно, а вот с утра надо будет Синельникова глянуть. Вот с ним-то точно задерживаться никак нельзя. Даже если ранение мягких тканей, то все равно – большая кровопотеря и риск инфицирования.

Далее, с утра проверить остаток продуктов. И, скорее всего, отправлять народ на охоту за консервами. Вскоре появятся Семен с

Гордеем, которые нашли подходящую полянку неподалеку, и мы отправляемся на ночлег...

Утром, дождавшись рассвета, узнаю, как дела у Матвея и Анны.

Мадемуазель уже оказала себе первую помощь, туго забинтовав ногу и обмотав ее куском брезента. Сейчас сидит возле Синельникова, который, по ее словам, часа три назад сумел заснуть, глотнув очередную дозу коньяка. Прапор спит беспокойно, лицо, белое от потери крови и покрытое пробивающейся щетиной, выглядит изможденным.

– Денис Анатольевич. Пусть он поспит еще немного. – Она трет покрасневшие от бессонной ночи и пережитых приключений глаза. – Когда проснется, я сделаю ему перевязку. Только вот бинтов почти совсем не осталось... Как же мы теперь пробираться будем? Матюша ранен, да и я, раззява, всех подвела... Извините меня, если можете...

Вот только самокопаний с переходом в тяжелую меланхолию мне тут не хватало для полного счастья. Где ж я столько коньячного антидепрессанта найду?

– Анна Сергеевна, извиняться не за что. Вы ни в чем не виноваты, такое может случиться с каждым. Все под Богом ходим. Надо будет – на руках донесем. Или выкрадем из какого-нибудь госпиталя самого лучшего хирурга, и я смогу найти для него очень убедительные доказательства, что его здоровье полностью зависит от вашего с Матвеем состояния.

– Все равно, очень тяжело чувствовать себя никчемной обузой. – Она слабо улыбается. – И не шутите так, от ваших слов веет кровожадностью.

– А кто сказал слово «обуза»? Вы – единственный медик в отряде, ухаживаете за раненым. Так что не изводите себя ненужными раздумьями. Мы скоро переберемся в другое место, понадежней. Там и будем думать, как дальше быть. Извините, я вас покину, пойду проверю посты...

А пока буду проверять, дождусь Семена с Гордеем, которые, едва начало светать, ушли на поиски места для дневки поспокойней и подальше отсюда. По дороге меня перехватывает Стефанов.

– Денис Анатольевич, могу я с вами переговорить?

– Конечно, слушаю вас внимательно, Димитр Любомирович.

– Мы тут с Николаем поговорили... Не хотим быть обузой в отряде. С вашими солдатами нам, конечно, не сравниться, но... Взять на себя заботу об Анне Сергеевне нам вполне по силам. Мы даже придумали, как сможем ее нести вдвоем. Или можем подменять солдат на носилках, если возникнет к тому необходимость...

Во как, и уговаривать не надо. Это хорошо, что они такие сознательные. Особенно в отношении барышни. И у меня одной головной

болью меньше. Только вот слово «обуза» слишком часто повторяется сегодня утром. Они что, думают, что мы их бросим и уйдем? Ага, щ-щас!

– Возражать не буду, весьма вам благодарен за помощь. Но поговорите с Анной Сергеевной, вдруг она будет против...

Разговор прерывает появление лесовиков-разведчиков. Судя по довольным лицам, нашли подходящее место.

– Есть подходящее местечко в паре верст отсюда. Там, как идти, сначала низинка будет, рощицу небольшую окружает. – Семен довольно ухмыляется. – С виду болото болотом, но пробраться можно. Там и спрячемся.

– Добро, сейчас снимаемся и уходим...

Глава 4

Поездка в Лодзь, где находился ближайший госпиталь, прошла без особых происшествий, если только не считать за таковые несколько синяков и шишек, которые добавились к перечню телесных повреждений, полученных егерями в бою с русскими партизанами. Невзирая на все старания водителя, предусмотрительно пытавшегося объехать все явные и скрытые рытвины, российская дорога, или, точнее говоря, явление природы, условно именуемое оной, в очередной раз показала свой крутой нрав и не совсем хорошее отношение к солдатам кайзера. И если пострадавшие не смогли облечь свои впечатления в соответствующие словесные формы, относящиеся к нецензурной разновидности немецкого языка, то это объяснялось вовсе не их воспитанностью, а желанием спасти язык, который все время норовил попасть между зубами.

И только два пассажира никак не реагировали на превратности пути. Фон Штайнберг по-прежнему находился за границей реального мира, а асистенцарцт Вальтрауб сосредоточился на оценке состояния своего пациента, пытаясь отследить температуру, прикладывая ладонь ко лбу и периодически измеряя пульс. В госпитале, пока остальными ранеными занимались санитары, носилки с гауптманом занесли в комнату средних размеров, которую громко именовали «диагностическим отделением».

Доктора волновали мелкие осколки, которые могли остаться в глубине раны и вызвать нагноения, и поэтому рентгеновский снимок был просто необходим. В «отделении» размещался портативный аппарат Siemens-Halske, электрический кабель от которого тянулся за окно к динамо-машине, состыкованной с небольшим бензиновым двигателем, установленным в сарайчике. Повинуясь отрывистой команде доктора, уже далеко не молодой санитар, облаченный в замасленную спецовку, запустил свою полевую электростанцию. Выдав несколько холостых «выстрелов», двигатель весело затрещал, и сеанс диагностики начался...

Впоследствии фон Штайнберг практически ничего не смог вспомнить о неделе, проведенной в полевом госпитале. Русская, а, если быть абсолютно точным, германская пуля, выпущенная из германского же Маузера-98, не только оставила свой след в виде шрама на лбу, но и основательно контузила гауптмана. Впрочем, периодические потери сознания позволили не почувствовать страдания, неизбежно сопровождающие перевязки и обработку ран. Более или менее барон

пришел в себя в санитарном эшелоне, увозившем его в один из лучших военных госпиталей фатерлянда – Beelitz, находящийся недалеко от Берлина. Гауптман и не подозревал, что окончательный выбор конечного пункта был сделан не только, а точнее – не столько эскулапами. Например, госпиталь в городе Ольденбург, что в Нижней Саксонии, ведущий свою более чем вековую родословную от известной клиники, вполне мог поставить его если не на крыло, то, во всяком случае, на ноги. Но судьбой барона озаботился его «крестный отец» из разведотдела майор Хельмут фон Тельхейм, имевший на гауптмана далеко идущие планы, до которого успел дойти рапорт обер-лейтенанта Майера. Несколько своевременно сделанных телефонных звонков, продублированных телеграфными сообщениями, мгновенно перевели фон Штайнберга в разряд особо привилегированных пациентов. Это выразилось в личном визите начальника санитарного поезда и назойливой опеке санитаров, которые первоначально даже пытались воспрепятствовать гауптману самостоятельно отправлять естественные потребности, советуя воспользоваться услугами некого Штампке, имевшего опыт работы с уткой еще с франко-прусской войны.

Вся эта кутерьма, усугубленная тряской, скученностью и жарой, отнюдь не способствовала улучшению настроения барона, а, напротив, провоцировала сильные головные боли. Внесла свою лепту и раненая рука, которая немедленно отзывалась болью при попытке хоть немного пошевелить пальцами. Да и температура как будто бы решила подвергнуть своего хозяина кузнечной закалке – фон Штайнберга бросало то в жар, то в холод. По ночам мучили кошмары. Во снах недавние события причудливо переплетались с ужасами, талантливо описанными великим Андерсеном и красочно, в лицах, озвученными долгими вечерами заботливой няней в далеком детстве.

В итоге, прибытие поезда в Берлин было воспринято им как долгожданное спасение. После непродолжительной поездки на санитарном автомобиле гауптман попал в уютную палату, которая больше напоминала номер в первоклассном пансионе и разместилась в одноэтажном здании среди парка. Проспав почти двадцать часов и проснувшись от негромких трелей птиц за открытым окном, в которое вливался чистейший воздух, настоящий на ароматах трав и цветов, он смог почувствовать себя если не в раю, то, во всяком случае, в его земном филиале.

В первую очередь, врачи занялись раненой рукой. В это время в Германии уже был учрежден Имперский антигангренозный комитет и лучшие умы искали пути борьбы с этим страшным и, увы,

распространенным злом. В данном случае, рукой барона занялся лично Альберт Вольф, являвшийся одним из пионеров озонотерапии.

В течение нескольких дней состояние фон Штайнберга значительно улучшилось, и он стал более спокойно и с интересом осматривать окружающий его мир и людей.

Особенно приятно было видеть рядом с собой по-настоящему обаятельных и доброжелательных сестер милосердия, а для мужчины, вырвавшегося с фронта, это чувство удваивалось. Тем более что администрация госпиталя в подборе данной категории медперсонала неизменно руководствовалась требованиями, давно выработанными профессором Альбертом Гоффе: «Сестра милосердия, прежде всего, должна чувствовать призвание к своему делу; иметь ровный, спокойный характер и врожденный такт; любить порядок, быть правдивой и, наконец, человеком надежным. Сестра должна обладать наблюдательностью, сообразительностью, ловкостью, опрятностью и не быть брезгливой. Она должна уметь поставить себя и снискать уважение больного и его окружающих, но без надменности. Она всегда должна быть одинаково приветливой».

В комнате, где разместился барон, стоял небольшой книжный шкаф, содержимое которого говорило о хорошем вкусе того, кто подбирал книги. В основном это были исторические и приключенческие романы. Причем фон Штайнберг был готов поклясться, что в первый день появления в палате шкаф был пуст. Подойдя к полкам, гауптман неуклюже, действуя только здоровой рукой, попытался достать наудачу один из томиков. Но книги стояли настолько плотно, что пальцы просто соскальзывали с переплета. После третьей или четвертой попытки фон Штайнберг негромко выругался и решил сменить цель. На самой нижней полке поверх общей шеренги, чуть выступая над корешками своих «коллег», лежал одинокий том. Барон наклонился, вытянул его, но тут болезненными молоточками в висках напомнила о себе контузия, и книга хлопнулась на пол. Почти одновременно с этим раздался деликатный стук в дверь, и в комнату вошла одна из сестер.

Фройляйн Грета, так звали эту миниатюрную, очаровательную уроженку Эльзаса, чьи черные волосы смотрелись особенно неотразимо на фоне белого форменного чепца и передника, вежливо поздоровалась, подняла упавший фолиант и, заметив, что: «Господин барон еще не полностью владеет правой рукой», предложила почитать ему вслух. Взглянув на обложку, она одобрительно улыбнулась и продолжила:

– У вас прекрасный вкус, герр фон Штайнберг. Это же роман самого

графа Льва Толстого «Война и мир» в переводе фон Глюмера и Левенфельда.

Гауптман, как и многие военные, был равнодушен к романам, за исключением, пожалуй, произведений Вальтера Скотта, но ему было приятно общество красивой, молодой женщины. Чуть прикрыв глаза, он наслаждался её приятным голосом, ароматом духов, который ненавязчиво, но постоянно заставлял трепетать его ноздри и появляться игривым и соблазнительным образам в голове. Фон Штайнберг теперь хорошо понимал испанских идальго, которые обладали искусством, увидев носок туфельки юной прелестницы в строгом, до земли, платье и обменявшись парой невинных слов в присутствии почтенной дуэньи, домыслить всё остальное и при этом почти никогда не ошибиться...

Неожиданно он встрепнулся, уловив ее слова:

– «Представим себе двух людей, вышедших на поединок со шпагами по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время; вдруг один из противников, почувствовав себя раненым и поняв, что дело это – не шутка, а касается его жизни, бросил свою шпагу и, взяв первую попавшуюся дубину, начал ворочать ею. Но представим себе, что противник, так разумно употребивший лучшее и простейшее средство для достижения цели, вместе с тем воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах. Можно себе представить, какая путаница и неясность произошла бы от такого описания происшедшего поединка. Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, были французы; его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, были русские. Люди, старающиеся объяснить все по правилам фехтования, – историки, которые писали об этом событии. Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил. Наполеон чувствовал это, и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтовальщика остановился в Москве и вместо шпаги противника увидал поднятую над собой дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что русским, высшим по положению людям, казалось почему-то стыдным драться дубиной, а хотелось по всем

правилам стать в позицию en quarte или en tierce^[1], сделать искусное выпадение в prime^[2] и т. д., – дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднимаясь и опускаясь, гвоздила французов до тех пор, пока не погребло все нашествие».

Фон Штайнберг попросил девушку еще раз прочитать эти слова, а перед его глазами вновь возникли горящие аэропланы авиаотряда, окружившие его связанных подчиненных казаки лейтенанта Гуроффа, взорванные пути на станции и свежие холмики на немецком солдатском кладбище.

Сестра Грета с удовольствием исполнила эту просьбу, но далее насладиться обществом очаровательной чтицы помешал решительный стук в дверь, и на пороге появился начальник отдела III-b Генерального штаба майор Хельмут фон Тельхейм.

– Господин барон, рад видеть вас решительно вставшим на путь выздоровления. Я вижу, что вы снова интересуетесь радостями жизни во всех её проявлениях. Я прошу меня понять правильно, но я невольно заслушался, стоя за дверью. Фройляйн Грета – великолепный декламатор, и гениальные слова, начертанные великим Толстым, обрели зримые образы. Да и фрагмент выбран, как говорится, мастерски, не так ли, герр гауптман? Русские партизаны заставили отступать солдат самого Наполеона. Но я рекомендую вам обратить внимание еще на одну книгу. Автор тоже русский, как и Толстой, носил офицерские погоны, но в отличие от графа писал о партизанах не с чужих слов. – С этими словами майор положил на стол довольно толстую папку, на обложке которой не было ни имени автора, ни названия. – Это перевод на немецкий язык книги одного русского генерала, Денниса Дафьдоффа. Заметьте, что оригинал был издан почти сто лет назад. Мне кажется, что вам будет интересно взглянуть на мысли автора через призму вашего личного боевого опыта. Отдыхайте, набирайтесь сил. Надеюсь, что вы, милая фройляйн, не оставите своими заботами раненого героя рейха? А когда врачи сочтут вас, барон, готовым к небольшому автомобильному вояжу по пригородам столицы, то я заеду за вами. Скажу на прощание только одно: вы сделали всё, что могли, и ваша деятельность высоко оценена высшим командованием. Впрочем, скоро вы сможете услышать это сами, а скорее всего, и ощутите материальное проявление на своём кителе. Честь имею, господин барон.

Майор, прощаясь, наклонил голову и, четко, по-военному

развернувшись, вышел из комнаты. Сестра Грета, видя явное желание фон Штайнберга побыть наедине со своими мыслями, сослалась на необходимость проводить ещё трёх пациентов и удалилась, пообещав заглянуть к господину барону через несколько часов.

И нужно сказать, что девушка выполнила своё обещание. Дело в том, что Грета фон Ритцен, как и сотни её ровесниц из дворянских семей Германии, поступила сестрой милосердия в военный госпиталь, видя в этом свой долг перед империей. Но к этому весьма благородному и возвышенному порыву добавлялся и некий практичный расчет. Год войны привел к тому, что десятки тысяч молодых мужчин уже сложили свои головы на алтарь бога войны, и угроза остаться старой девой заставила задуматься и действовать Грет, Март, Софий и иных представительниц прекрасной половины рейха. А здесь вырисовывался весьма интересный вариант – молодой аристократ, перспективный офицер, уже успевший скрестить свою шпагу с врагами, разя их и на земле и в небесах. А раны, полученные в битве... Ну, что же – мудрый Шекспир не зря вложил в уста мавра, причем тоже профессионального военного, такие вечные слова: «Она меня за муки полюбила, а я ее – за состраданье к ним». В общем, не заметить те нежные чувства, которые испытывала фройляйн к барону, мог или слепой, или сам объект любви. Мужчины, увы, бывают иногда подобны великому Гомеру, и это сходство заключается отнюдь не в литературном таланте.

А среди недостатков майора Хельмута фон Тельхейма не значилось ни слепоты, ни отсутствия наблюдательности. Опытный разведчик и знающий жизнь мужчина, оценив ситуацию, мгновенно пришел к выводу, как её можно использовать в интересах дела. Поэтому между ними ещё до прихода гауптмана в сознание состоялся следующий разговор.

– Милая фройляйн, прошу понять меня правильно, но мне показалось, вы испытываете некоторую симпатию, которую я считаю вполне оправданной, к одному из раненых офицеров – гауптману фон Штайнбергу? – Майор дождался, пока врач представит ему девушку, и выйдет. – И поверьте, мой интерес не носит праздный характер.

Фройляйн не вымолвила ни слова, но покраснев, несколько раз кивнула головой и опустила глаза вниз.

– Грета... Вы позволите мне так вас называть? Мои годы дают мне на то некоторые права, а мои две дочери по возрасту вполне годятся вам в сестры.

Фройляйн, уже успевшая взять себя в руки, кивнула и приготовилась внимательно слушать этого важного господина из Берлина.

– Видите ли, Грета, пройдет некоторое время, и предмет ваших чувств покинет стены этого госпиталя. Его снова призовет долг перед кайзером и фатерляндом. И кто знает, пересекутся ли снова ваши пути?.. Знаете, как говорят наши враги французы: «А ля гер ком а ля гер», то есть «На войне как на войне». Но у вас есть возможность, не изменяя своему долгу сестры милосердия, быть рядом с бароном. И я уверен, что всё будет хорошо. Ибо вы оба заслуживаете самого большого счастья. Но есть маленький нюанс. Барон, как и ваш покорный слуга, сражается с врагами рейха на особом фронте. Если хотите, то вы можете встать в наш строй, но нам нужны женщины, сочетающие в себе не только красоту, но и ум, и не удивляйтесь, и немного хитрости. Впрочем, эти качества Господь щедро отпустил дочерям Евы. Вам придется для начала сдать маленький экзамен. Представьте, что вы режиссер и ставите спектакль, в котором главный герой должен взять из шкафа именно эту книгу. – Майор протянул девушке прекрасно изданный тяжелый фолиант. – А дальше, всё в ваших руках, дитя моё. Я верю в вас, милая Грета.

После беседы с гауптманом майор Хельмут фон Тельхейм уехал не сразу. Он терпеливо дождался, пока Грета закончит ассистировать доктору при перевязках вновь поступивших раненых, и, заручившись повторным разрешением врача, уединился с девушкой в ординаторской.

– Примите мои самые искренние комплименты, милая фройляйн. У вас все великолепно получилось. Поверьте, если бы не эта война, то я бы посоветовал вам сменить ампула, и вы смогли бы украсить собой труппу Камерного или Немецкого театра Берлина. Вашей игрой мог бы гордиться даже сам Макс Рейнхардт, тем более что он также является поклонником Льва Толстого. Поздравляю, вы сдали свой экзамен... Когда герр барон окончательно оправится от ранения и сможет покинуть госпиталь, вам предстоит его сопровождать. Естественно, что перевод будет согласован, да и вашего отца мы поставим в известность, тем более что с господином гехаймратом Фридрихом фон Ритценом мне уже доводилось встречаться. И на прощание, есть еще один вопрос: не могли ли вы рекомендовать для перевода еще пять кандидатур из сестер вашего госпиталя?

Этот вопрос тоже был своеобразным экзаменом. Если девушка, заранее ревнуя своего возлюбленного, назовет в качестве претенденток почтенных матрон, то она не совсем уверена в своих силах. Но и тут фройляйн Грета показала себя с самой лучшей стороны. Немного подумав, она предложила несколько фамилий и прокомментировала свой выбор:

– Герр майор, я работаю в госпитале всего лишь полгода, но уже успела понять, что для исцеления раненых только знаний и опыта мало.

Одни пациенты видят в нас своих дочерей, другие – сестер или подруг, а третьим так не хватает материнской опеки. Поэтому в моем списке есть и молодые девушки, и солидные дамы, но я все же попросила бы вас, герр майор, поговорить об этом и с нашим доктором. Уверена, что его выбор будет безошибочен.

Майор фон Тельхейм, поблагодарив девушку, спрятал список в карман кителя и, поцеловав ее руку на прощание, покинул госпиталь...

Глава 5

Низину переходили, ориентируясь только по одним сибирякам понятным приметам. Впрочем, за погранцов говорить не стану, шли привычно и спокойно. Здешние болота были не похожи на те, что помнил по Сибири. Вместо сплошного пружинящего под ногами ковра из кочек с частыми вкраплениями клюквы – редкие бугорки травы, кажущиеся бездонными провалы, заполненные черной водой, полусгнившие обломки чахлах деревьев, камышовые заросли... Но Семен уверенно провел нас на другой берег, даже не замочив ног. Выбрались на сухое место, прошли еще немного, и наконец, деревья спрятали нас внутри рощи. Вот здесь, рядом с небольшой полянкой, и сделаем дневку. Строго-настрога предупреждаю всех, чтобы не совались на открытое место и чтобы с открытым огнем были поосторожней. В смысле, разводить его могут только сибиряки-охотники, остающиеся в лагере за охранение. Их тоже инструктирую:

– Так, земляки, остаетесь здесь за хозяев. Все, что касается охраны лагеря, лежит на вас. Задача – сохранить в целостности и сохранности и лагерь, и его обитателей. Мы сейчас всем составом уйдем за провизией. Если, не дай бог, конечно, гансы здесь появятся, ваша задача – их увести от дневки, помотать по лесу. Заодно и поголовье их значительно уменьшить. Понятно?

– Добро, командир. Ежели что, сыграем с ними в «лису». Замаются они за нами бегать. – Семен недобро ухмыляется.

– Что за «лиса» такая? – Меня разбирает любопытство. – Ну-ка, поподробней. И с пояснениями, пожалуйста.

– Ежели у лисицы в норе кутята, при опасности – будь то человек али зверь какой посильнее – мамка уводит его от норы. Мелькнет специально среди деревьев, мол, здесь я, и спрячется. Вот так и водит по кругу.

– Хорошо. Только не увлекайтесь уж слишком. И походите по округе, посмотрите что тут да как...

До дороги путь занял около часа, и уже примерно столько же лежим на опушке, смотрим, когда нужный обоз на дороге появится. Хоть и не сказать, чтобы движение было оживленным, но ничего подходящего пока мимо не проезжало. Промчались две автоколонны, одна – к фронту, другая – обратно. Прогарцевал мимо эскадрон по своим кавалерийским делам. Протащились четыре патронные двуколки с техзамыканием в виде полевой кухни. Так что – ждем-с и надеемся на удачу.

И она вскоре нас посещает. Сначала проходит пехотная рота, по всем

признакам – маршевая, затем, через минут десять, появляется долгожданный обоз. Четыре повозки с какими-то тюками, скорее всего, с обмундированием, и пять продовольственных, судя по мешкам и знакомым уже ящикам с консервами, отлично видимым через деревянные решетки бортов. На каждом облучке рядом с возницей сидит ганс с винтовкой в качестве охраны. Итого: их – аж целых восемнадцать трайнгемайнеров, то есть солдат обоза, нас – чертова дюжина, очень злых и относительно голодных.

Першероны неторопливо тянут колымаги, не требуя особого вмешательства людей в управление. Поэтому последние либо кемарят на ходу, либо лениво болтают о чем-то своем, гансовском. Нужно притормозить первые две фуры, остальные останутся сами. Роли давно расписаны, работаем двойками. Один боец укладывает в пыль пассажиров, другой страхует и, в случае необходимости, помогает первому. Воюем ножами, стрелять разрешаю только в очень крайнем случае – немцы рядом, услышат.

Первая повозка поравнялась с камнем-маркером, команду атаку и мчусь вперед. Десять метров с низкого старта много времени не занимают. Боец-напарник заходит справа, хватает лошадей под уздцы и разворачивает упряжку поперек дороги. Растерявшийся конвойник пытается удержать равновесие на повороте, но с моей помощью ему это не удастся, и ганс слетает вниз на землю. Винтовку пнуть подальше от шаловливых ручек, удар кулаком чуть позади уха, – отдыхайте герр зольдат. Вскикиваю на передок, испуганный лошадиный водила сам спрыгивает и распластывается на земле, мол, «нихт шиссен», «кайзер капут», «их бин капитулирен» и, вообще, он весь – белый и пушистый. Подскакиваю к соседней упряжке, рывком за ноги стаскиваю толстого наглого ганса, который надумал сопротивляться. Ой, незадача-то какая! Немец, падая, головой о подножку телеги стукнулся! Счастливого пути в страну Амнезию! Запрыгиваю наверх, но возницу с другой стороны уже стаскивает один из бойцов...

Всё, обоз – наш. Игнатич уже проводит ревизию, его «пятерка» тащит на облюбованную дойч-арбу упаковки с галетами в дополнение к консервам. Остальные бойцы, пугая до произвольных физиологических реакций, обездвигивают немцев. Методом распарывания штанов ножами спереди и сзади. Честно говоря, даже и представлять не хочу ощущения, когда отточенное железо касается кожи в... самых интимных местах организма.

Все, повозка готова, бойцы распахивают к обочинам остальные, чтобы

можно было проехать. И слева раздается свист «Тревога». Заметив непонятные телодвижения на дороге, к нам спешит кавалерийский разъезд. Аж семь человек. Уже и сабли достали, орут что-то издалека, наверное: «Русс! Стафайся!» Поторапливаю своих, наш транспорт уже сворачивает на просеку. А по кавалерии из кустов начинает работать Зингер. Даром, что ли, пулеметчиков по бокам в охранение поставил. Кричу Игнатьичу, чтобы уводил добычу и бойцов, жду, пока не появятся ребята с «мадсенами», и уходим в лес тыловым прикрытием...

На полпути бросаем телегу, предварительно освободив лошадей. Они-то ни в чем не виноваты, смотрят грустно, как будто спрашивают: «Когда же вы, люди, меж собой разберетесь, воевать закончите?» Дальше проходим через кустарник и углубляемся в лес. Два человека налегке в дозоре спереди и сзади, остальные, включая командира, тянут добычу. Галеты, семь ящиков с тушенкой, по дюжине банок в каждом, – на несколько суток продуктами мы запаслись.

В лагере все тихо и спокойно. Первым делом иду к Синельникову, возле которого неотступно сидит Анна. При дневном свете прапорщик выглядит лучше. Медсестричка подтверждает:

– Все в порядке, пульс и температура нормальные, перевязку сделали, рана кровоточит, но не сильно. Тут приходили ваши сибиряки, принесли запасную нательную рубаху на перевязки и две головки чеснока. Рассказали старый таежный способ: кедровую или сосновую смолу-живицу на рану прибинтовывать и воду на чесноке настаивать, потом ею промывания делать. Я осмелилась попробовать. Еще когда на сестринских курсах училась, доктор один рассказывал, что у простого люда есть своя медицина, которая с болячками зачастую лучше нас справляется. Да и у других народов тоже есть чему поучиться. Вот я при случае и собираю такие рецепты... А вот господин прапорщик напрасно пытается играть в героя и не говорит, где и когда ему больно. И не понимает, что от этого зависит и диагностика, и само лечение...

Матвей, слабо улыбаясь, обнадеживает, что больно только когда шевелишься, а так – ничего, привык. Ну, вот и лежите спокойно, юноша, да слушайте болтовню барышни для развлечения и в качестве психотерапии. А я пойду по округе пробежусь.

В поисках того, кто мне составит компанию, натываюсь на Семена. И поражаюсь его виду. Сидит под деревом, обычно цепкий и внимательный взгляд рассеян, смотрит в никуда и ковыряет засохшей веточкой землю рядом с ногой. Еще не роденовский мыслитель, но что-то общее есть.

– О чем закручинился, добрый молодец? Почто невесел, буйну голову

повесил?

– Тут такое дело, командир... – Сибиряк несколько мгновений медлит, во взгляде читается сомнение, типа, говорить или не говорить, потом все же решается: – В непростое место мы попали...

– Конечно, непростое. Казармы нет, сортира нет, полосы препятствий – и то нет. – Пытаюсь его разбалагурить. – Кругом только трава и деревья...

– Пойдем-ка, покажу кой-чего. – Семен не принимает шутливого тона. – А потом наши таежные байки расскажу... И Гордея прихватить надобно, ему тоже полезно будет.

Второй сибиряк находится очень быстро, и, судя по выражению лица, он немного в теме. Что же такое вы там нашли, следопыты любознательные?.. Минут через десять ходьбы перед нами открывается небольшая полянка, на краю которой растут три могучие сосны. Подходим к ним, и Семен показывает на среднюю. На стволе, на высоте человеческого роста вырублен какой-то знак. По первой ассоциации – полукруглый геральдический щит, заканчивающийся вверху не ровной линией, а четырьмя зубцами, соединенными между собой. В середине щита – перевернутая буква «А» с двумя перекладинами. Знак потемнел, линии заплыли смолой, но заметно, что его недавно подправляли. Рядом на ветвях висит несколько то ли тряпочек, то ли ленточек, вылинявших от времени и непогоды.

– Я его увидел, когда лагерь обходил, живицу собирал. Тропку еле заметную нашел, она сюда и привела.

– Семен, я, конечно, не великий знаток всех этих знаков, но на первый взгляд это – тавр, межевой знак владельца, своего рода граница между двумя угодьями.

– Командир, ты в тайгу на охоту ходил?.. Нет? – Сибиряк смотрит и говорит очень даже серьезно. – Тогда не могёшь знать... Хучь верь, хучь не верь, токмо знак етый – Лесного Хозяина...

– Это, типа, лесного бога? Братцы, вы ж вроде православные, в церковь ходите.

– В церкви одно, а в тайге – друго, – вступает в разговор второй охотник. – Мне отец и дед мой сказывали, коль собрался охотник на промысел, надобно такой вот знак найти и с Хозяином побалакать.

– И о чем разговаривать? – Меня начинает разбирать любопытство. – Да и как он услышит? Вдруг – далеко?..

– С собой надобно взять посудинку с водкою да пряник какой медовый. Найти три кедры вот с таким знаком да пошариться вокруг. – Гордей старательно, как несмышленишу, объясняет ритуал. – Обязательно

камушек плоский и рюмку, али стакан найдешь. Кладешь камень под знак, ставишь на него стакан и наливаешь вина, а рядом пряник примащиваешь. Опося садишься рядом и говоришь про себя, мол, поохотиться пришел честь честью, зверя мучить не буду, тайгу разорять не буду. Дай, Хозяюшко, добычи, не скупись!.. А затем уже идешь охотиться.

– Я вот что ишшо добавлю. – Семен немного расслабляется, видно, понял, что не буду их на смех поднимать. – От старых наших артельщиков не раз слышал байки такие. Ежели кто лесной закон нарушает, ну, там, силки с капканами ставит такие, штоб зверь мучился, али не в срок ту же лосиху отелую стрелнет, телка без мамки оставит на погибель, али зверя без цели бить будет, просто ради удалства, – не быть ему в тайге. Каждый раз будет кружить-блудить без толку. А то и еще похуже – в свою же ловчую яму на рожны падет аль ни с того ни с сего на сухом месте в гадючью свадьбу обеими ногами влезет...

– А так зверей, значит, убивать разрешает?

– Лесной Хозяин токмо сводит охотника и зверя. А там – у каждого своя судьба. Ежели вон тому же косолапому под лапу подвернешься, моргнуть не успеешь, как уже на том свете. Но и если одолеешь ушкуя, не позволяй ему мучиться, добей сразу.

– Ну, хорошо, убедили. Спорить не буду. А дальше что делать будем, а?

– Командир, пусти нас с Гордеем прогуляться. Вон по той тропке. – Семен показывает на густые заросли. – Мы недолго, через полчасика будем.

– Ну, добро. Но если в срок не придете, поднимаю группу и идем вас искать...

Глава 6

Сибиряки вернулись в срок, как и обещали. Только вот вышли совсем с другой стороны. И, судя по лицам, прогулка была не из особо приятных. На вопрос, чего они вокруг лагеря хоромы водили, в два очень смущенных голоса поведали, что шли, шли, потом вдруг стало страшно, потом просто вышли на место дневки.

М-да, два таежника заблудились в лесу, да еще чего-то испугались, хотя ни одного зверя не встретили. Чудеса, да и только... А вот мы сейчас вторую попытку организуем. Только теперь сам пойду с Семеном. Гордей что-то не рвется больше в лес. Не боится, а вроде как остерегается. А мы вот и посмотрим, что там к чему. Хоть и говорят, что любопытство сгубило кошку, но мы будем ну оч-чень осторожны. Пяти минут на сборы вполне хватает...

И снова мы втроем у той самой сосны. Гордей согласился нас сопровождать до этого места и будет ждать нашего возвращения. Упрямый сибиряк лезет в ближние кусты, шуршит там опавшей листвой и, наконец, с торжествующим выражением на лице, вылезает обратно, держа в руках плоский валунок-окатыш размером в ладонь.

– Вот, у корневища схован был. – Он протягивает находку Семену. – Не знал бы, – не нашел.

Игнатов обтирает камень, что-то разглядывает на поверхности, поворачивая его к свету то одной, то другой стороной, затем протягивает мне:

– Глянь-ка, командир.

На плоской поверхности камня скорее выцарапана, нежели высечена та же буква «А» с двойной перекладиной. Да, тут уже клеймом лесовладельца не отмажешься. Да и в своем, уже далеком, будущем начитался и насмотрелся всякого. Главное было – научиться отделять, так сказать, «агнцов от козлищ», которых хватало. Одно зарядание воды по телевизору чего стоило. И ведь верили! И эта вера и излечивала от болячек, выправляла судьбу, а вовсе не банки и тазики от Чумака и телесеансы от Кашпировского. Так что, опустившись на колено, со спокойной душой кладу камушек под знаком, достаю флягу Бера и выливаю оставшиеся капли шустовского в подставленную крышечку, после чего ставлю ее в центре. Семен, покопавшись в кармане, достает галету, кладет сверху заныканный кусочек сахара и помещает подношение рядышком. Несколько

минут сидим молча, думая каждый о своем, затем Семен встает, шепча что-то вроде «Прими, Хозяин Тайги, не гневайся». Перед тем, как сунуться в кусты, задаю ему глупый, но важный вопрос:

– Семен, а крест нательный нужно снимать?

– Не, командир, тут главное не то, что на шее, а то, что в душе... Ну чё, пошли?..

Путь Игнатов угадывал по каким-то своим приметам, я же шел следом, не понимая, как сплошные заросли можно назвать тропинкой. В какой-то момент поймал себя на том, что в голове появились непривычные мысли. Как будто кто-то из-за каждого кустика и деревца смотрел в спину настороженным взглядом, вызывая непреодолимое желание обернуться, и шептал на ухо: «Зачем пришел?.. Уходи подобра, поздорову... Ты здесь чужой... Не место тебе здесь... Пропадешь ни за зря...» Когда миновали кусты и вышли еще к одному болоту, этот голос барабаном застучал в голове синхронно с пульсом: «Утопнешь в трясине... И следа не найдут... Беги, беги отсюда...» Захотелось кинуть все и действительно что есть мочи бежать прочь, не разбирая дороги... Где-то на краю сознания Денис Первый начинает опять тихо-тихо читать «Отче наш»... Ну уж нет!.. Ноги на ширине плеч, вдох-выдох, потом еще раз... На вдохе руки ладонями вверх поднимаются до плеч, на выдохе разворачиваются и опускаются, как будто с выходящим из легких воздухом что-то вталкивают в землю... Смотрю на Семена. Тот, покрытый капельками пота, беззвучно шепчет про себя то ли молитву, то ли наговор. Еще раз: вдох-выдох, вдох-выдох... И вдруг ощущаю – что изменилось... Как будто тесный обруч, сжимавший голову, распался на кусочки. Нет глухого, изводящего нервы сопротивления, наоборот, появляется сначала еле ощутимое, затем все усиливающееся желание пройти, пробежать, перелететь через это болотце и встретиться с...

А с кем, собственно?.. Так, применяем старый испытанный универсальный рецепт на все случаи жизни: стиснуть зубы, сжать кулаки... Вдох-выдох, еще раз... Вот теперь – нормально. Чувствуешь себя адекватным, объективным и готовым на подвиги. Напарника моего тоже вроде отпустило. Теперь меняемся местами, мне внутренний голос подсказывает, куда нужно идти. Спрашиваю взглядом Семена: «Готов?» Он утвердительно кивает в ответ... Тогда вперед!.. Низинку переходим благополучно, выбираемся на твердый берег и шагаем дальше. Возникает ощущение, что ноги сами знают, куда ступать, несут тело к заранее определенной точке маршрута.

И эта точка появляется через четверть часа быстрой ходьбы. На

очередной поляне стоит отмеченный временем, но все еще исправный и годный для жилья сруб. Почерневшие от времени бревна на «фундаменте» из замшелых валунов, крыша, крытая соломой, скорее всего в прошлом году, печная труба из серого камня, закопченная вверху, маленькое окно, обрамленное резными наличниками, с хитрым прищуром глядящее на нас... За домом виден большой сарай-сенник. И только после понимаю, что не хватает одной очень важной и привычной архитектурной детали – забора, плетня или, на худой случай, изгороди. Почему-то возникла ассоциация с избушкой на курьих ножках. Сейчас вот дверь со скрипом отворится, и выйдет навстречу Баба-Яга!.. Вопреки ожиданиям, никто не появляется. Ну, что ж, подойдем поближе, посмотрим.

М-да, и не избушка, а дом-пятистенник. Причем поставлен, насколько понимаю, правильно. Успевшая потемнеть солома на крыше прижата жердями, чтобы не унесло ветром, дверь врезана с южной стороны, с другой – к срубам примыкает навес-дровенник, плотно набитый свеженаколотыми чурками, рядом стоит колода с воткнутым топором. Обойдя дом по кругу, обтираем сапоги пучками сорванной травы и поднимаемся на двухступенчатое крыльцо... А щеколда-то сброшена, и дверь приоткрыта. Семен оглядывает окрестности сзади, а я сначала стучу по косяку, затем, не дождавшись ответа, говорю в гулкую темноту:

– День добрый, люди! Есть кто в хате?.. Войти дозволите?..

В ответ – тишина... Ну, что ж, по крайней мере не отказали, и то хорошо. Медленно и осторожно тяну ручку на себя, петли тоненько поскрипывают, дневной свет врывается внутрь, освещая сенцы, отгороженные дощатой перегородкой, на которой висит обычная плотницкая утварь типа нескольких топоров, пил, тесел, коловороты. Рядом на деревянных колышках располагаются овчинный тулуп и мохнатая шапка, напоминающая казацкую волчью папаху, внизу стоят добротные валенки, подбитые кожей, и почти новые сапоги. Пока понятно только одно: здесь кто-то живет. Ладно, идем дальше...

Следующая дверь, повторяем ритуал: «Постучать, спросить», ответ аналогичный, в смысле – никакого. Заходим внутрь, в нос ударяет сладко-пряный запах трав, в котором еле улавливается только один знакомый аромат – табака. А вот и сами травки, сушатся на двух бечевках, протянутых над печкой, которая стоит в левом от входа углу. По диагонали через комнату на стене висит божница с иконой, обрамленной вышитым рушником, под которой горит маленький огонек лампадки. В его свете мерцает тусклым золотом оклад Божьей Матери, на который Семен тут же троекратно крестится, вздохнув, как показалось, с облегчением.

Мебели – самый минимум. От печки до двери в соседнюю комнату над лавками, на которых можно спокойно разлечься, по всем стенам идут полки, заставленные горшками и горшочками разных видов и размеров. Как в том анекдоте: «Каструл, каструлла и каструльчик». В углу – чисто выскобленный стол, сколоченный из массивных досок и накрытый широким рушником вместо скатерки. Половицы, несмотря на свой возраст, тоже светятся сосновым янтарем. Поражает царящая вокруг чистота и стерильность. Почему-то возникает подспудное ощущение, что мы попали к местному знахарю. Которое усиливается, когда замечаю среди всей этой посуды несколько книг и, самое удивительное, – аптекарские весы с набором гирек. Медициной здесь пахнет на все сто. То, что нам и надо, учитывая рану Синельникова. Осталось дожидаться доктора и договориться с ним о лечении...

Замечаю на одной из полок очень старую на вид деревянную шкатулку, ноги помимо воли несут к ней, протягиваю руку, чтобы открыть, но в последний момент останавливаюсь. Мало ли какие секреты и тайны хранит в ней неведомый хозяин. Не стоит лезть без спросу в чужие тайны, хлопот потом не оберешься. Да и задержались мы в доме в отсутствие хозяина, пора бы и на воздух. Окликаю Семена, выходим наружу и, не сговариваясь, садимся на бревнышко, лежащее рядом с домом и, скорее всего, служащее своеобразной скамейкой для посетителей, если здесь и вправду обитает лекарь. Сибиряк достает из кармана пачку папирос, все-таки неплохо бойцы затарились в крепости, я – свой портсигар, прикуриваем от одной спички. Табачный дым кажется очень вкусным и ароматным, блаженно и расслабленно пускаем сизо-сиреневые колечки вверх. А чего напрягаться, когда вокруг нет никого?.. Никого?!. Твою дивизию!!!!.. Так лопухнуться!!!!.. Бл...!!!!..

Вскакиваю, рука дергается к кобуре, но замирает на полпути. Справа в пяти шагах от нас стоит, как я понимаю, хозяин всего этого великолепия. Старик, которому на первый взгляд можно дать и семьдесят, и сто двадцать, и пятьсот лет. Начиная с какого-то момента время перестало накладывать свой отпечаток на это лицо. Стоит босиком, одет в широкие темные штаны и светлую длинную рубаху, вышитую по вороту затейливыми узорами и подпоясанную плетеным кожаным ремешком, на котором висят ножны с небольшим ножом и кожаный же мешочек-кошель. Длинная ухоженная белая борода, нос с небольшой горбинкой, прищуренные глаза под мохнатыми бровями...

Очень напоминает картину Константина Васильева «Человек с топором» («Северный орел»), только персонажу лет гораздо поболее будет.

Больше всего поражает взгляд. Пронзительный аж до самых потаенных уголков сознания, мудрый и абсолютно без иронии, суровый, но справедливый. Такой взгляд мог бы быть у Морихея Уэсибы, Миямото Мусаси, а может быть, у Сергия Радонежского, Серафима Саровского... У тех, кто видел Бога, Небо, величие и безграничность Вселенной. Не в силах долго его выдержать, моргаю и опускаю взгляд. Краем глаза замечаю, что Семен замер, как библейский соляной столб, – ни звука, ни движения...

Глава 7

– Что ж вы, гости незваные, словно онемели? Молвите хоть словечко... Кто такие, откуда и куда путь держите? – Похоже, старик играет в давно ему приглянувшуюся игру. – Аль я так напугал, что дар речи потеряли?

– Подпоручик Русской армии Гуров Денис Анатольевич, честь имею... И рядовой Семен Игнатов, – представляюсь за обоих, видя, что сибиряк в прямом смысле слова лишился дара речи. – Идем к своим...

– Да, далековато вам идти придется... Ну, что ж, гости дорогие, проходите в хату, сядем за стол, потрапезничаем... Аль уже угостились в мое отсутствие?

– Спасибо за предложение. В доме уже побывали, то – правда, но ничего не тронули... Простите, как вас звать-величать прикажете? – Вежливо и дипломатично сползаем со скользкой темы и проводим разведку.

– А меня по-разному кличут. Ляхи – те паном Марцианом зовут, свои – дедом Мартьяном иль Мартьянычем называют. А то и вовсе – Знахарем. Выбирай, что по душе будет...

– Дед Мартьян, а вам самому не страшно одному в лесу? Время сейчас опасное, война, мало ли что может случиться...

– А кто вам сказал, что я – один? – Старик снова смотрит на нас удивленно, потом как-то по-особому мявкает, и в ту же секунду над нашими головами пролетает рыжая молния, которая, приземлившись, превращается в громадную рысицу, смотрящую на меня неотрывным бездонным янтарным взглядом. Весь вид зверюги говорит о готовности к прыжку. Видимо, считая, что должного впечатления не произвел, кошка угрожающе шипит, демонстрируя пятисантиметровые клыки.

– Вишь, рыжий, какие у нас гости, – снова раздается насмешливый голос. – Да Рыську не опасайтесь, он у меня смирный, первым не нападет...

Ага, как говаривал один товарищ Бунша: «Меня терзают смутные сомнения». Я, конечно, не большой знаток всяких звериных языков, но мысли котэ читаются предельно ясно: «Только дайте мне повод, порву на пазлы».

– Так кто ж вы все-таки таковы? – хозяин тем временем продолжает вежливый допрос. – И сколько вас на мою голову прискакало?

– Нас около двадцати человек, и прискакали мы не к вам, повторюсь, идем на восток, к своим. Но есть одна заковыка, – захожу сразу со всех

kozyрей, и будь что будет. – Раненый у нас... В ногу... Тяжелый... На носилках несем... Вы, как я понимаю, к медицине имеете непосредственное отношение, может быть, поможете?..

– А какой мне прок от этого? – Старик не перестает насмешливо смотреть на нас. – Впрочем... Если Рыську угостите и он вас признает, то помогу.

Семен медленно, явно преодолевая себя, двигается вперед и так же медленно протягивает лесному кошаку кусок галеты, вынутый из кармана. Зверь аккуратно обнюхивает подношение и берет с ладони сухарик. Сибиряк облегченно вздыхает. Теперь моя очередь. В карманах ничего нет, но решение приходит по наитию. Сажусь на корточки перед рысью. Протягиваю ему руку с открытой ладонью и, напрягая волю изо всех сил, мысленно произношу фразу Маугли из Киплинга: «Мы с тобой одной крови. Ты и я...» Кот втягивает в себя воздух, обнюхивая руку, потом смотрит мне в глаза почти осмысленным взглядом... и, сделав шаг вперед, трется мордой о мое колено.

– Вот так дела! – в голосе старика слышится неподдельное удивление. – Двоих... Нет, теперича троих Рыська за близких до сих пор признавал окромя меня!.. Славные гости к моему очагу пришли сегодня!.. Ну, что ж, посылай за своими, слово дадено, нарушить невозможно...

Когда Семен привел остальных, я уже успел вкратце, обходя, насколько возможно, специфику нашей деятельности, рассказать Мартьянычу про наши приключения. С появлением раненого он сразу скомкал разговор и занялся Синельниковым. Матвея и Анну единственных пустил в избу, остальным командным тоном предложил располагаться в просторном сеннике, что отнюдь не вызвало никаких возражений. На мой вопрос, где можно выставить посты, лишь усмехнулся и заявил, что это – лишнее. Мол, никто не сможет сравниться с Рыской и его семьей. Пришлось поверить ему на слово, тем более что произнесено это было ТАКИМ тоном, что проверять желания почему-то не возникло. Во избежание лишних небоевых потерь. Хотя спустя какое-то время, пользуясь тем, что старик Мартьяныч занялся вместе с медсестренкой раненым, попробовал пройти обратно до болота. Но на полпути был остановлен вышеупомянутым кошаком, который, как чертик из табакерки, возник на тропе совершенно беззвучно и внезапно. На старый трюк с протягиванием ладони он отреагировал своеобразно. Все, как в первый раз, шаг вперед, но вместо того, чтобы потереться о колено, ткнул головой в живот, и только вбитые тренировками рефлексy превратили плюханье на жо... в кувырок назад. Оценив мои акробатические способности, это чудо природы

мяукнуло с интонацией типа: «Хорош дурью маяться. Иди – отдыхай» и в одно мгновение исчезло в кустах. М-да, уходить отсюда против воли хозяина, кажется, будет очень трудно. И дай бог, чтобы не пришлось этого делать...

Возвращаюсь обратно, бойцы уже вовсю кашеварят под навесом, где возле миниатюрной, максимум на двух-трех человек, бани сложена такая же маленькая печка-очаг, типа – летняя кухня. В котле булькает-варится немецкая тушенка, к которой хозяин добавил «с барского плеча» пару-тройку стаканов перловой крупы, луковицу и лукошко грибов, которые чуть ли не моментально были очищены и присоединены к остальным продуктам. В итоге получилась вкуснейшая похлебка, которую разлили по котелкам и ели прямо там же, возле очажка, усевшись в кружок. Дед к тому времени освободился и подсел к остальной компании. Я заметил, что когда хозяин «снял пробу», в смысле, первый зачерпнул деревянной ложкой ароматный супчик и спокойно отправил все в рот, Семен окончательно расслабился. Да оно и понятно. Обычай, не менее древний, чем человечество: человека, с которым ел за одним столом, нельзя убивать, грабить, обворовывать, обманывать. Понятное дело, что со временем люди цивилизовались, то есть научились делать всяческие пакости ближнему своему, прикрываясь при этом общечеловеческими ценностями, благими намерениями и прочей лабудой и невзирая на древние обычаи. Но в затерянных медвежьих углах их всё еще свято соблюдали – и в начале «просвещенного» двадцатого века, и в мое время, в смысле, в далеком будущем.

Как-то местные мужики-сверхсрочники там, в Колдино, после надцатой рюмки рассказывали, что у болота, где деревня «Не помню названия» из поколения в поколение собирала клюкву, объявился хозяин. Предприниматель из Новосиба, купивший у местных властей право на беспредел. После того, как деревенские отказались собирать для него ягоду, притащил каких-то бомжей, которые «газонокосилками» с приводом от бензопил срезали все. И ягоду, и листики, и веточки. Уничтожил клюквенную плантацию за три дня. Ягоду отправил в Москву, бабок на этом наварил, говорили, немеряно. Только вот через пару месяцев нашли его прибитым к стене собственного дома-особняка, и рот был набит этой самой клюквой. И, что характерно, виновных не нашли. Помимо пары тех же бомжей, которые в чем-то там признались с единственной целью – провести время с сентября по апрель в теплом месте и на казенных харчах...

Так, что-то не вовремя я ударился в воспоминания о будущем. И,

вдобавок, ловлю на себе изучающий взгляд хозяина. Ой, чует моя... интуиция, не все здесь так просто и ладно.

После еды разрешаю всем отбиться, то есть поспать, но четыре человека посменно будут только изображать послеобеденный расслабон. С оружием неподалеку. Дружба дружбой, а правила работы ДРГ в тылу никто не отменял. А сам иду к Мартьянычу на разговор. Во-первых, надо о ранении Матвея узнать, а во-вторых, уж больно человек интересный и загадочный попался. Дед, похоже, предвидел такой поворот событий и поджидал, сидя на том самом бревнышке возле крыльца. Увидев меня, призывно машет рукой и хлопает ладонью по почти отполированному стволу дерева – садись, мол, поговорим. Ну, что ж, за этим, собственно, и шел. Присаживаюсь рядом, достаю папиросу и, вспомнив о запахах в доме, протягиваю открытый портсигар хозяину. Тот, не чинясь, берет «палочку здоровья», прикуривает от зажженной мною спички и выпускает дым замысловатой фигурой. Три кольца, которые потом пронизываются струйкой дыма. Слыхал я о таких фокусах...

– ... ведь хотел спросить, воин? – Голос деда Мартьяна внезапно доносится до ушей. Блин, да что же это такое творится! Пришел поговорить, а завис на трюке с папиросой. Видя мое замешательство, знахарь повторяет фразу:

– Ты ведь пришел, чтоб спросить не о том, как такие вот «чудеса» делаются. – Дед становится серьезным. – Слушай, чего скажу, а потом, ежели будут вопросы, – спросишь. У товарища твоего рана серьезная, но не безнадежная. Кость цела, осколков и трещин, коих опасалась ваша «сестрица», нет. Но крови он потерял гораздо, и ему на ближайшие две седмицы покой нужен, травок кой-каких попить, да и питаться не консервами вашими, а свежей печенкой. При потере крови очень полезно. Я это к тому говорю, что его я у себя оставлю. И Анюту – тоже. Девка умная, справная, да и желание изъяснила поучиться малость. Не веришь, сам у нее спроси.

Впервые бьет по ушам дедов говор, нехарактерный для этих мест. Типичный русский язык, нарочито коверканный время от времени нехарактерными оборотами и местными словечками. Ладно, и об этом спросим, но пока есть вопросы поважнее:

– А что, дед Мартьян, попросишь взамен? – Каждая услуга должна быть оплачена, вот и поторгуемся. – У нас ведь ничего нет, кроме оружия, но его не отдадим ни в коем случае.

– А платой будет твой рассказ о том, что вы такого учудили, что германцы по всему краю вас днем и ночью ищут, поймать пытаются. По

лесам и чащобам бегают, зверя пугают... Думаешь, откель старому об этом известно?.. Так Рыська и рассказал. Мол, чужие лоси, кабаны, даже медведь один пришли вокрест. А в ихних угодьях люди чужие появились, да с собаками, ищут кого-то. Вот тебе и вся хитрость... – Старик снова с видимым удовольствием затягивается папирсой. – Так что же вы натворили такого?

Ну, и что ему рассказывать? Вешать лапшу на уши – раскусит на раз, и доверия больше не будет. А если правду? Чем это грозит?.. Да ни чем. Он даже рассказать никому не сможет, кто к нему сюда заявится?.. Ага, если мы прошли, то и гансы могут это повторить. И придется деду объяснять им, откуда у него раненый офицер и молодая симпатичная барышня... И сможет ли их оборонить, вот в чем вопрос?.. А, будь что будет, режем правду-матку, будет старый все знать, примет осмысленное решение:

– Знаешь, дед Мартьян, недалеко отсюда крепость... была. Ново-Георгиевск называлась. Сдали ее германцам... А когда император их со своими генералами пожаловали посмотреть на трофеи, мы часть складов рванули, да под шумок парочку и пристрелили. Вот за это они и ищут нас.

– А кого подстрелили-то, знаешь? – Знахарь очень серьезен, будто выискивает одному ему важные детали. – Иль стрельнули, и дай бог ноги?

– Сбежали мы действительно быстро. Но генералы, предположительно, – Гинденбург и Людендорф.

– Пауль Гинденбург и Эрик Людендорф... – задумчиво повторяет старик. – Ну, скатертью дорожка вам, пауки-кровопийцы в... адское пекло... Чего удивляешься? Думаешь, в лесу сию, так ничего не знаю? Не всегда я лесным знахарем был. Обычную медицину тож знаю, учился как-то и практиковал, служил уездным лекарем. Да ты в доме книги сам видел. А то и ко мне учиться приезжали. С год назад даже доктор московский был с помощницей своею. Обещались еще заглянуть, да война вот помешала.

Что-то в голове щелкает, в памяти всплывают доктор и Даша у моей постели в госпитале и их диалог:

«– Я увидела, что в теле как бы два... человека. В одно и то же время один хочет жить, а другой – нет. Как такое может быть?

– Не знаю... Встретим Целителя, спросим у него...»

Сердце начинает сумасшедше колотиться, медленно стараюсь подобрать слова и очень боюсь ошибиться в своем предположении:

– Мартьяныч... Доктора звали... Михаил Николаевич, а его помощницу... Дашей?.. Они тебя Целителем называли?.. Так?..

– ...И все-то ты знаешь... проныра! – дед произносит фразу в некотором замешательстве, затем в течение пяти секунд буквально

просвечивает меня своим пристальным взглядом, как рентгеном. – Ох, и не прост ты, воин, ох, и не прост!.. Ладно, поговорим еще на эту тему... Да, доктора Михаилом звали, а помощницу – Дарьей. Рыженькая такая... Что, запала девка в сердце?.. Вижу, запала. Коль слюбится у вас, береги ее, талант лекарский у ней. Ничего боле не молвлю, коль посчитает нужным, она сама тебе все расскажет... Ну, что ж, здволил ты меня своими новостями, спасибо!.. Что дальше делать собираешься?

– Коль ты у себя оставляешь раненого и Анну Сергеевну, мы хоть завтра уйдем дальше. Только... Если германцы заявятся, что им объяснять будешь?

– А кто тебе сказал, что они досюда дойти смогут, а?.. Без моего дозволения сюда никто не придет. Да и не только во мне тут дело-то, место здесь особое, исконное. – Старик удивляется, затем важно оглаживает свою бороду. – Твои вон двое лесовиков, когда блукали, испугались и убежали прочь. Потом ты с одним из них пошел. Мне интересно стало, кто такие, вот и допустил на правильную тропку. А нет, так пошли бы круги мотать, а то ещё в болото скакнули б.

Мне мимолетно вспоминаются ощущения тяжелого обруча на голове, какого-то иррационального страха сделать шаг вперед, которые потом вдруг сменяются каким-то манящим зовом... В неведомое... Ай да дед!.. Ай, молодца!.. Вот это экстрасенс!.. Ходячее, блин, психотронное оружие! Или это все – придумки старого?.. Подгонка объяснений под события...

Мартьяныч, улыбаясь, смотрит на мою, наверняка озадаченную, физиономию:

– Вижу, что не веришь. Сам бы не поверил... Так я ничего тебе доказывать и не стремлюсь. Просто прими за факт, что против моего желания сюда ходу нет... Хочешь, проверим? Выйдешь сейчас за болото и попытаешься вернуться, пройти обратно...

– Нет, я вам верю... Ну, а если у германцев... извините, Мартьяныч... колдун какой найдется?.. На ночь посты все-таки выставлю.

– Колдуном, значит, меня числишь? Про икону в хате запамятовал?.. Хе-хе... – Старик открыто усмехается, видя мою неловкость и смущение. – Ладно... А откель здесь колдун германский? Да и есть ли такие сейчас?.. Ну а даже если и есть, ничего он не сможет. Я-то на своей, родной земле, а он – пришлец незванный, не будет у него супротив нас силы... А насчет сторожей, вольному – воля. Ты – воин, тебе и думать, какие порядки у себя в отряде устанавливать. – В голосе деда слышится интонация, с которой разговаривают с упрямым ребенком, лишь бы не капризничал. – Только со двора пусть не ходят.

– Кстати, а почему вы постоянно называете меня воином? Я такой же, как и остальные, только погоны со звездочками. Да и помимо меня здесь еще трое офицеров.

– А ты думаешь, что случайно сюда попал, на ЭТУ войну, в ЭТО время?.. – Взгляд старика становится каким-то особенным, в глазах появляется завораживающая, засасывающая неизвестно куда бездна, и лишь спустя несколько мгновений до меня доходит суть сказанного!.. Но как?!.. Мартьяныч между тем возвращается в образ деревенского знахаря и продолжает, как ни в чем не бывало: – ...Потому что тебе на роду написано воевать, быть воином, защитником. Тот же сибиряк, с которым ты пришел, может, и стреляет получше, да только он – охотник, лесовик. С людьми воюет по обязанности. Вот есть у тебя в отряде двое казаков, так они – тоже воины... Ты же... Ладно, позже как-нибудь... В общем, ежели не коробит тебя это слово, не обращай внимания, мне так удобней...

Насчет завтра уйти – погоду, посмотрим, как ночь пройдет. Может ведь статья и так, что отседова выйдете и на германцев сразу напоретесь. Ни мне, ни вам этого не надобно... В общем, отдыхайте пока, утро вечера мудренее. Так ведь в народе говорят...

Глава 8

Гауптман, сидя в кресле, уже в который раз перебирал в памяти разговор с майором. Гложущее недоумение было единственным чувством, терзавшим измученную голову. Безрезультатные поиски неуловимых русских партизан, беспомощность в тщетных попытках помешать их замыслам, предугадать следующий шаг противника... И та несоразмерная цена, которую пришлось заплатить за две русские могилы...

В такой обстановке единственной наградой, на которую он мог рассчитывать, было отсутствие наказания. А вместо всего этого столь ясно высказанное обещание ордена!

Но приятные сюрпризы на этом еще не закончились. За окном раздался шум приближающегося автомобиля, и, когда он остановился в поле зрения, из него вышел офицер в сопровождении унтера. Этого не могло быть, но это были... Его егеря!..

— Здравствуйте, герр гауптман! — зайдя в комнату, обер-лётнант Майер вначале официально его поприветствовал, а затем тише добавил: — Рад видеть вас, Генрих.

Фон Штайнберг, еще не веря собственным глазам, вскочил с кресла и, забыв о ранении, попытался протянуть руку для приветствия, но контузия опять напомнила о себе, и он, пошатнувшись, задел раненой рукой о спинку кресла, что вызвало очередную вспышку боли. Так что обер-лётнанту пришлось подхватить своего командира и бережно усадить обратно.

В первые минуты встречи гауптман буквально не давал Майеру открыть рот. Короткий монолог свелся к нескольким фразам, повторяющимся в различной вариации: «Как? Какими судьбами? Что с ротой? И куда делись эти русские головорезы?»

Иоганн с улыбкой выдержал этот шквал вопросов, и, не спеша, ответил:

— Начну с конца: после вашей воздушной атаки, Генрих, эти русские исчезли, просто испарились. В районе нашей ответственности установилась тишина, а еще через несколько дней пришел приказ из Берлина о передислокации роты. Причем конечный пункт не был указан. Мы ожидали всего, что угодно, вплоть до перевода на Западный фронт или расформирования. Но вместо этого нас разместили в бывшем поместье под Шпандау и начали муштровать. Мы бегаем, скачем на лошадях, стреляем

из всего огнестрельного, пожалуй, кроме только гаубиц, лазаем по канатам, метаем ножи. Нас учат какой-то японской борьбе. Ребята, если остаются на то силы, смеются и говорят, что из нас делают то ли циркачей, то ли олимпийцев.

В это время раздался клаксон автомобиля. Майер встрепнулся и с явным огорчением начал прощаться:

– Скорее выздоравливайте, Генрих. Вся рота ждет возвращения «нашего гауптмана», тем более, что, как я слышал, вы остаетесь нашим командиром. А вот это егеря просили передать лично вам в руки. – И обер-лётант крикнул в сторону двери: – Йозеф, зайдите!

По этой команде в палату зашел унтер-офицер Кранц с большой плетеной корзинкой, прикрытой крышкой. А из неё, как из сказочного рога изобилия, появились соблазнительно пахнувшие пряностями копченые окорока и шпиг.

– Угощайтесь, герр гауптман, – негромко проговорил он, улыбаясь. – Нам, дабы не забывали егерское искусство, разрешили поохотиться, вот ребята и постарались для вас.

Несмотря на прусскую выдержку, фон Штайнберг ощутил, что у него слегка защипало в глазах, и он снова почувствовал себя дома, среди своих офицеров и солдат, с которыми сможет пройти сквозь любой огонь. Но его невольно выручил повторный и более продолжительный сигнал, который позволил в некотором роде сохранить лицо. Майер и Кранц четко отдали честь и вышли.

Наступил вечер, Штайнберг мгновенно заснул, едва добравшись до кровати. Слишком много хороших известий опьянили барона, он вновь ощутил себя совсем молодым юнкером, когда на пари залпом осушал бутылку шампанского. Восемь часов сна вернули ему силу, тело и душа наполнились энергией, и даже раненая рука не так сильно напоминала о себе. Исчезли раздражительность и угрюмость. Первым столь благоприятные изменения в характере гауптмана заметил парикмахер, который подобно своему великому «предку» Фигаро отличался некоторой болтливостью, вызывавшей у его титулованного клиента гримасу недовольства, иногда сопровождаемую коротким: «Halt die Klappe (заткнись)». Теперь же в процессе бритья барон со снисходительной улыбкой выслушал все местные новости и даже соизволил рассмеяться над немудреным анекдотом.

Врач, за которым был закреплен гауптман, также был в восторге от «такого покладистого и дисциплинированного пациента», готового идти на любые процедуры, только бы приблизить долгожданный день исцеления и

выписки в строй. Вершиной жертвенности стало безропотное употребление кефира. Доктор, считающий себя сторонником школы знаменитого профессора Мечникова, искренне верил, что этот напиток способен исцелить все человеческие заболевания. А посему с нескольких близко расположенных ферм на кухню госпиталя регулярно поступал этот «напиток здоровья». Штайнберг, которого в далеком детстве заботливая няня наряду со сказками Андерсена перекормила еще и вышеупомянутой кислятиной, его ненавидел. И утверждал, что с тех пор единственный продукт, производимый коровой, который ему по вкусу, это хорошо прожаренный бифштекс. Но цель оправдывает средства, и единственное, что мог себе позволить барон, выпивая ежедневную порцию кефира, несколько передразнивать доктора и бурчать: «Ad usum externum (для наружного применения)».

Но зато вечера были прекрасны. Фройляйн Грета, заручившись согласием врача, регулярно читала вслух своему подопечному разнообразную литературу, аккуратно обновляемую майором. Частые встречи сдружили двух офицеров. Майор, будучи старшим и по возрасту, и по званию, относился к гауптману как к своему протеже и, заручившись его согласием, перешел на обращение по имени, естественно, без посторонних лиц. Да и его добротный прусский юмор всё чаще звучал в разговоре.

Сочинения Дениса Давыдова сменила «Партизанская война» Гершельмана, а «Войну и мир» Толстого – книга «Преступление и наказание» Достоевского.

Попав в этот конвейер исцеления и самообразования, гауптман даже не обратил внимания, как во время очередного планового медицинского осмотра с него сняли мерку и в одно прекрасное утро майор фон Тельхейм вместо очередной порции книг привез великолепно пошитый и отлично выглаженный офицерский мундир. Не был забыт и Железный крест 2-го класса, аккуратно приколотый к кителю.

– Прошу примерить, герр гауптман. Ваш эскулап наконец дал добро, и мы можем с вами совершить небольшую автомобильную поездку.

Фройлен Грета поспешила удалиться из комнаты, а фон Штайнберг на какое-то мгновение, прижал мундир к сердцу, а затем с помощью денщика майора стал облачаться в идеально сидевшую на нем форму. Вот только с кителем возникли небольшие проблемы, перевязанная рука никак не хотела влезать в рукав. Его пришлось набросить на плечи. Фон Тельхейм поспешил утешить несколько расстроенного барона нехитрой прусской шуткой:

– Ничего, Генрих, не расстраивайтесь. Мундир для пруссака – все

равно что корсет для парижанки, но и она, будучи в положении, носит его расшнурованным. А вам все же терпеть не девять месяцев. Ха-ха-ха... – И желая окончательно успокоить собеседника, громко позвал:

– Фройляйн, прошу вас, заходите и полюбуйтесь на нашего героя.

Грета, которая и не думала далеко уходить, вернулась в комнату и сияющими восторгом влюбленными глазами окинула взглядом польщенного таким вниманием барона.

– Герр фон Штайнберг, вы настоящий немецкий рыцарь, и не один другой костюм, каким бы роскошным он ни был, не подходит вам лучше!

– Да, Генрих, я чуть не забыл. Вы награждены Железным крестом первого класса, который получите лично из рук полковника Николаи, а вот этот знак боевого отличия примите прямо сейчас, – с этими словами майор прикрепил к кителю, чуть ниже Железного креста «Знак за ранение» 3-й степени. – Поздравляю, Генрих, но я думаю, что в списке ваших наград вы никогда не поднимитесь до первой степени, во всяком случае, в этой номинации. Ха-ха-ха...

Фройлен Грета, не понимая о чем идет речь, попыталась вступиться, как ей показалось, за обиженного возлюбленного и ответила:

– А я прямо-таки уверена, что герр барон достоин самых высших наград и рано или поздно их получит!..

Её слова прервал жизнерадостный хохот майора, к которому присоединился и несколько сконфуженный гауптман. Грета, не видя ничего смешного в своих словах, покраснела и выбежала из комнаты.

И только вечером, пожилая кухарка, почтенная наружность которой так и просила добавить к имени Марта приставку «благочестивая», заслужившая это «звание», как утверждали злые языки, своей повышенной любовью к гусарам, уланам и прочим «кентаврам» прусской армии, открыла ей причину веселья офицеров, вызвав, впрочем, новую волну смущения у Греты:

– В перечне «боевых заслуг», моя милая, дающих право на награждение знаком первой степени в золоте есть, увы и ах, и потеря мужского достоинства...

* * *

Более серьезный разговор между офицерами состоялся уже в автомобиле.

– Запомните, Генрих, наш с вами шеф, совершенно не похож на

заурядного прусского оберста, которых вам пришлось повидать немало. Этот человек имеет право делать доклад непосредственно кайзеру, и от этой информации зависят жизни сотен и тысяч германских солдат, да и судьба рейха в целом. Отвечайте смело на его вопросы и не старайтесь произвести впечатление. Он привык оценивать своих сотрудников, а вы уже – один из нас, по конкретным делам. Могу добавить ещё одно – вы везучий человек, Генрих. И если удача и дальше не оставит вас своим вниманием, то следующую награду вам придется примерить на свою шею.

На несколько недоуменный взгляд собеседника майор конкретизировал:

– Pour le Merite^[3], это как минимум!

За этим разговором, а если быть абсолютно точным, – монологом, время пролетело незаметно, тем более что прославленные немецкие дороги напоминали больше разглаженное утюгом полотно, на котором не осталось ни малейшей морщинки. Автомобиль остановился возле одноэтажного особняка, окруженного ажурным металлическим забором. Водитель несколько раз посигналил, открылась калитка, и седой высокий мужчина, с выправкой старого служаки подошел к машине и заглянул в салон.

– Здравствуйте, герр фон Тельхейм! Герр оберст уже дважды справлялся о вас. Он, кстати, во дворе знакомится с пополнением. Прошу вас, заезжайте и не удивляйтесь ничему.

Машина въехала в обширный двор. Посреди неспешно прохаживался оберст с мужественным лицом и коротко подстриженными, чуть седоватыми волосами и усами. Его собеседником был несколько полноватый мужчина в тирольской шляпе, в бриджах и сапогах, в общем, в том костюме, который обычно принято надевать на охоту.

Казалось, что они полностью увлечены своим разговором и подчеркнуто не обращали внимания на четверых щенков немецкой овчарки, которые сидели один возле другого. Знаток собачей души сразу же понял бы, каких усилий стоило этим полугодовалым малышам выполнение последней команды: «Сидеть. Место». Им было так любопытно, им так хотелось сорваться с места и с лаем обежать всю эту неизвестную территорию или, подражая своим родителям, тщательно её обследовать. Но приказ Хозяина был категоричен.

– Замечательно, Вилли! – наконец прореагировал на собак оберст. – Уникальные экземпляры. Мы забираем всех четверых, и это только начало, друг мой! Нам потребуется еще. И как вы смотрите на то, чтобы организовать питомник прямо здесь, у нас?..

Майор и гауптман вышли из автомобиля, денщик фон Тельхейма

заботливо поправил на плечах фон Штайнберга китель и подал ему фуражку.

– Наконец-то вы прибыли, господа. Посмотрите на этих красавцев. – Оберст рукой показал на щенят. – Знакомьтесь: достойные потомки прославленного Роланда фон Штаркенбурга и в некотором роде наши новые сотрудники... Господа, не сочтите меня негостеприимным хозяином, но когда вижу этих великолепных созданий Творца, то забываю правила хорошего тона. Прошу вас ко мне в кабинет.

Вопреки подобному заявлению, гостей, несомненно, ждали. На столике возле нескольких тарелок с бутербродами стоял кофейник, чашечки – в общем, всё, что нужно, чтобы прибывшие утолили голод.

– Сейчас война, господа, а посему прошу простить за спартанские условия, – с этими словами гостеприимный хозяин достал из шкафчика плоскую серебряную фляжку с изображением охотничьих ружей и поставил ее на столик рядом с небольшим бархатным футляром. И совсем неожиданно, во всяком случае для фон Штайнберга, вместо слов, приглашающих к столу, прозвучало:

– Майне херрен, прошу внимания!

И гауптман, и даже майор, который, скорее всего, этого ждал, мгновенно вытянулись.

– Гауптман фон Штайнберг, за проявленное мужество и блестящее выполнение боевой задачи я имею честь от имени кайзера вручить вам Железный крест первого класса. Хох!!!

Все трое дружно выпили, после чего фон Тельхейм, занявший стратегически важную позицию рядом с фляжкой с коньяком, снова наполнил рюмки. После ответного тоста фон Штайнберга, в котором он поблагодарил за награду и заверил, что готов немедленно встать в строй, разговоры временно прекратились. Среди простой, но питательной закуски гауптман отметил и наличие копченостей, явно домашнего производства. Похоже, что таланты его егерей в охоте и кулинарии оказались востребованными и оцененными командованием. Фон Штайнберг с аппетитом поглощал бутерброды, тем более что обеденное время уже настало, а пребывание в госпитале приучило к питанию по часам. Впрочем, оберст и майор не отставали в этом благом деле, на практике подтверждая, что завет великого курфюрста Фридриха Вильгельма I Бранденбургского «Война – войной, а обед по распорядку» свято выполняется настоящими прусскими офицерами. Примерно через двадцать минут, когда пустые тарелки напоминали о своём содержимом лишь масляными разводами, наступил черед отдать должное и горячему, ароматному напитку, под

который так приятно вести неспешный разговор, особенно, если это Kaffeeeklatsch – полуденный кофе.

Естественно, что право начать разговор принадлежало хозяину этого дома – оберсту Николаи.

– Тишина, приятное общество, чашка настоящего кофе, и как будто снова мир, meine Herrn. Но даже этот напиток напоминает о войне. Говорят, что именно этот напиток, а точнее отсутствие его, подняло наших прадедов против деспотии Наполеона. И вот, какова превратность судьбы... Мы снова скрестили свой меч с Францией, но теперь против нас и Россия. Кстати, герр гауптман, вы, как говорят, стали, а может и были, давним и искренним поклонником русских, не так ли?

Фон Штайнберг был ошеломлен таким продолжением праздничного обеда.

– Если вы имеете в виду мою искреннюю благодарность, высказанную командиру русских партизан лейтнанту Гуроффу за его рыцарское отношение к противнику, который находился в его полной власти, то я и сейчас готов это повторить. Тем более что это не нарушает данную мной присягу кайзеру. И что бы там не донес или продолжает доносить этот негодяй Обермайер, которому русские, кстати, тоже подарили жизнь...

На этом месте оберст Николаи, до этого внимательно слушающий гневную тираду барона, кивнул каким-то своим мыслям и, остановив фон Штайнберга жестом, обратился к фон Тельхейму:

– А вы оказались правы, майор, теперь не так часто встретишь таких честных людей, как наш гауптман, которые умеют помнить добро. Успокойтесь, герр фон Штайнберг, я вполне разделяю ваши чувства, но для нашей службы важнее не только слова, сказанные человеком, который фактически вторично родился, но и те, которые вы произнесли в защиту пленного русского офицера в беседе с несчастным оберст-лейтнантом и графом Каплицким.

Николаи открыл кожаную папку, достал оттуда лист бумаги и зачитал:

– «Вы правы, господин барон, мне не доводилось бывать в России. Но с русскими я не раз встречался в воздухе. И могу вас заверить, господа, что они по-рыцарски, честно и храбро сражаются на своих аэропланах даже против превосходящего противника. И пусть их генералы тупы и неграмотны, зато солдаты и офицеры, по рассказам сослуживцев, сражаются храбро и мужественно. И я думаю, что исход войны от них зависит так же, как и от решений их невежественного начальства, может быть даже в большей степени, чем мы предполагаем. А еще мне помнятся слова великого Бисмарка: «Превентивная война против России –

самоубийство из-за страха смерти». И если мы воюем против русских, то глупо не считать их опасными и достойными противниками. Что же касается якобы плененного офицера, я бы настоятельно рекомендовал вашему сиятельству передать его германским военным властям для помещения в лагерь для военнопленных согласно его статусу»... И не стоит все валить на «злобного гения» Обермайера. Недалекий человечек из породы прирожденных лакеев в данном случае ни при чем. Это дело рук покойного графа. Я затрудняюсь даже предположить, кому он служил по-настоящему, но зато уверен в одном – главным врагом для него была Россия. Ян Казимир Каплицкий ненавидел всех русских – от императора до последнего крестьянина – и объявил им своеобразную вендетту. Если до войны он умел сдерживать свои порывы и его работа была полезна рейху, то с началом военных действий и с приближением германской армии эмоции взяли верх над рассудком...

Вся ваша беседа была тщательно застенографирована одним из его секретарей. Обычно этим занимались горничные, но в этот вечер у них было другое задание. После того, как их развязали, они позаботились в первую очередь не о раненых и надыхавшихся фосгеном летчиках, а о том, чтобы выпустить этого «писаря» из тайной комнаты. Надеюсь, вы не сожалеете, что не успели вкусить их прелестей?.. Ну-ну, не стоит обижаться, я всего лишь пошутил... На самом деле, вам повезло. У графа эти две «особы» выполняли самые разнообразные функции: соблазнение, шантаж, подслушивание, а в их комнатах – в шкатулках с косметикой – были найдены запасы снотворных препаратов, кокаин и даже яд. Наши люди вытрясли из них все, что они знали. Отсюда у нас эта стенограмма. Они же показали и настоящее кладбище, на котором без молитв и отпевания закопали тех, кто попал в руки этому сумасшедшему полуполюку. Для горничных и секретаря там, кстати, тоже нашлась яма.

Майор, поняв, что после такой информации просто необходимо принять «лекарство», налил рюмки до краёв и, произнеся традиционное «прозит», первым лихо вылил ее содержимое в рот. Николай и гауптман последовали его примеру.

После короткой «терапевтической» паузы Николай продолжил:

– Но, как мне кажется, майне херрен, достаточно предаваться воспоминаниям. Пришла пора полностью ознакомить вас, дорогой барон, с некоторыми подробностями, имеющими государственную важность и аналогичный гриф. И начну, пожалуй, с самого печального – Германия проигрывает эту войну.

После этих слов фон Штайнберг вскочил с кресла и прерывающимся

голосом практически выкрикнул:

– Если это шутка, герр оберст, то я считаю её крайне неудачной! А если вы опять пытаетесь проверить мою преданность фатерлянду, то в таком случае я готов немедленно написать рапорт и с маршевой ротой уйти в окопы! Там, во всяком случае, всё проще: враг впереди, свои – рядом...

Оберст с грустной улыбкой, не прерывая, выслушал эту гневную тираду и продолжил:

– Герр гауптман, я бы никогда не позволил подобные шутки о судьбе Германии, а ваш отказ спасти свою жизнь ценой нарушения присяги кайзеру ставит вас вне всяких подозрений об измене рейху. Но успокойтесь и выслушайте короткую лекцию, которую прочтет нам майор фон Тельхейм.

Тот вздохнул и начал с неожиданного вопроса:

– Скажите, барон, как вас кормят в госпитале? В берлинских ресторанах вы ведь не были с момента последнего отъезда на фронт?

– ...Не знаю, как другие, но я не могу пожаловаться. Вот разве что кефира могло быть и поменьше, – с напряженной улыбкой ответил Штайнберг, лихорадочно стараясь понять, какое отношение может иметь госпитальное меню к возможному поражению в войне.

Эта немудреная шутка разрядила обстановку, а майор, который лечился в этом же госпитале полгода назад, добавил парочку анекдотов о чудачестве доктора, и офицеры дружно рассмеялись.

– К делу, господа, к делу, – отсмеявшись, заметил Николаи. – И на фронте, и в госпитале, барон, ни вы, ни ваши солдаты не испытывали особого недостатка в продовольствии. И это правильно, ибо воин должен сражаться, а забота о его желудке – дело тыловых чиновников. Но хочу обратить ваше внимание, герр гауптман, на то, что в Германии в целом появились трудности с продуктами питания. С февраля этого года по карточкам выдают всего двести двадцать пять граммов хлеба в день, и это только начало. Да, мы пока одерживаем победы, но так долго продолжаться не может. Война на два фронта истощает Германию. С одной стороны – Франция, с другой – Россия, а на море проклятый Роял Неви уничтожает нашу торговлю.

– Многие наши политики и генералы слепо следовали словам Наполеона о том, что для победы в войне нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги, – заметил фон Тельхейм.

– С деньгами в Рейхе дела обстоят неплохо, но этого недостаточно. Я знаю, барон, что вы, лечась в госпитале, много времени уделяете чтению книг русских писателей. Хочу внести и свою лепту. – И Николаи

процитировал несколько стихотворных строк на русском языке:

Он был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему.
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет...

Затем оберст повторил строки на немецком, а далее вновь продолжил майор:

– Наши военачальники свято верили в возможность молниеносной войны на два фронта и заставили поверить в это самого кайзера. И казалось, что они правы и галльский петушок практически ощипан и готов к жарке, но тут ударили русские. Их армии прошли по Восточной Пруссии железным катком (кстати, не в первый раз). И пусть нам удалось частично разбить, а частью отбросить их войска, но в итоге Франция устояла, и теперь перед нами реальные перспективы позиционной войны. А каково будет в окопах нашим солдатам, которые из писем узнают, что их родители, жены и дети недоедают, а там недалеко и до урезания их собственного пайка. *Hungriger Bauch ldsst sich mit Worten nicht abspeisen.*^[4]

Кроме того, в отличие от англичан и французов, этих русских в основной массе очень трудно заранее просчитать. На одном участке фронта они могут полками сдаваться в плен, а на другом, расстреляв все патроны, броситься в штыковую атаку и драться до последнего солдата. А теперь еще появился и доселе неучтенный фактор – партизанские отряды, о которых, герр барон, вы знаете не понаслышке. Новостью для вас может стать информация о том, что некий подпоручик Гурофф был замечен в крепости Ново-Георгиевск. Мы попытались реконструировать путь его отряда и подсчитать людские потери. В итоге выходит, что мы, по самым скромным оценкам, потеряли до батальона пехоты. Но даже не в этом главное. Была почти полностью парализована работа тыловых подразделений, и, как следствие, наши войска продвинулись не так далеко, как было запланировано. А вдобавок – чудовищные взрывы артиллерийских складов в том же Ново-Георгиевске и отстрел группы высших офицеров рейха в присутствии самого кайзера...

Сказать, что гауптман был удивлен, означало ничего не сказать. Новости о трагической гибели от пуль неуловимых стрелков нескольких высших генералов Германии и о чудесном спасении кайзера периодически доходили до него, но обрастали самыми фантастическими подробностями. И как это очень часто бывает, рассказчики готовы были поклясться, что «услышали это от САМОГО...» Далее шли разнообразные вариации, включающие личного шофера, врача, повара, адъютанта и пр.

– Да, да, вы не ослышались, герр барон, – именно отстрел. – Николай продолжил объяснения: – Заявление в газетах о том, что они погибли в результате взрывов на складах с боеприпасами, вызванных нарушением всех писанных и неписанных правил хранения боеприпасов русскими варварами, – не более чем дань общественному мнению. Хотя, нам известно, что какая-то толика информации все-таки просочилась, но пока, к счастью, в виде неопределенных слухов. Между прочим, часть этих событий была снята на киноплёнку кинооператорами, которые были должны увековечить для потомков триумф германского оружия. Теперь эта плёнка изучается нашими специалистами буквально кадр за кадром. Но вопросов появляется больше, чем ответов на них. Кстати, один из них я сейчас задам вам... Герр гауптман, тогда, в замке, вы не заметили в отряде этого Гуроффа лиц с характерной азиатской или британской внешностью?.. Может быть, кто-то говорил по-английски?

Фон Штайнберг отрицательно покачал головой.

– Не торопитесь, подумайте. У нас есть некоторые подозрения на тот счет, что этих русских партизан готовили японские инструкторы, а бритты командировали туда своего офицера. А эти два народа всегда были известны своими пристрастиями к тайным операциям... Ну, нет, так нет. Теперь перед нами стоит одна сверхзадача: вывести Россию из войны, сделать ее если не своим союзником, то хотя бы нейтральной. Покойные Гинденбург и Людендорф пытались поставить русских на колени и, как господа, диктовать им свою волю. И хотя древние завещали нам: «De mortuis aut bene, aut nihil»,^[5] я вынужден сказать, что, погибнув на поле брани, эти генералы принесли пользы больше, чем оставаясь в строю. Другие политики пошли еще дальше. Они пытаются уничтожить Россию, отравляя её революционными бациллами. Подобно Японии, которая финансировала в прошлую войну российских социалистов различного разлива, эти господа занялись тем же самым, но в гораздо больших масштабах. Они пытаются натравить «призрак коммунизма», который, по словам их духовных отцов Маркса и Энгельса, «бродит по Европе», на российскую монархию. Но при этом забывают, что подобным образом

поступали и завоеватели прошлого, забрасывая катапультами трупы людей и животных в осажденную крепость с целью вызвать чуму. Однако рано или поздно они и сами попадали под ее разящую косу. Эти обе дороги ведут в тупик.

Хвала всевышнему, что в фатерлянде есть еще люди, и их немало, которые предупреждали императора о губительности войны с Россией. Я назову вам только троих, но их имена говорят сами за себя: гросс-адмирал фон Тирпиц, рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег, начальник немецкого генерального штаба генерал от пехоты фон Фалькенгайн. Я позволю себе процитировать слова генерала: «Безбрежные пространства России способны поглотить любой военный натиск...» А гросс-адмирал высказался еще конкретнее: «Именно коварный Альбион заставил немцев и русских истреблять друг друга». И я очень рад, что это понимают и русские, иначе, чем объяснить слова лейтенанта Гуроффа, которые он высказал вам на прощание: «Немецкий солдат всегда славился своим мужеством, еще со времен Фридриха Великого. И достойно противостоять ему мог только русский солдат. Но, увы, от этого противостояния выигрывают только островные банкиры». Я ничего не искажил, барон?

– Нет, герр майор, – ответил гауптман, – у вас прекрасные информаторы. Всё было именно так, могу лишь добавить, что эти слова были произнесены без малейшей фальши. Чувствовалось, что лейтенант Гурофф ненавидит лимонников куда сильнее, чем нас, немцев. Значит, получается, что кайзера спасла не случайность?

– Нет, не случайность, а добрая воля нашего таинственного русского офицера. И, скорее всего, это было вызвано не почтением к монаршей особе, а неким намеком, если хотите, приглашением к диалогу. И скорее всего, за этим Гуроффым стоят весьма важные персоны, которые считают, что две империи должны заключить почетный и обоюдовыгодный мир. Так уж получилось, что именно погибшие генералы возглавляли ту группировку, которая пыталась изолировать кайзера и фактически подчинить его своей воле. В ставке творились престранные вещи. Стоило кайзеру отдать какой-нибудь приказ или распоряжение, как его тут же отменяли. Когда в ставке звонил телефон, его под каким-либо благовидным предлогом просили выйти, чтобы он не смог узнать, о чем идет речь. Ему не давали поговорить больше чем пару минут с кем-либо, кто мог сообщить ему правдивую информацию о том, что происходит на фронте. Он никогда не бывает в курсе военных дел или стратегических планов своих генералов. Его отсылали на восток, когда готовились операции на западе, и, наоборот – на запад, когда что-то планировалось на востоке. А вся ответственность

оставалась на кайзере, как на главнокомандующем. Теперь, я уверен, что позиции «партии мира с Россией» усилятся. Но, к сожалению, есть еще одна труднопреодолимая преграда, которая, увы, находится практически за пределами нашего влияния. И имя этой преграды – император Всероссийский Николай Второй. Как и все монархи, русский царь в некотором роде находится в плену условностей, а кроме того, он еще и «невольник чести». Повторив год назад слова своего предка Александра Первого, сказанные после начала войны с Наполеоном: «Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока останется хоть один враг на родной земле», он лишил себя свободы маневра. Более того, он, дав некоторые обязательства своим союзникам, наивно надеется на их взаимность. А в то же время для них, и в особенности для британцев, их обещания, данные российскому монарху, расцениваются подобно заверениям какому-нибудь вождю папуасов. Таким образом, чтобы подвести наших венценосцев к столу переговоров и сохранить при этом реноме, нам следует изобрести нечто в духе рыцарских романов. Кстати, барон, а как бы вы поступили, если узнали о готовящемся покушении на российского императора или его детей?

– Как прусский офицер и дворянин, я бы постарался довести эту информацию до тех, кто отвечает за их безопасность. Возможно, и у нашей полиции остались некие старые связи с российскими коллегами.

– И мы бы поступили точно так же, но война... Поверят ли коллеги из аналогичного ведомства данным, полученным от врага? Тем более что за этими террористами стоят англичане, на руках которых следы крови не одного русского монарха. В лучшем случае это только отсрочит удар. Поэтому у нас возник план операции: целью террористов является императорский санитарный поезд, в котором сестрами милосердия служат великие княжны – дочери императора Николая Второго. Террористы планируют подорвать железнодорожные пути, когда состав будет в прифронтовой зоне, и уничтожить всех, кто связан родственными узами с русским царем. Точное время и место нападения нам должен сообщить наш человек в английской разведке. И тогда мы сможем, как говорит пословица: «Убить двух мух одной хлопущей».

Вы, герр гауптман, со своими егерями заблаговременно прибываете в район атаки, дожидаетесь нападения на поезд и наносите молниеносный удар. Результат – террористы уничтожены, великие княжны спасены, вы доставляете их в безопасное место и передаете под покровительство своего сюзерена. А наш кайзер, их единокровный родственник, объявляет перемирие для передачи дочерей российскому императору, который

известен как любящий отец. И тогда у наших монархов появляется реальный шанс заключить между империями мир. Учитывая, что здесь идет речь о спасении дочерей монарха и установлении мира, я предлагаю назвать эту операцию – «Гавейн». И именно вам, барон, предстоит совершить подвиг, достойный этого прославленного рыцаря. Но есть еще ряд обстоятельств, которые могут повлиять на результат. Высший свет России крайне неоднороден. И даже среди великих князей Романовых идет скрытая борьба если не за овладение тронem, то, во всяком случае, за близость к нему. Раньше в этом споре решающее слово было за гвардией, но после боев четырнадцатого года обстановка изменилась. И вот в этой схватке люди лейтенанта Гуроффа могут, как говорят на Востоке, стать той соломинкой, которая переламывает хребет верблюду.

И я не удивлюсь, что они также будут вовлечены в эту игру. А посему необходимо выяснить: кто стоит за этим подпоручиком, ибо он сам не может быть самостоятельной фигурой. Сведения о нем весьма расплывчаты, а действия зачастую непредсказуемы. Среди наших солдат до сих пор ходят разговоры о неких мстителях, которые вырезали целый взвод, замаравший свои руки пытками пленного русского. И это не из категории слухов, ибо об этом – как о каре и предупреждении – было напечатано в листовках, которые затем щедро разбросали с российских аэропланов. И должен отметить, что это произвело действенный эффект. Я не буду утверждать, что теперь каждый германский гренадер поторопится перевязать раненого русского, но уверен в том, что постарается не распускать свои руки. Но не понятно одно: офицер объявляет настоящую вендетту и мстит за простого солдата, не связанного с ним даже родственными узами. Это не характерно ни для Японии, ни для северных народов, ни, тем более, для британцев. Единственное, что нам удалось установить, так то, что этот таинственный господин снабжен особыми полномочиями, пределы которых установил лично командующий армией генерал от инфантерии Смирнофф. И, скорее всего, за ним, или если вам угодно, над ним, стоят значительно более влиятельные персоны.

– Простите, герр оберст, – наконец осмелился задать вопрос гауптман, – это надежная информация? Я по личному опыту знаю, что определенная категория людей склонна бравировать высокими покровителями и, что самое забавное, заставляют поверить в это и своих собеседников. Этаким русский «капитан Фойгт из Кёпеника».

– Увы, барон, у лейтенанта имеется соответствующий письменный документ. И это подтвердили несколько русских офицеров из крепости Модлин, которые находятся в нашем плену, а после известных вам событий

вопросы им задавали весьма настойчиво. Среди них – начальник штаба генерал-майор Глобачефф. Позже, кстати, вы сможете побеседовать и с бывшим начальником жандармской команды штабс-ротмистром Мазепенко. И хотя он давно является нашим агентом, но могу сказать откровенно – это настоящее дерьмо. Это вы поймете и сами, гауптман, когда в процессе работы будете с ним контактировать. Но для успеха дела иногда приходится руководствоваться правилом «Отбросов нет – есть кадры». Этот мерзавец с тяжелыми кулаками и полным отсутствием мозгов не смог выполнить даже элементарное наше задание (по иронии судьбы продублированное экс-комендантом крепости – генералом Бобырем) – задержать Гуроффа. Более того, в результате потасовки этот кабан оказался избитым и связанным. Правда, в свое оправдание он утверждал, что в этой «эпической битве» помимо самого лейтенанта принимали участие не менее пяти его казаков-головорезов...

Николаи несколько увлекся и, судя по всему, намеревался, продолжать эту своеобразную вводную лекцию для гауптмана. Но майор фон Тельхейм заметил, что фон Штайнберг уже несколько раз незаметно для окружающих морщился и бережно дотрагивался до раненой руки, пытаясь, по-видимому, придать ей более удобное положение.

– Извините меня, герр оберст, за то, что вынужден невольно вас прервать, но мне кажется, что наш общий друг несколько устал, да и рана напоминает о себе, – и, обращаясь уже к гауптману, уточнил: – Не так ли, Генрих?

Барон, не желая признаться в слабости, попытался все отрицать, но Николаи был солидарен с майором.

– Да, вы правы, Хельмут, я несколько увлекся, на первый раз довольно. Предлагаю выпить, как говорят русские, «на посошок». Рюмка коньяка послужит вам, барон, анестезией на время дороги в Beelitz, а через неделю, когда, как я надеюсь, ваше здоровье окончательно упрочится, следующую встречу мы проведем уже на тренировочной базе, где проходят подготовку ваши егеря.

Офицеры, следуя, как им казалось, русским традициям, залпом выпили коньяк, после чего майор проводил гауптмана до автомобиля и оставался во дворе, пока машина не скрылась за дальним поворотом.

Возвратившись в кабинет, он подошел к окну, возле которого стоял Николаи, и задал вопрос:

– Ну и как вам мой «крестник», герр оберст?

– Достойный офицер, и не из тех, кто склонен бездумно щелкать каблуками, – чуть помолчав, ответил Николаи. – Честен, не забывает тех,

кто сделал ему добро. И при этом верен присяге. Но у него, как я вижу, есть еще одна черта характера, которая может быть как полезной, так и вредной для дела, – его нельзя причислить к бездумным исполнителям приказов. Я думаю, что стоит дать ему оперативный псевдоним, совпадающий с названием операции, – Гавейн... Ну а теперь, когда рыцарь готовится к новым ратным подвигам и спасению принцессы, придется заняться менее приятными субъектами. Герр майор, нам пора побеседовать со злодеями, покушающимися на жизнь ее императорского высочества великой княжны...

Глава 9

Остаток дня был занят обычными армейскими мелочами: оружие там почистить, портянки выполоскать в небольшой заводи под присмотром кого-то рыжего, изредка мелькающего в сосновых кронах, себя в порядок привести. Туда же пришла и Анна Сергеевна с очередным неотложным делом – бинты постирать. Подождав, пока я закончу бритье, подсела рядом на песочек и устроила митинг на тему: «Я остаюсь здесь учиться!» После огромного числа аргументов, вываленных на мою бедную голову в течение пяти минут, пришлось согласиться, чтобы не стать врагом номер один для этой шаровой молнии в юбке. Кстати, пока была в солдатской форме, вела себя нормально, как только переделалась в платье, откуда только все взялось? Короче, девушка взрослая, упрямая, пусть за свои поступки сама и отвечает. Тем более что чисто интуитивно, без какого-то логического обоснования, чувствую, что ей действительно лучше остаться здесь... Или это опять проделки экстрасенса Мартьяныча?.. Блин, голова кругом, никогда еще в такую передрыгу не попадал. Ладно, посмотрим, действительно, как ночь пройдет.

Вечером, после ужина, Анна Сергеевна снова нашла меня и передала просьбу Синельникова зайти, мол, он хочет со мной поговорить. Мысленно настраиваясь на тяжелые объяснения по поводу того, что бросаем его в глухом лесу, прохожу в дальнюю комнату, где на широкой лавке-кровати лежит Матвей. Рядом табуретка играет роль прикроватной тумбочки. На ней стоят глиняный кувшин с кружкой, два маленьких горшочка, из которых достаточно специфично, но вкусно пахнет заваренными травками. Прапорщику вроде получше, увидев меня, улыбается. Правда, улыбка выходит какой-то жалкой и виноватой, но дело вроде действительно идет на поправку.

– Добрый вечер, Матвей Матвеевич!.. Как себя чувствуете, рана сильно беспокоит?

– Здравствуйте, Денис Анатольевич... – Синельников даже чуть поворачивается, чтобы лучше меня видеть. – Спасибо, дед Мартьян какие-то травки заварил, Анечка мне их пить дает, и боль проходит. Только слабость большая.

Краем сознания отмечаю, что недавно слышал неуставное обращение «Матюша», а теперь вот и «Анечка» появилась. Может, еще и в этом причина ее желания остаться? Ну, удачи им...

– Ничего, поправитесь. Старик обещал вас через две недели на ноги поставить, а я ему верю.

– Я – тоже... Но позвал вас с другой целью... Дело в том... Вы завтра, как я слышал, уходите, а я остаюсь...

– Но, Матвей, сами же прекрасно понимаете, мы донести-то вас сможем, но вот лечение обеспечить – никак... – Трудно оправдываться, подсознательно возникает ощущение свершающегося предательства, мол, обещал и не сделал. Хотя и сам, судя по виду, Синельников, прекрасно понимает, что другого выхода нет.

– Не извиняйтесь, Денис... Можно я буду так вас называть?.. Наоборот, это я хотел извиниться, что стал обузой для всех. Прекрасно понимаю, что другого варианта нет... И еще... Можете думать что хотите, я же не считаю, что совершил бесчестный поступок... Помните, в крепости я упоминал, что интенданты жгут казенные деньги, точнее, делают вид, что жгут... В общем, под лавкой лежит мой мешок, в нем – два свертка... В каждом – по семнадцать тысяч рублей... – Прапор аж приподнимается на лавке, сверля меня глазами. – Я сразу решил, что как выйдем к своим, отдам вам половину... Это – не плата за доставку, упаси бог, я даже не думал так!.. Это... Ну, как сухарь последний пополам поделить... Еще ж Бонапарт говорил: чтобы выиграть войну, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги... Отряд у вас особый, потребности большие, а у наших снабженцев снега зимой не выпросишь, я уж на этой «кухне» покрутился, сам таким был. Да и батюшка как-то сказывал, что предок наш в час Смуты, подобно Минину, нажитую кубышку для победы русского оружия отдал... Официально эти деньги сожжены, а вам они могут здорово пригодиться. Возьмите их, пожалуйста! Я очень вас прошу!.. И поймите меня правильно, не обижайтесь...

Достаю из-под лавки вещмешок, развязываю горловину, там под всякой мелочевкой действительно лежат два бумажных свертка-кирпичика. Беру один из них, Синельников кивает, мол, разверни, посмотри. Внутри пакета из вощенной бумаги лежат две пачки двадцатипятирублевых с портретом Александра-Миротворца, пачка розово-кремовых сотенок-катеринок и четыре сложенные пополам голубоватые ассигнации в пятьсот рублей с портретом Петра Алексеевича. Да, по нынешним временам – нехилая сумма, даже несмотря на военную инфляцию. «Жалованье» за десять лет службы... В комнате висит неловкое молчание. Ну, что ж, «взятка» дана... И принята. Беру деньги не для себя, а – на дело.

– Спасибо, Матвей Матвеевич! Даю слово офицера, что употреблю деньги не личной корысти ради. А вы поправляйтесь, выздоравливайте. И

если... нет, когда выйдете к нашим, постарайтесь меня оповестить. Свяжетесь со штабом второй армии, с капитаном Бойко Валерием Антоновичем. Это – мой начальник, я по прибытии доложу о вас... А сейчас отдыхайте, время уже позднее. Завтра я еще раз загляну к вам.

На ночь расположились в сарае на охапках сена, к слову сказать, неизвестно для кого заготовленного хозяином. На всякий случай все-таки предупредил всех, чтобы оружие было под рукой, и выставил два поста. Один – на входе в сенник, и другой – возле духового окошка под самой крышей. Мартьяныч с маленьким светильничком в руках вскоре, после обхода двора, зашел к нам, хитро и понятливо оглядел всю компанию и, пожелав спокойной ночи, отправился в дом...

Проснулся я внезапно от легкого толчка бойца, дежурившего на входе. После чего тот почти неслышным шепотом поведал, что старик вышел из дому и побрел куда-то в лес. И что бы это значило?.. Побежал за гансами? Нет, не верится... Пошел куда-то по своим делам? А какие могут быть дела в начале первого ночи в лесу?.. Часовой добавляет, что перед этим в дверь дома кто-то тихонько скребся. М-да, все страньше и страньше... Значит, нужно сходить и проверить. Быстро вооружаюсь и пытаюсь как можно тише красться в темноте в направлении, которое показал боец, благо, луна светит достаточно ярко. Через несколько минут впереди в редколесье мигнул огонек, затем еще пару раз. Пробираюсь «на цыпочках» поближе и замираю. От сюрреалистической картины... Ну, блин, фэнтези отдыхает!

Посреди небольшой полянки полукругом расположилась стая волков. Один, видно – вожак, огромный, седой, почти белый в неярком свете ночного «светила» волчище сидит перед стариком и смотрит на него. В уме всплывает Акела из «Книги джунглей», такой же гордый и величественный. Мартьяныч в свою очередь тоже не сводит с него глаз. Немой диалог длится, кажется, целую вечность, потом рука человека касается головы зверюги, который, впрочем, не уворачивается, и властным жестом простирается в направлении болотной тропки. Множественное, почти синхронное движение, – и стаи на поляне уже нет. Только пара качающихся веток указывает, что это была не галлюцинация...

В этот момент что-то или кто-то легонько касается моего колена. Бл...!.. Так же и со страху помереть можно!.. Фуражка на голове, наверное, на целый сантиметр приподнимается от вставших дыбом волос, сердце ухает куда-то вниз, по направлению к пяткам... А снизу на меня смотрит, довольно ухмыляясь, Рыськина морда. И на ней ясно читается ехидный вопрос: «Чё, испугался? А вот нефиг подглядывать! Тоже мне, ниндзя по самоучителю нашелся тут».

– Ну, воин, все рассмотрел, все понял? – с поляны доносится насмешливый голос старика. – Иди уж сюда, поговорим.

Всем все, оказывается, известно, и от кого же я прятался тогда?.. Хорошо, что темно и моих пылающих ушей никто не видит. Выхожу на залитую мертвенно-белым светом полянку.

– Спросить ничего не желаешь?

– Мартьяныч, а... А... А что это было?.. – Вопрос очень «умный», но в голове других как-то не нашлось.

– А было то, что по вашу душу германцы заявились. По следу шли, видать опытные охотники. Остановились перед болотом, заночевать решили. Рыськины братья их учуяли и мне о том рассказали. А потом Сивого с семьей позвали...

– А... Сивый – это вот тот волчище, с которым вы... Который рядом сидел?..

– Ага, он самый. Его стая у меня вместо армии своей собственной. – В голосе знахаря... да какого, нахрен, знахаря, – ведуна слышится гордость. – Я его давным-давно еще щенком выхаживал... А вот теперь отправил гостям незваным салазки позагибать. Через час уже никого поблизости не будет.

– Стая волков справится с вооруженными солдатами?.. Да их же перестреляют, и все!

– А будет в кого стрелять-то?.. Не впервой им. От ихнего воя людишки, бывало, и помирали на бегу, и память теряли.

– Это кого вы так гоняли жестоко? – Потихоньку начинает просыпаться любопытство. – За какие грехи такие?

– Ну, ходили тут всякие в разное время... Душегубы, браконьеры... Пару раз фуражиры Понятовского мародерничали... Пока не кончились.

Понятовский, Понятовский... Где-то я эту фамилию слышал... Да не может быть!.. Генерал Понятовский, польский кавалерийский корпус в составе армии Наполеона!.. Ну ни хрена ж себе!.. Это ж сколько деду лет, получается?..

– Ну, что, позанимался арифметикой? Голову-то не сломал?.. – Мартьяныч вдруг весь подбирается. – Слушай вот!

Со стороны болота доносится жуткий, проникающий в самые потаенные уголки души, звук волчьей песни. Внутри все обмирает, тело становится ватным, руки и ноги деревенеют и не слушаются. К первому волку присоединяются еще два, они вторыми голосами выводят Песнь Смерти. Первый «куплет» стихает, в ночной тишине раздается несколько беспорядочных выстрелов, которые как бы служат сигналом для остальных

волков. Набирая силу с самых низких басовых нот и внезапно взмывая вверх к тускло-серебристой луне мощными обертонами, вступают с разных сторон уже шесть или семь голосов. И в этой песне очень явственно слышится целая гамма эмоций: по настоящему звериная злоба к тем, кто нарушил покой леса, кровожадная беспощадность, готовность прыжком повалить противника и одним движением челюстей располосовать вражью глотку аж до позвоночника, угрюмое торжество хищника, знающего, что добыча от него не ускользнет, мстительная ярость и торжество...

Выстрелов больше не слышно, песня волков потихоньку удаляется, затихает. Старик резко поворачивается ко мне:

– Хотел что спросить?.. Иди, успокой своих. Скажи, что придешь к рассвету, – в голосе и следа не осталось от расслабленной насмешливости. Так не каждый генерал командовать может. Даже не командовать, а повелевать. – Иди!.. А потом в одно место с тобой пойдем! Если не побоишься...

* * *

Дюжина людей бежала по вечернему лесу. Опытные, ловкие, сильные, они бесшумно двигались по чащобе, и редкая веточка колыхалась там, где только что мелькал зеленый мундир. Сюда они пришли незадолго перед закатом, остановились на берегу болотца, осторожно походили вокруг, внимательно рассматривая свежие следы. Затем старший велел устроить ночевку, и чужеземцы, выставив сторожей, заснули... Ненадолго... Пока луна не вошла в полную силу...

Теперь они ломились обратно сквозь цепкие заросли, норовившие уцепиться за одежду, хлестнуть в темноте по лицу, глазам, подставить подножку корневищем. А в спину чужакам бил леденящий душу волчий вой. Все эти люди в зеленых мундирах были опытными охотниками и отлично понимали смысл этой жуткой песни: «Смерть чужакам! Смерть осквернившим наш лес! Вы пришли на чужую землю, здесь же и умрете! Ваши трупы съедят земляные черви, а костями будут играть в логовах наши кутята! Сегодня мы устроим кровавый пир и ваши самки будут долго и безуспешно оплакивать вас, а ваши щенки подохнут с голоду, потому, что некому будет принести им кусок мяса!..»

Если бы какой-нибудь человек оказался рядом с ними, то в неверном свете колдуньи луны ему порой могло показаться, что это бегут не люди, а скелеты, обряженные в форму егерей кайзеровской армии. Застывшие

мертвенно-белые лица, оскаленные рты, пустые черные глазницы...

Выбежав на просеку, с которой они несколько часов назад начинали свой путь, егеря без сил повалились на землю, безуспешно пытаясь оцетиниться стволами винтовок, ходившими ходуном в трясущихся непослушных руках. Глотки с хрипом пытались впихнуть в легкие, пережигавшие кислород, прохладный ночной воздух. Сердца бешено колотились внутри клеток из ребер, пот заливал глаза... Последний отдаляющийся аккорд волчьей песни заставил их судорожно еще теснее прижаться друг к другу. Затем наступила тишина...

Прошло несколько томительных минут, прежде чем к ним вернулся дар речи. Вся вода из фляжек перекачивалась в желудки, но пересохшим глоткам и хриплым голосам так и не помогла.

– Когда я был сопливым мальчишкой... – Оберьягер Ханс Брюннер сунул в рот сигарету и теперь безуспешно пытался попасть спичкой по коробку. – Я... смеялся над рассказами дедушки... О вервольфах... Которые как-то гнались за ним по лесу... И выли, наверное, точно так же... Мои внуки тоже... Будут смеяться, когда я буду им рассказывать... Про сегодняшнюю ночь... Если буду... Если останусь жив... Шайзе...

– Нет, Ханс. Боюсь, что ты никогда и никому этого рассказывать не будешь. – Унтер-офицер Фриц Штернер, старший группы, обвел угрюмым взглядом своих подчиненных и затем продолжил: – Камрады, большую часть из вас я хорошо знаю еще по охотничьим угожьям нашего герцога Вюртембергского. Я не один десяток лет охотился на волков и знаю все их повадки... Сегодня была не обычная стая, а... что-то гораздо хуже... Обычные звери так выть не могут. На такое способны только... – он запнулся, не решаясь выговорить жуткое слово и тем самым привлечь к себе внимание тех, о ком говорил. – Поэтому я хочу, чтобы вы знали: утром я доложу герру оберсту о том, что следы русских обрываются в непроходимой трясине и, судя по всему, они все утонули, пытаясь выбраться из окружения. Если кто-нибудь из нас расскажет правду, над нами будут смеяться сначала все сопляки из рейхсхеера, а потом вся обслуга домов для умалишенных. Но перед этим все-таки последует наказание за невыполнение приказа. А еще раз идти к этому чертовому болоту нет желания ни у меня, ни, я думаю, у вас...

Глава 10

Выйдя на поляну, негромко свищу «Свои», в ответ в черном провале ворот два раза и, после паузы, еще раз мигает фонарик. Значит, все в порядке. Захожу внутрь, и меня наперебой встречают одним и тем же вопросом: «А что это было?» Волчий вой здесь был хорошо слышен и наверняка доставил присутствующим немного острых ощущений. Я представляю, каково проснуться среди ночи от такого «будильника».

– Ничего особенного. – Пытаюсь вкратце объяснить произошедшее: – К болоту с той стороны подошли немцы, и наш хозяин отправил им навстречу стаю волков...

В ответ – немая сцена, народ пытается переварить сказанное.

– Что значит «отправил»?.. Как это?.. Ему волки подчиняются?.. Невозможно!.. Ну ничего себе!..

– А то и значит. – Чего-то меня покаламбурить тянет. – Дед Мартьян высвистал из леса волков, они перед ним выстроились, он им скомандовал «фас!» и показал направление движения. Они и убежали.

Все разговоры пресекаются фразой Семена, почему-то подошедшего сзади:

– Я-то серых повидал на своем веку в достатке. Ток вот ни разу не слыхивал такой «музыки». Ручные они там, аль нет, у меня б с десяток верст пятки сверкали, если б за спиной такое...

– А ты откуда бредешь, добрый молодец? – Так, пора менять тему, дабы избежать лишних вопросов. – Сказано ж было – «никуда»!

– Так мы с Гордеем никуда и не уходили. В доме – тока раненый и сестричка. Ей такое услыхать – сам подумай, командир! Вот мы и сели возле крылечка покараулить, он и посейчас там...

Надо ж, какие у меня бойцы инициативные. И, что самое главное, инициатива – правильная...

– Добро, молодцы! Теперь часовые бдят, остальным – спать... Я скоро вернусь, за старшего остается Семен.

– Командир, я – с тобой. – Игнатов, назначенный старшим, тут же начинает подрывать основы единоначалия.

– Для тех, кто ночью плохо слышит, повторяю: ты – за старшего! Я... Иду... Один...

– А ежели?..

– Один!..

Быстренько разворачиваюсь и иду к полянке, где изредка мигает светильничек. Дождавшись меня, Мартьяныч молча поворачивается и шагает впереди, указывая путь. Идем минут десять, от бесчисленных поворотов в разные стороны появляется ощущение, что старик просто водит по кругу, чтобы днем я не смог повторить маршрут. Что ж это за место такое таинственное?.. Внезапно, выйдя на очередную полянку, он останавливается, и привыкшие к темноте глаза вскоре различают какой-то черный забор. След в след за дедом обхожу по часовой стрелке частокол из заостренных бревен и сворачиваю в небольшую калитку. Мартьяныч жестом показывает мне «Стой!», прислушивается к чему-то только ему одному слышимому, затем проходит вперед и зажигает заранее приготовленный факел, воткнутый в землю. В мерцающем пламени видна огороженная округлая площадка, в середине которой высится громадный, наверное, в три-четыре обхвата, дуб. Раскидистые ветви почти везде лежат поверх заостренных бревен, создавая своеобразную крышу. Перед лесным великаном врыт в землю и окружен неглубоким ровиком валун высотой в половину человеческого роста неправильной вытянутой формы. В скудном освещении он кажется иссиня-черным, будто поглощающим свет, на поверхности нет никаких бликов. Старик поворачивается ко мне и командует:

– Подойди и положи ладони сверху!

Хочется задать кучу вопросов, но ноги сами несут меня к камню, протягиваю руки и кладу их на верхушку. Поверхность прохладная, состоящая из множества мелких извилистых бугорков, пересекающихся друг с другом, с гладкой, будто отполированной поверхностью. В «низинках» между ними камень ноздреват, напоминает на ощупь пемзу. Такое ощущение, что держу во много раз увеличенную косточку от персика.

– Так кто же ты, воин?.. Почему в твоём теле живет две души?.. – Голос деда напряжен и, как будто, хлещет по ушам. – Ответь!

Оборачиваюсь на звук, ведун стоит, сверля меня взглядом, будто пытаюсь высмотреть что-то одному ему видимое и важное.

– А с чего вы взяли, Мартьяныч, что у меня их две?

– Говори мне «ты»! Я могу... Я вижу человеческие души. И две в одном теле могут быть или у баб непраздных, когда они дитё под сердцем носят, или у юродивых, но не у всяких... Или у тех, в кого вселился демон... Но Велес принял тебя, не отверг, значит, ты – не демон... Кто ты?..

Ну вот, опять, блин! И что, снова «каяться» и «исповедаться»?.. Но взгляд у деда каков! Скоро дырку во мне прожжет! Открываю рот, но

говорю совсем не то, что хотел...

– Дед Мартьян... Я – из будущего...

Старик моментально срывает с шеи какой-то блестящий багряно-золотистый в свете факела кружок на кожаном шнурке...

– Смотри на него!..

Медальончик, на котором огненными змейками отражаются языки пламени от факела, покачивается перед глазами, голова начинает кружиться, я чувствую, что куда-то уплываю...

Прихожу в себя моментально, будто просыпаюсь по команде «Подъем!». Лежу на земле в позе «звезды», головой в сторону валуна. Рядом сидит дед Мартьян и внимательно смотрит на мое пробуждение.

– Ну, очнулся?.. На-ка вот, попей. – Старик протягивает мне баклажку с пряно-сладковатым травяным настоем. – Извиняй, что я тебя так... Зато теперь вопросов гораздо поубавилось... Воин из будущего...

– Зато у меня они никуда не делись, дед Мартьян. Наоборот. Даже больше стало.

– Ну, так задавай свои вопросы. – Старик спокоен и невозмутим. – Ежели смогу, отвечу.

Вопросов действительно множество, только вот мысли, как мыши от кота, разбегаются в разные стороны. Болото... Не ходи сюда, ты здесь чужой... Рыська... Сивый со своей стаей... Жуткий волчий вой в ночи... Камень под дубом... И с чего начнем? А с начала...

– Мартьяныч, а ты кто на самом деле? И что это за место?

Дед добродушно усмехается, оглаживает бороду и изрекает:

– Знахарь я местный, народ лечу травами да заговорами... А еще – Хозяин Леса здешнего... Велесов волхв. А место это – капище Велесово.

Блин, ущипните меня кто-нибудь, я хочу проснуться и не бредить! Какие, нафиг, еще волхвы? Из песни о Вещем Олеге, что ли?..

– Ты сначала выслушай, а там решать будешь – верить или не верить. Мой род – древний, и все мужи так или иначе служили богу Велесу. – Старик читает мысли на моей мордочке, как в раскрытой книге.

– Так он же Мораны с Чернобогом родственничек! – «Блистаю» эрудицией, почерпнутой из новодемократических изданий девяностых. – Так ты, выходит, все-таки колдун?

Дед сначала возмущенно удивляется, затем на лице появляется обычная ухмылка:

– Ты не путай ужа и ежа. Того сродственничка зовут Змей-Волос, и поклоняться ему – последнее дело. А Велес, Велих, Волох, его разные народы по-разному называют, – сын Рода и брат Сварога. Именно он

привел в движение сотворенный ими мир с помощью тайных знаний, которые получил от сил Света и Тьмы. Бог-оборотень, могущий принимать любые обличья, подчинивший себе всех лесных зверей, укротивший все стихии. Еще Велеса называют скотьим богом, Хозяином Нави, посмертным судьей и прижизненным испытателем...

– Я как-то в языческих верованиях – не очень. – Снова вижу дедову ухмылку, мол, вижу, не слепой. – Знаю только, что вроде Перун был одним из главных богов.

– Ты – воин, потому тебе Повелитель Грозы и близок. Он покровительствует ратным людям. И частенько его противопоставляли Велесу, может, оттого и путают его со Змеюкой... В начале времен, когда боги создали мир, все было ладно и Перун был мирным богом, покровителем кузнецов. Это потом, когда Морана со своим Чернобогом появились и Змеищу создали, тогда уже Перун взял в руки секиру вместо молота и загнал всю эту нечисть под землю. А Велес сразу взял под себя зверей и птиц, леса и поля... И до сих пор селяне, когда хлеб с полей убирают, оставляют несжатыми несколько колосьев и вокруг них связывают сноп. Называют его волотью, аль Велёсовой бородой и просят, чтоб в следующем году эта борода – зерновое поле – была еще гуще. А на капища к Велесовым камням девки издревле бегали, камни те рушниками да холстами обвязывали, да потом на себя надевали. Чтоб, значит, детки у них были здоровые.

– А я слышал, что кровавые жертвы Велесу девками приносили. Непорочными...

– Может, когда-то, очень давно, и приносили, я того не знаю. Мы ж в лесу живем, университетов не кончали в отличие от некоторых, – язвительно иронизирует ведун. – Кровь на камне была, это – да. Только другая... Из окрестных деревенок выбирали по девке, первый раз... уронившей кровь. Затем по жеребию из них выбирали одну и перед кумиром ее... ну, бабой делали. Вот ее девственность в жертву Велесу и приносили. Причем иной раз такая драка меж тех девок случалась – ой-ёй-ёй! Каждой хотелось невестой бога стать, это ж потом все самые завидные женихи ей ворота с петель сносили, сватаясь. То Перун твой кровью вражьей умывался, да на то он и бог воинов, чтобы лихие соседи ратиться не лезли, страшились. Ты сам, когда к болоту со своими лесовиками-охотниками шел, какую требу, в смысле – жертву, на камень положил?.. То-то...

– Погоди, Мартьяныч... А ты откуда это знаешь?!..

– Коль ты забыл, напомню: я – волхв Велеса, Хозяин Леса! – Старик

важно и даже немного высокомерно смотрит на мою недоуменную мордочку, потом смеется. – Так мне ж сам твой Семен и сказал. Приходил он ко мне поговорить...

Тьфу ты, блин!.. Развел как пацана! Я уж начал думать, что у деда всевидящее око и всеслышащее ухо...

– ...А вообще-то треба дается так, как вы сделали. Только водку или вино надо заменить на медовую воду, то бишь медовуху, сок малины аль смородины... Кто в лесу алкоголь пить будет? А так – да. Сначала дары Лесу и только потом дары из Леса...

– А как же христианство, дед Мартьян?.. Икона в доме? – Вот я ведуна и поймал. Так мне показалось. Что он на это скажет?..

Мартьяныч снова усмехается:

– Я все думаю, когда же ты до этого дотумкаешь?.. А что – христианство?.. Верю ли я в Бога? Да. Верю ли в то, что Иисус – Сын Божий, за грехи людей людьми же и убитый? Да. Верю ли в то, что Мария стала Матерью Божьей через непорочное зачатие? Тоже – да. Ну-ка, вспоминай Христову Нагорную проповедь! Там нет ни единого слова, чтоб против законов Велеса было.

– Но ведь в христианстве Бог един! Этому же с малых лет учат... А у тебя богов получается больше, чем пальцев на руке.

Старый ведун, помолчав немного, уже без усмешки, вполне серьезно проговорил:

– А вот будь ты учителем, стал бы преподавать математику, например, химию с физикой не студенту, а школяру, только первый год за парту севшему? Нет. Его сначала надобно арифметике обучить, аз-буки-веди чтоб знал... Так же и с родом человеческим. В давние времена люди что дети малые были, на каждый случай своего бога придумывали. Солнышко по небосводу плывет – то Дажьбог со щитом в своей колеснице едет, гром гремит, молния сверкает – то Перун за Змеищем с секирой гонится. Потом повзрослели, поумнели люди-то. И поняли, что нет многих богов, есть много проявлений одного Бога. Что в Писании сказано? Что Господь всеблаг, всеведущ и непостижим человеческим разумом. Вот и видят люди одно и то же, а объясняют каждый по-своему, как кому удобней. А Велес в христианстве в пресвятого Власия превратился, тож ответственного за животинку. Вот и весь тебе мой сказ... Ответил я на твой вопрос?..

Киваю в ответ, хотя до полной ясности далеко. Слишком уж лихо все закручено. Но какая-то логика в словах ведуна есть. Значит, нужно только время, чтоб все улеглось по полочкам, а там будем посмотреть, что – так, а что – нет.

Дед, пристально смотрит на меня и после небольшой заминки продолжает:

– Есть еще один случай, когда жертвуют кровь Велесу... Но это только с согласия того, кто ищет его покровительства. Хочешь, чтобы он тебе помогал?

Ну, выпрашивать тонкости обряда как-то... неправильно. Тут или «да», или «нет», ...«а все остальное – от лукавого». Блин, это же из Библии... А тут – Велес... Что-то совсем я запутался. Так, вспоминаем правило номер один, гласящее: «Если самурай не знает, что делать, он делает шаг вперед».

– Да, хочу!..

Старик поднимается, достает из кошелька на поясе кусок бересты, маленький, но даже по виду очень острый ножичек и небольшую склянку с чем-то черным. Задумчиво смотрит на бересту, прячет ее обратно и срывает с дубовой ветви большой лист. Затем еще раз прожигает меня испытующим взглядом и командует:

– Сымай рубаху, исподнее, да ложись, как лежал, только правую руку за голову положи.

Выполняю требуемое, дед садится на колени, берет в руку ножик и... начинает петь какую-то странную песню. Полностью всего не разобрать, слышно только отдельные слова: «...во лесную крепь... к огню горючу... к камню заветну... кощуны... Велеса просят... зверем рысучим... легкой птицею... черен калинов мост...» Дальше слов не разобрать, сам впадаю в какое-то оцепенение и спустя время чувствую под мышкой легкую, будто укус комара, боль. Рука ведуна опускается на грудь, командуя: «Не шевелись». Боль скоро проходит, дед растирает там кожу, затем командует:

– Вставай, воин!

Встаю рядом с ним, он протягивает мне дубовый лист, на котором в свете факела видны несколько темных капель.

– Возьми, переверни над камнем и прижми. Велесу ты должен сам свою кровь отдать.

Молча выполняю требуемое, старик опять поет-бормочет, затем затихает, стоит молча и ждет. Проходит минута, другая, потом в неярком свете угасающего факела мелькает неуловимо-быстрая тень, и с другой стороны от меня на землю усаживается Рыська. Мартьяныч довольно улыбается, произносит:

– Жертва отдана и принята!.. Я не ошибся, котяра он и есть котяра. Пошли, воин...

Когда, обменявшись сигналами с часовыми, пришел в сенник, по

дыханию определил, что все добросовестно делают вид, что спят и видят затейливые сны. Разоблачать их не стал, улегся на свободное место и неожиданно быстро уснул...

Глава 11

Утром, после подъема в голове остались достаточно четкие воспоминания о том, что происходило ночью на капище, и смутные ощущения, что снилось после этого. Впечатление было, будто меня – очень маленького ребенка – кто-то качает на руках и что-то говорит, но слов не разобрать. Осталась только память о сильных и заботливых руках, качавших несмышленного дитя с сознанием подпоручика Русской императорской армии и старлея Вооруженных Сил Российской Федерации...

Прощание с Синельниковым и медсестренкой много времени не заняло. Анна Сергеевна на предложение все-таки пойти с нами только сверкнула глазищами и возмущенно заявила, что должность у нее называется «сестра милосердия» и это самое милосердие сейчас нужно здесь, конкретному человеку. Прапор совсем не возражал против вышесказанного, хотя чувствовал себя хорошо и, похоже, начал идти на поправку. Кажется, тут еще и кое-что гормональное, то есть межличностно-эмоциональное, примешивается. Ну, да лишь бы на пользу было.

Сборы в дорогу тоже были недолгими. Весь запас продуктов оставляли здесь, с собой взяли по банке тушенки и паре галет на двоих, объяснив, что мы по дороге себе еще найдем. Дед Мартьян в ответ «отдарился» жестяной двухлитровой баклажкой травяного настоя, предупредив, тем не менее, что пить его надо по глотку не чаще двух раз в сутки. На недоуменный вопрос «Почему?» усмехнулся и ответил кратко, но выразительно:

– Ежели больше, сотрете себе свои... причиндалы вздыбленные. А меня ж потом и виноватым сделаете. – И обращаясь уже ко мне, негромко добавил: – Слушай себя, воин. Внимательно слушай. Как только какая необычная мысль в голову придет, сначала обдумай ее хорошенько. То, может... сам знаешь кто тебе помогать будет. Ты в лесу теперь свой, но все одно – смотри по сторонам. И Семену доверяйся. Он – лесовик знатный, да и поговорили мы с ним хорошо. За Матвея не беспокойся, вытяну парня... с Божьей помощью. И Анюту поучу знахарскому делу маленько...

– Спасибо, Мартьяныч. За все. За хлеб-соль, за кров, за помощь... И за науку. Даст бог, еще свидимся.

Старик хитро улыбается, будто хочет спросить, на помощь какого бога я рассчитываю, потом серьезнеет:

– Свидимся. Я знаю это... Ну, доброго вам пути, идите...

Я шел замыкающим и перед тем, как скрыться в кустарнике, обернулся. Дед стоял на том же месте и, поймав мой взгляд, помахал рукой. А через полчаса, когда уже перешли болото, с нами попрощался и Рыська, до этого изредка мелькавший среди зелени. Кошак подождал, пока все пройдут, теранулся о мое колено и, коротко мяукнув на прощание, исчез в кустах...

Остаток пути, верст семьдесят – восемьдесят отмахали за два дня. И все благодаря дедову «коктейлю». Не знаю уж, чего он там намешал, но допинг получился шикарный. Один глоток чуть горьковатого напитка, и через несколько минут усталость куда-то исчезает, хочется бежать, нестись, лететь. Вот поэтому мы таким стадом лосей, озабоченных известно чем, ломались в нужном направлении, причем не обращая внимания даже на обозные колонны, пару раз появлявшиеся в поле зрения, – жрать не хотелось вообще. На привал встали, когда совсем стемнело. Быстренько перекусили «армейскими бутербродами» – толстый слой тушенки на тонкую галету (не перепутать!), запили все это дело водичкой из фляг и попытались улечься спать. Через час перестали ворочаться самые активные, и до рассвета гармонию природы нарушали только сидящие в укромных местах дозорные.

На следующий день повторилась та же картина: пару кусков тушняка, глоток настоя – и бежим отсюда и до вечера. Но финиш появился немного раньше. Уже после полудня стало понятно, что фронт близко. Грузовики, повозки, колонны пехоты, разъезды, патрули, посыльные и всякие вестовые постоянно шастали взад-вперед по дорогам и не давали возможности перебраться на другую сторону. Наконец-то, после почти часового лежания в траве, появился шанс проскочить, чем мы очень быстро и воспользовались. Лес, расположившийся с другой стороны, гостеприимно укрыл нас под кронами своих деревьев.

Пройдя его, поняли, что почти пришли, в смысле прибежали. Верстах в трех за лесом начинались немецкие позиции, которые гансы активно обустроивали. Небольшой шухер устроили немецкие саперы, приехавшие на свежую вырубку. Но далеко вглубь соваться не стали, напилили четыре повозки толстых жердей и благополучно убыли восвояси.

Наблюдательный пункт устроили на верхушке одной из громадных сосен. В бинокль сумел рассмотреть две линии окопов, строящиеся блиндажи и, самое неприятное, проволочные заграждения в два-три ряда, усиленные спиралями Бруно, местами уже законченные. Разрывы в них пока заполнялись «ежами» из кольев, обтянутых той же «колючкой».

Похоже, гансы устали наступать и решили перейти к обороне. Пока не стемнело, прорабатываю два маршрута, где можно пройти, и спускаюсь вниз. Там уже собралось небольшое военизированное вече, все ждут, что новенького и интересненького я им скажу. Стараюсь их не разочаровать:

– Значит, так, впереди гансы в окопах, за ними – наши. Сегодня ночью, после полуночи, когда самые ретивые угомонятся, идем на прорыв. Заграждения поставлены не сплошняком, в двух местах есть разрывы, закрытые «ежами». Возле каждого – по пулемету. Поэтому впереди идет одна «пятерка», трое прокладывают путь, пулеметчик со вторым номером их прикрывает. Потом – основная группа, последним движется прикрытие: два пулемета, Зингер – за старшего. Напоминаю, мы уже на передке, здесь боевые подразделения, а не обозные сонные мухи. Окопы переходим очень тихо, лишних гансов не трогать, лучше затаиться и переждать. Огонь открывать только в самом безвыходном случае. Вопросы?..

Времени – начало первого. Мы уже тихонько перескочили вторую линию окопов, вплотную подобралась к первой. Еще бы ее так же незаметно пройти, блин. Ждем подходящего момента, когда луна спрячется за тучку. Тогда быстро перескочим, и – все. Останется сделать проход и уйти на нейтралку. А там и до своих рукой подать... Только вот, кажется, у немцев на этот счет другие планы. В окопе слышны приглушенные шаги, какое-то шуршание. Вот и фонарик у самого дна мелькнул... На автопилоте чирикаю «Внимание», чтобы головной дозор не застали врасплох... Это что, комитет по встрече?.. Не похоже... Гансы останавливаются метрах в десяти от нашей лежки, что-то высматривают впереди. Потом по очереди вылезают на бруствер... Разведчики за языком собрались?.. Тоже нет, какие-то мешки с собой тащат... И что делать? А, собственно, вариантов тут немного – только один. Идем в хвост, их всего семеро. Придушим, и – на свободу... С чистой совестью.

Трогаю за плечо Семена, лежащего рядом, еле слышно шепчу в ухо:

– Подмени с Гордеем Зингера и Егорку. Они мне здесь нужны.

Игнатов кивает и бесшумно уползает назад, через минуту появляются казаки.

– Так, братцы, впереди семь гансов с поклажей, ни один не должен пикнуть. Живым брать только старшего. Берите головную «пятерку» в помощь.

Бойцы растворяются за бруствером. А мы пережидаем прогулку часового, затем тоже перескакиваем через окоп и ползем к уже проделанному проходу. Метров через двадцать нас окликают «чириком», отвечаем и подползаем поближе. Так и есть, шесть немцев неподвижно

лежат на земле, одного, видимо бесчувственного, заканчивают вязать... Так, а что тут у нас в мешочках?.. Как назло, на луну наплывает очередное облачко и ни хрена не видно. На ощупь – какие-то жестяные банки-цилиндры длиной сантиметров в тридцать, провода... А это похоже на воронки для розлива... Короче, берем мешок с собой, там разберемся. Не просто ж так они ночью погулять вышли.

Через сотню шагов дозор передал по цепочке, что видна наша «колючка». Ползу вперед... Песен тут уже не попоешь, негромко свищу, привлекая возможное внимание часовых, и вполголоса пытаюсь дать знать о себе:

– Эгей, православные... Есть тут кто-нибудь?.. Не стреляйте, свои...

Повторяю кодовую фразу несколько раз, пока в ответ не доносится:

– Кто такие?.. Стрелять будем, отвечай...

– Свои мы, русские. Позовите кого из начальства...

И тут же ночная тишина разрывается истошным криком:

– Ахтунг!! Аля...

Твою мать, немец очнулся!.. В ответ на крик грохочут два выстрела, чувствую удар по плечу, ору уже не таясь:

– Мать вашу через пень в колоду!! Не стрелять, свои!! Ёж вашу кашу под коленку в корень через коромысло!..

Теперь уже в окопе слышен командный ор: «Не стрелять!» В три шашки с подоспевшими казаками рубим проход в проволоке, проскакиваем под начавшимся пулеметным обстрелом с немецкой стороны еще шагов двадцать и плюхаемся в окоп. Там нас уже поджидает унтер с парой солдат, неумело держащих винтовки, будто вилы.

– Подпоручик Гуров. Проводи меня к командиру, – представляюсь разводящему, по всей видимости, и оборачиваюсь уже к своим: – Семен, Гордей, заткните пулемет. Шумит и шумит, разговаривать мешает... Всем собраться здесь, ждате меня. Если гансы полезут, что делать – знаете.

– Командир, у тебя рукав весь в крови! – Сибиряк оборачивается, сует ближайшему бойцу вытащенный из кармана рулончик самопального бинта из натальной рубахи. – Перевяжи, быстро!

Стаскиваю китель, морщась от саднящей тупой боли в руке. Назначенный санитар не успевает сделать и трех мотков вокруг бицепса, который задело по касательной, как снайперы, разбежавшись по окопу шагов на тридцать, берут пулеметчиков «в уголок», и после нескольких выстрелов немцы замолкают. Обиделись, наверное. Смертельно...

А я, тем временем, в сопровождении почетного караула, состоящего из того же унтера с новобранцами, пробираюсь по окопу в направлении

блиндажа ротного командира. Один из солдат, очевидно, тот, который стрелял, идет и монотонно бубнит, так, чтобы я мог его слышать:

– Ваше благородие... Звиняйте... Я ж не знал... Оно так как-то само вышло... Не хотел я... Ну, ваше благородие... Не погубите... Не со зла я... Прости, Господи, за грех-то...

После третьего повтора мне это надоедает. Оборачиваюсь, чуть не налетев на штык идущего сзади нытика. Этот вояка еще на ходу и креститься успеваешь! А ствол в другой руке держит, и очень опасно, однако.

– Да хватит уже бубнить! Никто тебя трогать не будет, угомонись! И винтовку подальше от меня убери, а то еще одну лишнюю дырку во мне сделаешь!.. Унтер-офицер, пусть они впереди идут, а то я за свою ж... спину опасаюсь!

Унтер, судя по всему, старый служака-сверхсрочник, тумачом подгоняет «виновника торжества» и басит извиняющимся тоном:

– Вы уж, вашбродь, не держите зла... Салажня ведь зеленая, проваландались в тылу три месяца, да так и ни чему не научились, окромя как с палкой бегать... Дярёвня... Винтовки тока здесь увидали...

– Ладно, закрыли тему! Если что, скажу – с той стороны прилетело. Долго еще идти?

– Да нет, тут вот как раз поворотец, и, считай, пришли...

* * *

В блиндаже нас встретил немолодой, лет далеко за тридцать, прапорщик, представившийся Яковом Семеновичем Грановским. После краткой церемонии знакомства и проверки офицерского удостоверения ротный крикнул денщика:

– Петька, санитар сюда живо, шевелись быстрее! А потом самовар вздувай, чтоб сей секунд у меня чай был!

– Яков Семенович, у меня там бойцы в окопе.

Ага, сейчас я чаи гонять буду, а группа сидеть и ждать у моря погоды.

– Где бы до утра разместиться?

– Погодите, сейчас рану-то обработаем по всем правилам. – Хозяин достает фляжку и протягивает мне. – Не желаете, так сказать, для анестезии?.. Нет? Ну, как скажете... Тогда наружно попользуем, как только санитар явится. А пока остальные вопросы порешаем. Сколько вас, милейший?

– Трое офицеров, четырнадцать нижних чинов. Всего – семнадцать

человек.

– М-да-с... У меня в землянках столько места не будет. Разве что... В трехстах шагах отсюда рощица, там – в низинке – обоз разместился. Тихо, спокойно, да и перекусить будет чем. Кашевары должны были оставить на вас порцион.

– Простите, а откуда вы знали, что мы придем? И будем переходить именно здесь? – Чего-то я не понимаю.

– Молодой человек... Вы разрешите себя так называть? Я ведь много старше вас, мне простительно... Так вот, позавчерашнего дня, точнее ночи, на участке соседнего полка со стороны германцев прорвался какой-то сводный батальон. Подробности официально не объявлялись, но солдатский телеграф утверждает, что кайзеровских вояк несть числа побито и куча трофеев с собой притащена. Две или три артиллерийские батареи с полным запасом снарядов, несколько обозных колонн... В общем, сказки господина Пушкина... Да вы меня не слушаете, молодой человек?..

Скорее всего – нет, не слушаю, потому что знаю, кто это! С вероятностью девяносто девять и девять в периоде после запятой! Батальон Федоренко и моя рота!.. Ой, как это хорошо!.. Да, чего там хозяин бухтит?..

– Простите, Яков Семенович, я, кажется, знаю, кто это был...

Разговор прерывает появление санитаря – худого дядьки в застиранной форме с медицинской сумкой в руках. Снова стаскиваю китель. Он разматывает не успевшую схватиться коркой повязку, обрезает по шву и стаскивает рукав нательной рубахи, пропитанный кровью, и с помощью керосиновой лампы внимательно осматривает рану, скорее даже глубокую царапину. Затем берет фляжку у прапорщика, смачивает марлевый тампон и, пригрозив, что сейчас будет немного щипать, поливает рану водкой, а затем протирает ее тампоном. Сидим, терпим, пока «немного щипать» пройдет. Санитар тем временем профессионально и быстро обрабатывает рану йодом и накладывает повязку. Затем выслушивает мое «большое человеческое спасибо» и отправляется восвояси, повинувшись разрешающему кивку ротного, который, дождавшись исчезновения лишних ушей, продолжает прерванный разговор:

– Так вот, они о вас, скорее всего, тоже весьма наслышаны, милейший. И шибко, видать, переживали. Наутро всем батальонным и ротным командирам приказ начальника дивизии объявили, мол, в ближайшее время ожидаются еще люди оттуда. Быть готовым к этому, но никому ни гу-гу. Секрет-с! Ну да ладно, соловья баснями не кормят. Отводите своих солдатушек на постой и с господами офицерами пожалуйста ко мне на чаёк...

Спать не хотелось совершенно – ни мне, ни остальным. Наверное, сказывалось остаточное действие дедова коктейля. Поэтому, отведя в указанную рощицу своё войско и проследив, чтобы все устроились с ложками возле костра, на котором грелся огромный котел, испускавший очень аппетитные запахи, мы втроем с Бером и Стефановым отправились на чаепитие к приютившему нас Грановскому. Разошлись часа через два, чтобы маленько подряхнуть до подъема.

Как хорошо спать на охапке свежего душистого сена, среди своих, подсознательно не ожидая сигнала тревоги или внезапного выстрела!.. А если еще снится рыженькая...

Глава 12

Неприметно одетый господин средних лет в одиночестве сидел за столиком небольшого кабачка в портовом пригороде Гамбурга, неторопливо куря и изредка делая маленький глоток коньяка из стоявшей перед ним рюмки, абсолютно не обращая внимания на немногочисленных посетителей заведения. Последние, впрочем, тоже не страдали излишним любопытством и занимались каждый своим делом.

Через стол от него, прислонившись к стене, дремал бедно и неряшливо одетый тип с длинными волосами, висевшими сальными сосульками, и лицом горького пьяницы. Время от времени он открывал глаза, обводил помещение мутным взором, затем отхлебывал пива из стоявшей перед ним оловянной кружки и снова погружался в прежнее полудремотное состояние. У входа скучала пара молодых людей, по одежде похожих на мелких портовых служащих. Последним живым существом был кельнер, неторопливо протирающий большой салфеткой рюмки, фужеры и кружки, стоявшие на барной стойке.

Спустя какое-то время на улице послышались голоса, и в заведение ввалилась веселая компания, состоявшая, судя по одежде, из трех студентов, принадлежавших к достаточно обеспеченным семьям, тянущих за руки упирающуюся девицу. Впрочем, было заметно, что она давно привыкла пользоваться популярностью у мужчин и отнекивалась больше для того, чтобы набить себе цену, нежели искренне.

Молодежь обосновалась за соседним столиком и громко потребовала кельнера, чтобы сделать заказ. Неприметный господин усмехнулся уголком рта и хотел сделать очередной глоток коньяка, как девица, вспорхнув со своего места, оказалась рядом и громко поинтересовалась:

– Господину скучно? Господин случайно не меня ожидает?

Ответом послужил сначала внимательный взгляд, затем короткая категоричная фраза:

– Нет, фройляйн, не вас.

– В таком случае могу показать того, кого вы ждете. – Девица, наклонившись, понизила голос: – Пригласите нас за столик.

После этой фразы один из студентов быстро пересел со своего места, оказавшись напротив господина, а остальные стали негромко перекидываться короткими фразами вместе с подсевшей к ним подругой.

– Вы искали встречи со мной. – Молодой человек внимательно и

напряженно рассматривал сидевшего перед ним господина. – Зачем? Знаете ли вы, что подобное любопытство часто бывает опасным для здоровья?

– Вас в детстве не учили вежливости, юноша? – Майор фон Тельхейм усмехнулся. – Хотя бы первым представиться старшему по возрасту не нужно?

– А вы уверены, герр... что действительно хотите это знать? – Студент надменно посмотрел на собеседника, затем быстро выхватил из левого рукава узкий стилет. – Пан Вацлав Ковальский. Вам что-нибудь говорит это имя?

– Это тот человек, с которым я должен был здесь встретиться... Посмотрите внимательно вот сюда. – Майор, не глядя на тускло блестящий клинок, неторопливым движением отодвинул опустевшую рюмку и затушил сигарету в пепельнице, не обращая внимания на пьяницу, который в этот момент снова пришел в сознание, сделал очередной глоток, громко рыгнул, обдав пространство вокруг себя крепким пивным духом, и снова откинулся к стене. – А теперь, мой юный друг, гляньте на другую руку!

В голосе фон Тельхейма зазвучал металл. Заглянув под стол, «студент» увидел зажатый в руке миниатюрный браунинг, нацеленный прямо на него.

– Не делайте глупостей, юноша! Одно движение пальца, и ваши близкие будут молиться день и ночь, чтобы вы остались живы с пулей в животе... А если вы действительно Вацлав Ковальский, то, может быть, назовете мне девичью фамилию жены вашего двоюродного брата Яцека, который сейчас служит в Польском легионе полковника Пилсудского, и расскажете, что собой представлял тайник, в котором вы прятали его письма к невесте по его же просьбе?.. Молчите? Тогда убирайтесь прочь, мне с вами не о чем разговаривать!

Студент с побледневшим лицом, как вытщенная на берег рыба, несколько раз открыл и закрыл рот, не зная, что делать дальше. Молчали и его друзья за соседним столиком. Внезапно один из портовых служащих поднялся и подошел к спорщикам.

– Юзек, пересядь к остальным и смотрите за входом, – отдав распоряжение, он повернулся к майору. – Девичья фамилия жены моего брата – Конопчанка, а тайник находился в трещине фундамента каплицы, которая стояла у развилки дорог. Я удовлетворил ваше любопытство, герр?..

– Герр Шульц, с вашего позволения, пан Вацлав.

Поляк достал правую руку из кармана пиджака и присел на освободившееся место.

– Так все же, зачем вы искали меня?

– Дело в том, что я ищу людей для проведения одного... рискованного и опасного мероприятия, могущего принести огромную выгоду всем участникам. К вам мне порекомендовали обратиться персоны, хорошо вас знающие. Они заверили, что это дело не каждому по зубам, но назвали вас и вашу группу, как самых лучших исполнителей подобных акций. Я надеялся, что у нас состоится серьезный разговор, а вместо этого смотрю на устроенный здесь дешевый балаган.

– Простите, герр Шульц, некоторые меры предосторожности. Тем более что вы очень похожи на полицейского.

– Почти угадали, я действительно ношу мундир. – Фон Тельхейм усмехнулся, заметив появившееся напряжение во взгляде поляка. – Но здесь я выступаю в роли сугубо частного лица, выполняющего... скажем так, просьбу определенной группы людей. Достаточно могущественных и, замечу, очень богатых, чтобы к их мнению прислушивались.

– Хорошо, герр Шульц, давайте перейдем к делу. Можете говорить свободно, у меня нет секретов от своих товарищей по борьбе. – Пан Вацлав горделиво выпрямился и даже слегка расправил плечи. – А этого спящего сквалыгу мы сейчас...

– Это было бы несколько опрометчиво с вашей стороны. – Майор повернул голову в сторону столика, за которым клевал носом незадачливый пьянчужка. – Герман, можешь заканчивать спектакль и спокойно допивать свое пиво.

Только что спавший нетрезвый бродяга, мгновенно протрезвев, обвел присутствующих колючим пристальным взглядом, будто прицеливаясь в каждого, а потом неожиданно улыбнулся и отсалютовал кружкой. Что-то похожее на уважение на миг промелькнуло в глазах поляка, затем он усмехнулся.

– Ваш человек так правдиво изображал пьяницу, что я, признаться, поверил... Ну, что ж, чужих ушей здесь нет, можете говорить спокойно, герр Шульц... Или, вероятней всего, герр фон Шульц?

Фон Тельхейм, не торопясь, достал из внутреннего кармана портсигар из вороненой стали, невзначай повернул его так, чтобы собеседнику была видна серебряная монограмма Круппа на крышке, вытащил и закурил новую сигарету. Затем задумался на пару секунд, а потом задал неожиданный вопрос:

– Господа, зная вас, как пламенных патриотов Польши, хочу спросить... Вы не хотите исполнить свой долг перед вашей многострадальной Родиной, создать реальную предпосылку для обретения ею независимости и одновременно заработать крупную сумму? Скажу

сразу, речь идет о цифре с пятью нулями.

– В какой валюте? – охрипшим вдруг голосом спросил один из «студентов».

– В любой, какую вы укажете. Марки, фунты, франки, доллары... Я представляю... определенные финансовые круги, для которых выбор валюты, равно как и размер суммы, является незначительной деталью. – Майор откинулся на спинку стула и с наслаждением затянулся ароматным табаком.

– Начало очень интересное. Расскажите теперь, герр Шульц, что мы должны сделать. – Ковальский быстро оправился от неожиданности, в глазах появился хищный алчный блеск.

– А вот сейчас, мой дорогой пан Вацлав, я все же буду настаивать на разговоре тет-а-тет, как говорят лягушатники. – Вежливость фразы немного диссонировала с жестким тоном, которым майор ее произнес. – Это – не моя тайна, и даже не тех, кто меня послал. Не хотелось бы в случае утечки информации разбираться, кто и по какой причине ее допустил. Поэтому пусть ваши спутники пересядут за самый первый столик у входа, Герман последует их примеру. Вместе им будет удобнее присматривать за тем, чтобы нам никто не помешал.

Юзек хотел было что-то возмущенно ответить наглому незнакомцу, но одного взгляда Ковальского, брошенного на него, было достаточно, чтобы все слова остались произнесенными.

– Делайте то, о чем попросил герр Шульц! – Поляк проводил взглядом девицу, «студентов» и следовавшего за ними спутника фон Тельхейма, затем повернулся к майору. – Теперь можете говорить свободно, нас никто не услышит. Так в чем будет заключаться наша задача?

– Необходимо переправиться в Россию, там связаться с людьми, которых я назову. Они помогут вам разместиться и даже устроиться на работу. Вы ведь, если не ошибаюсь, по профессии инженер-путеец?.. По сигналу вы должны быть в указанном месте в указанный час. Задача – остановить нужный поезд и изъять из него... одну очень высокопоставленную персону, которую впоследствии передать нашим представителям.

Пан Вацлав удивленно смотрел на майора, безмятежно пускавшего дым к потолку.

– Герр Шульц, вы хотите, чтобы мы напали на поезд... русского царя?!..

– Нет, что вы, пан Вацлав... При всем моем уважении, такая задача, боюсь, будет вам не под силу. Императорский поезд хорошо охраняется...

В отличие от двух санитарных поездов, в которых простыми сестрами милосердия служат очень знатные дамы, находящиеся в родстве с... некоторыми высочайшими особами.

За столом повисла мертвая тишина, от неожиданного предложения Ковальский оправился не сразу.

– То есть вы предлагаете нам захватить одну из великих княжен?!

– Пан Вацлав! Будьте немного сдержанней!.. Нет нужды произносить то, что вы уже поняли... – фон Тельхейм бесцеремонно перебил собеседника, затем перешел на шепот: – Русский царь будет посрамлен. Если он не смог защитить даже своих детей, как он может управлять империей. В стране начнутся волнения, и это может здорово поспособствовать заключению сепаратного мира и выходу России из войны.

– А в чем же выгода ваших финансовых кругов? – Поляк уже понял идею и теперь старался разобраться в нюансах.

– Выгода заключается, во-первых, в том, что увеличатся военные заказы для победы над Антантой и появятся новые источники сырья из России. А во-вторых, можно будет сыграть на биржевой панике, которая непременно возникнет после этого события... Приведу вам пример столетней давности. На Парижской бирже, когда было несколько сообщений о высадке сосланного узурпатора Бонапарта, каждое из них сопровождалось паникой. Во время которых знающие люди, скорее всего и организовавшие распространение этих сообщений, буквально за день сколачивали баснословные состояния.

– Хорошо, ваш интерес я понял. – Ковальский решил задать самый важный вопрос: – Только вот как это поможет, по вашим словам, обрести независимость нашей многострадальной Польше?

Фон Тельхейм внимательно глянул на собеседника, еще раз затянулся сигаретой и продолжил:

– Об этом лучше спросить господина Пилсудского. Как, по-вашему, за что воюют ваши земляки в рядах австро-венгерской армии? Неужели полковник стал бы создавать воинские части и участвовать в войне, не имея определенных договоренностей с кайзером и австрийским императором?.. Ваши соотечественники из Польского легиона, да и все поляки, просто не поймут вас, если будет упущен такой шанс. Хорошенько обдумайте то, что вы услышали. А завтра, к примеру, в два часа дня здесь же дадите мне окончательный ответ...

Глава 13

Доктор Голубев с недоумением посмотрел на конверт и, не найдя подписи отправителя, вскрыл его и достал небольшой листок бумаги, на котором было написано торопливым почерком:

«Уважаемый Михаил Николаевич!

Не откажите в любезности еще раз побеседовать со мной и Петром Всеславовичем.

Павлов».

Михаилу Николаевичу хотелось не спеша, обстоятельно проанализировать события последних часов, а посему он немедленно отправился на квартиру к Бартонду, запасные ключи от которой ему вручил накануне предусмотрительный хозяин. Прибыв на место, доктор заварил в объемистом фарфоровом чайнике ароматный напиток, прихватил связку баранок и занял место за письменным столом. В списке неотложных дел, который он набросал на листе бумаги, на первом месте стояло – немедленно связаться с капитаном Бойко и Гуровым. Но долго заниматься планированием ему не дал Николай Петрович, который, не раздеваясь, вбежал в комнату, потрясая каким-то конвертом, и, едва отдышавшись, почти прокричал своему другу:

– Миша, может, ты объяснишь, что значит сия бумага?

На бланке университета было начертано предписание, в соответствии с которым приват-доцент Бартонд Николай Петрович откомандировывался в распоряжение верховного начальника санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерала от инфантерии его высочества принца Ольденбургского.

– Не торопись, Николай, сейчас разберемся, а пока попей чайку.

В этот момент в дверь позвонили, а через мгновение на пороге появилась фигура ротмистра Воронцова.

– Господа, прошу меня простить за столь бесцеремонное вторжение, но дверь была не заперта. Я к вам с новостями от академика Павлова.

– Подождите с новостями, уважаемый Петр Всеславович. Возможно, вы в курсе столь неожиданных изменений в моей судьбе? – с этими словами Бартонд передал ротмистру предписание.

– Успокойтесь, господа, как раз об этом я и хотел с вами переговорить. Кстати, Николай Петрович, вы не один, кто получил подобный приказ. Ваш покорный слуга, по согласованию с товарищем министра внутренних дел,

командующим отдельным корпусом жандармов, свиты его величества генерал-майором Джунковским, также откомандирован в распоряжение принца Ольденбургского. Да и вы, Михаил Николаевич, по моим данным, получите аналогичный документ. Но об этом, я думаю, вы услышите лично от его высочества. А сейчас, господа, у нас просто нет времени на разговоры. Я взял на себя приятную обязанность передать вам письменное приглашение его высочества прибыть на церемонию награждения «ЗА ПОЛЕЗНЫЕ ОБЩЕСТВУ ТРУДЫ», которая состоится в четыре часа пополудни во дворце генерал-губернатора. Я, как уже видите, в парадном мундире, а вам предстоит примерка подобающего сему случаю костюма.

Ротмистр крикнул по направлению к двери:

– Егор, занеси!

В комнату вошел молодой унтер, сжимающий в каждой руке вешалку с фраком. Ошеломленные врачи быстро переоделись. К их неимоверному удивлению, костюмы подошли идеально, что не могло не вызвать общий вопрос к ротмистру, который доктора произнесли практически хором:

– Петр Всеславович, но как?!..

Ротмистр был явно доволен тем, что сюрприз удался, пообещал все подробно объяснить попозже и произнес в заключение:

– Академик Павлов, попав в аналогичную ситуацию, рассмеялся и сказал мне: «В тайной канцелярии есть всё!» И я с ним полностью согласен. В путь, господа, автомобиль ждет.

Поездка заняла минут пятнадцать, и за это время Воронцов лаконично рассказал о предыстории сего события.

– Скажу вам по секрету, господа, что среди весьма обширного списка награжденных есть бесспорный фаворит. И решение посетить Москву и лично вручить ему орден Святой Анны третьей степени подвигло его высочество принца Ольденбургского несколько изменить график своих переездов. Но это того стоит. То, что сделал сей достойный негодичант, так или иначе повлияет на судьбы сотен людей. И нас с вами, господа, в их числе. Но дело было так: в начале апреля в Петроград приехал из Сибири один из купцов Сычевых. Из старообрядцев, в летах, хотя иного молодого за пояс заткнет. Состояние богатейшее, а единственный наследник – юноша двадцати годов, который, надо же так случиться, подхватил пневмонию. Отец всех светил медицинских созвал, в пояс кланялся, золотом осыпал – а сыну все хуже. А тут как раз академик Павлов к профессору Ижевскому приехал, привез новый электромагнитный генератор. Так, Сычев-старший, не поверите, в полночь в гостиницу к Ивану Петровичу прорвался. Я как раз соседний номер занимал и все сам слышал. Дверь буквально с петель

снес, на колени упал, плачет и просит сына спасти. Обещал половину капитала отписать.

– А что академик? – заинтересованно спросил Михаил Николаевич. – К нам на передовую лишь слухи доходили да статьи газетные. Иные шелкоперы имели наглость писать, что, мол, нобелевский лауреат заработать на горе чужом решил, златому тельцу поддался. А излечив больного, куш урвал и не побрезговал.

– То, что юношу с того света вытащили, – это святая правда. А насчет злата... Когда Сычев со стряпчим приехал, дабы слово купеческое исполнить и половину имущества на Ивана Петровича переписать, тот ни копейки не взял. Сказал только: «А вот если желает в годину военную Федор Поликарпович внести лепту свою в дело победы российского оружия, да и изобретениям новым помочь, чтоб солдатиков раненых и увечных врачевать способнее было, то от помощи институту не откажемся», – и пригласил его в Попечительский совет. Но, господа, пока все, мы прибыли...

Автомобиль затормозил возле хорошо известной всем жителям первопрестольной резиденции главноначальствующего над Москвой князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона. На входе стояли несколько городских, которые сверяли фамилии прибывающих со списком и лишь изредка просили предъявить приглашение. Во избежание возможных недоразумений там же присутствовал один из адъютантов князя. При виде ротмистра стражи порядка вытянулись во фрунт, так что докторам не пришлось даже представляться.

В белом бальном зале были установлены ряды мягких стульев. На них, невольно дистанцируясь от прочих гостей, разместились весьма живописная группа награждаемых, которую так и хотелось назвать «могучей кучкой». Игумен, пара-тройка представителей московского дворянства из старых фамилий, несколько промышленников, медики. На хорах чуть слышно опробовал свои инструменты небольшой оркестр, ибо по сценарию торжественного вечера помимо награждения был назначен благотворительный аукцион и концерт, все доходы от которых планировалось разделить между московскими госпиталями. Под колоннадой громадой волнолома возвышался длинный дубовый стол, прикрытый бархатной скатертью. Среди неменных стеклянных сифонов с сельтерской водой и хрустальных стаканов для президиума был приготовлен и аукционный молоток.

В первом ряду стульев, возле прохода выделялся могучей статью и бородой в стиле Александра III мужчина весьма уважаемых лет. На его

несколько старомодном сюртуке полностью отсутствовали золотые побрякушки, которыми, чего греха таить, любили украшать свой костюм некоторые представители преуспевающего купечества, и сразу бросалась в глаза медаль на Андреевской ленте.

– А вот и господин Сычев, – тихонько шепнул докторам ротмистр. Но дальнейший разговор прервали распахнувшиеся двери и зычный голос мажордома, объявившего присутствующим:

– Верховный начальник санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерал от инфантерии, его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский... Главноначальствующий над Москвой, генерал-лейтенант, его сиятельство князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон... Его высокопревосходительство товарищ главноуправляющего Собственной Его Императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, действительный тайный советник, академик Иван Петрович Павлов.

Оба вошедших генерала по случаю военного времени были одеты в походные мундиры. Однако перепутать их было просто невозможно. Принц превосходил князя не только летами и званиями, но и ратными делами. Об этом красноречиво говорили ордена Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 2-й степени с мечами, полученные им еще в прошлом веке за подвиги в русско-турецкой войне. Невзирая на преклонные лета (семидесятилетний юбилей был отпразднован год назад), Александр Петрович отличался отменной выправкой, а его знаменитые усы были лихо, по гвардейской моде, закручены вверх.

Иван Петрович Павлов был известен своим принципиальным неприятием роскоши и нелюбовью к золотым пуговицам и лацканам, белым штанам и треугольным шляпам, а посему даже на этой церемонии был не в вицмундире, а во фраке. Больше впечатления производили прямые гладкие волосы, высокий лоб мыслителя и седая борода, аккуратно расчёсанная на обе стороны. А вместо орденов, коих и у него было немало, поблескивал серебром и белой эмалью нагрудный знак Российского общества Красного креста под покровительством императрицы Марии Федоровны.

В ученых кругах некогда ходил анекдот о том, что, получив орден Станислава, академик отдал его своим маленьким сыновьям в качестве игрушки, что дало основание чиновникам от науки обвинять его во фраппировании общественного мнения.

Вслед за ними в зал проследовали несколько корреспондентов столичных и иностранных газет, фотографы, оператор с кинокамерой, а

также представители богемы, которые искренне считали свое присутствие на подобных мероприятиях целью всей своей жизни.

Официальную часть открыл принц Ольденбургский. Первые слова его приветственной речи были привычны для подобных мероприятий. Фраза о том, что: «Он счастлив, видеть столь достойных сыновей отечества, в славных делах которых возрождается подвижничество Кузьмы Минина...», была традиционной, а потому и предсказуемой. Корреспонденты газет лишь имитировали записи в своих блокнотах, как вдруг его высочество, мельком взглянув на Павлова, произнес:

– Господа, вручая вам награды от имени государя и Отечества, я горд тем, что на вашей груди воссияют ордена и медали Российской империи, и, как старый солдат, я полностью разделяю вот эти слова поэта: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...» Спасибо вам за деяния ваши, люди русские!

И после этих слов Александр Петрович, выйдя из-за стола, отвесил новоиспеченным кавалерам низкий поклон.

После секундной паузы зал взорвался аплодисментами. Карандаши репортеров забежали подобно ткацкому челноку, с некоторым опозданием захлопали пистоны магниевых вспышек, щедро обдав стоящих рядом белым пеплом. И лишь кинооператор, дисциплинированно начавший крутить ручку камеры с первыми же словами принца, успел запечатлеть абсолютно весь эпизод, ставший на протяжении нескольких следующих недель самой популярной кинохроникой, а отдельные кадры, зафиксировавшие поклон принца, весьма выгодно продал газетчикам.

Далее процесс награждения продолжился по отработанному ритуалу, тем более что присвоение чинов и награждение орденами в Российской империи основывались на четкой неархаической системе. И лишь объявление о том, что купец первой гильдии Сычев Федор Поликарпович награждается орденом Святой Анны третьей степени с присвоением чина шестого класса по ведомству учреждений императрицы Марии, вызвало недоуменное перешептывание одних и завистливые взгляды других присутствующих.

После окончания церемонии был объявлен короткий перерыв, после которого должны были начаться благотворительный аукцион и концерт. Воспользовавшись паузой, принц Ольденбургский, перенаправив всю энергию газетчиков на хозяина дома, подошел к Павлову:

– А вы были правы, Иван Петрович, рекомендуя именно такой сценарий речи. Четко, кратко и по существу. Я бы даже сказал – по-суворовски. Только вот что, милейший профессор, я вынужден поставить

перед вами ультиматум. Или вы называете имя этого таинственного пиита, или же признаете своё авторство. Признайтесь, Иван Петрович, что служите двум музам одновременно. Этаким слуга двух господ. Как это вы изволили сами называть: физик и лирик? Хе-хе-хе...

Павлов присоединился к смеху и, лукаво улыбаясь, ответил:

– Александр Петрович, позвольте сохранить анонимность автора. Как честный человек, скажу только одно: у меня просто очень хорошая память.

– Иван Петрович, у нас немного времени. – Отсмеявшись, принц перешел на серьезный тон: – Давайте поступим так: еще раз вместе поблагодарим Федора Поликарповича за его более чем щедрый вклад в дело развития нашего Института экспериментальной медицины, а точнее – создания его особого, московского, филиала. А после, не считите за труд, представьте мне рекомендованных вами врачей и начальника службы безопасности.

Принц и академик, раскланиваясь на ходу со знакомыми лицами и лавируя в толпе, подобно двум кораблям, проходящим через замерзший фарватер, направились к Сычеву. На то, чтобы преодолеть каких-то полтора десятка метров, пришлось затратить не меньше пяти минут. Его высочество, издавна слывший галантным кавалером, как истинный русский офицер, не мог себе позволить пройти мимо прекрасных дам или юных дев, не звякнув шпорами, не сказав пару-тройку тонких комплиментов и не приложившись с поцелуем к очаровательным ручкам.

Но необходимо отметить, что и его высокопревосходительство действительный тайный советник и нобелевский лауреат оказался далеко не схожим с сухарем или книжным червем и в галантности не уступал старому гвардейцу, что не осталось незамеченным. Вырвавшись на «оперативный простор», Ольденбургский весьма одобрительно, но с оттенком удивления отметил:

– Иван Петрович, мы с вами знакомы, дай бог памяти, почти четверть века. Но должен заявить, что в последние месяцы вас просто-таки не узнать – молодеете на глазах. Я знаю – не курите, да и спиртного не принимаете, к физическому труду привычны, в городки, говорят, чемпиона среди студентов разгромили, но тут поневоле тянет «Фауста» перечитать.

– Никакой мистики, Александр Петрович, а один лишь материализм и научный подход. Хотя и душевный настрой много значит:

Ничего, что виски побелели,
Но глаза тем же светом горят.
Никогда, никогда не стареет

Тот, кто смолоду сердцем богат!

А ведь эти слова, прямо-таки о вас и написаны, Александр Петрович. За вами, когда вы на фронт выезжаете или в тылу с чинушами нашими сражаетесь, иным поручикам не угнаться. И неизвестно, где труднее приходится: под германскими снарядами, для коих красный крест ничего не значит, или с ура-патриотами местными. А от них подлости любой ожидать можно. Дай им только волю, так за мощну свою и веру, царя и Отечество оптом продадут иль заложат. Вот Суворова вы сегодня упомянули, а Александр Васильевич говаривал: «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, пять раз при дворе. Все последние раны – смертельные». Но разговор сей, Александр Петрович, позвольте считать отложенным до времени. Да и место стоит удачнее выбрать. Или в вашем вагоне, казачков перед этим кордоном выставив, или у меня под Москвою.

На этом собеседники прекратили свой диалог и достигли, наконец, цели своего «вояжа». Федор Поликарпович, между тем, находился в плотном окружении «акул пера» и своих же московских коллег по цеху. И если первых интересовала любая, но – желательно – пикантная информация о причинах столь неожиданного высочайшего внимания, то вторые пытались, воспользовавшись новым знакомством, сделать хороший гешефт.

Ставший совершенно неожиданно для себя «вашим высокоблагородием», Сычев, тем не менее, не потерял природной смекалки. Благодаря преимуществу в росте, он первым увидел подошедших Ольденбургского и Павлова и совершенно неожиданно для окружающих поклонился со словами: «Ваше высочество...» Принц, которого позабавила растерянность на лицах, тем не менее, пресек любые попытки интервью. Ответив вежливым кивком, он произнес:

– Господа, я сожалею, что мне придется лишить господина Сычева удовольствия общения со столь приятным обществом, но война диктует свои законы. Федор Поликарпович, я еще раз благодарю вас за щедрую и бескорыстную помощь российской науке. Прошу вас не оставлять вниманием заседания нашего Попечительского совета.

– Непременно, ваше высочество, – отвечивал купец, – но зная, что ваш поезд опять отправляется за ранеными на передовую, я взял на себя смелость приготовить небольшую посылочку для солдатиков наших. Дары лесов сибирских: орешки кедровые, масло, живица. Любую рану излечить поможет. Позвольте передать?

– Ну, что ж, Федор Поликарпович, захвачу с удовольствием. Вот

только попросим нашего гостеприимного хозяина посылного выделить и вашу передачу в мой автомобиль загрузить.

– Не взыщите, ваше высочество, но дело сие и самому Ивану Поддубному не под силу будет. Да и авто у вас, чай не грузовое? В посылочке той орешков пудов сто, маслица столько же, да и живицы толику малую – тысячу фунтов. А к ней примите, ваше высочество, сей фолиант. В нем рецепты собраны да советы лекарей наших, русских, исконных!

– Федор Поликарпович, а вы не перестаете нас удивлять и радовать. С благодарностью принимаю дары ваши, а – с добром врученные – они вдвойне силу целительную получают. А книгу вашу прикажу сегодня же скопировать и передам список с неё лично в руки академика Павлова. А что, Иван Петрович, найдется чему поучиться медикам нашим, особенно с дипломами заморскими, у Руси-матушки?

– Не сомневаюсь в том, ваше высочество. Народ наш талантами веками славится. Травники русские еще князей первых киевских от недугов спасали. Не стоит затрудняться по поводу списка, ваше высочество, – почтительно, но с улыбкой добавил Сычев и, желая, видимо, сразить аудиторию наповал, протянул Павлову еще один экземпляр книги.

Отдав необходимые распоряжения по срочной доставке «даров» на вокзал, принц вместе с Павловым, нигде более не задерживаясь, направились к выходу из зала. Внимательно наблюдающий за всеми перемещениями Ольденбургского ротмистр, явно действуя по некой инструкции, шепнул Бартонду и Михаилу Николаевичу:

– Господа, нам пора, прошу следовать за мной, его высочество не любит долго ждать.

Уже на улице к ним подошел адъютант Ольденбургского, вежливо поприветствовал докторов, а Петру Всеславовичу передал на словах следующее:

– Его высочество назначил аудиенцию в личном поезде. Охрана предупреждена, вас пропустят безотлагательно. – И добавил от себя: – Господа, рекомендую поторопиться.

Ротмистр с докторами немедля загрузились в автомобиль, и гонка началась. Конечная цель путешествия находилась на железнодорожной ветке у распределительного госпиталя, который разместился на территории Казенного винного склада № 1. Сей «храм» поклонников Бахуса был закрыт еще 31 октября 1914 года в связи с введением в стране сухого закона вплоть до окончания военных действий. Однако, как отметил еще великий Салтыков-Щедрин: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». А посему складу № 1 «позволялось

производить спирт для нужд армии и учреждений народного здоровья, отпускать вино иностранным гражданам и дипломатическому корпусу, выполнять заказы на поставку спирта союзнической Франции». Внесли свою лепту и фармацевты. Часть производственных мощностей была переориентирована на выпуск лекарственных средств на спиртовой основе. Дабы скоротать дорогу, ротмистр рассказал парочку смешных историй о том, какие причины находили начальники санитарных поездов, дабы постоянно прибывать или отправляться именно с этой железнодорожной ветки.

Благодаря предусмотрительным строителям склада, подъездные пути позволили автомобилю остановиться недалеко от состава. Шла обычная кутерьма, говорившая о скором отправлении состава. Осмотрщики с обеих сторон проверяли вагоны, простукивая молотками буксы и колесные пары, возле неспешно пыхтящего локомотива старательно изображала лихорадочную деятельность паровозная бригада под бдительным присмотром коменданта поезда.

По перрону, опустив голову, задумчиво прогуливался Павлов. Чувствовалось, что какая-то мысль полностью им овладела, и только лишь когда он вторично прошел мимо ротмистра, выполнявшего для докторов роль проводника, тот был вынужден кашлянуть, дабы вернуть академика в реальный мир.

Павлов прореагировал несколько неожиданно:

– Рад видеть вас, уважаемые коллеги. Петр Всеславович, у нас есть еще пара минут до представления принцу, и я хотел бы оговорить с вами одну сумасшедшую идею по прикрытию истинных направлений исследований нашего института.

– И что вы предлагаете на этот раз? – заинтересованно спросил ротмистр. За несколько месяцев работы с Иваном Петровичем он уже несколько раз имел возможность убедиться в оригинальности и, самое главное, в полезности предложений ученого. Тем более именно в тех, которые академик высказывал после таких глубоких раздумий, когда со стороны казалось, что он ведет неслышимый, но от этого не менее оживленный, мысленный диалог с собой. Петр Всеславович, как и многие его современники, с глубочайшим уважением относился к академическим знаниям, широте кругозора, умению говорить с людьми и получать при этом нужную информацию. В конце концов, медаль нобелевского лауреата – высочайшая оценка заслуг любого ученого.

Хотя, черт возьми, он до сих пор не мог понять, откуда ему известно много такого, чему не учат ни в Кембридже, ни в Оксфорде, да, пожалуй, и

в Александровской военно-юридической академии. Много такого, чего не знает и он сам, ротмистр отдельного корпуса жандармов, давно употребивший на сей ниве необходимый пуд соли. Иной раз появляется крамольная мысль о переселении душ или реинкарнации господина Эдмона Дантеса, если таковой существовал в действительности. Все эти соображения мгновенно пронесли в голове опытного жандарма, не оставив никаких следов душевных терзаний на лице, на котором можно было увидеть только выражение, причем искреннее, внимания к собеседнику.

– Я хочу с вами обсудить концепцию легенды, которой мы прикроем истинную программу и задачи работы московского, а точнее подмосковного филиала Императорского института экспериментальной медицины. Я понимаю, уважаемые Михаил Николаевич и Николай Петрович, что пока вы не посвящены во все подробности, но обещаю, что мы с Петром Всеславовичем устроим все недоразумения и дадим, насколько это будет возможно, ответы на все вопросы. А идею, пусть и невольно, мне подал наш щедрый меценат и попечитель господин Сычов, а точнее его «небольшая», но весьма увесистая посылочка с кедровыми орехами, маслом и прочим. Для медицины и фармакологии это бесценное сырье, тем более, если оно пройдет необходимую обработку электромагнитными генераторами профессора Ижевского. Но вот, растет кедр далековато от нашего нового «альма матер». Зато сосновых лесов там в изобилии. Позвольте, процитировать несколько строчек из книги, подаренной Федором Поликарповичем его высочеству и вашему покорному слуге: «Замечены в природе случаи, когда кедр расселялся «самопрививками» на сосне. Сосны, которые имеют кедровые вершины или сучки, встречаются довольно часто. Оказалось, что если ветер заносит кедровый орешек на место обломленных ветвей сосны, то орешек может прорасти – и ткани молодого кедра и сосны, сросшись, образуют одно целое. По данным, коими располагает Академия наук, кедровые ореховые сосны прекрасно растут и плодоносят, при этом деревья с корнями сосны и кроной кедра отличаются быстрым ростом, большой устойчивостью к неблагоприятным условиям, ранним вступлением в пору плодоношения».

Так вот, в газетах, в том числе и бульварных, появляются пространные публикации о том, что академик Павлов задумал на соснах кедровые орехи, груши с яблоками, а то и ананасы вырастить. И на деньги купца сибирского плантацию под Москвой отгрохал. А что? Деньги чай не казенные, ревизоры не пожалуют. И лучами своими колдовскими сосны да ели обрабатывает, яко марсианин из романа Уэллса. Дабы электричества

хватило, так цельная станция рядом стоит на болотах торфяных. А так как одного сумасшедшего академика для этого маловато будет, так еще чудака-плодовода из града Козлова выписали. Есть там у меня один тезка – Мичурин Иван, правда, Владимирович. Человек скандальный, неуживчивый, но – таланта необыкновенного. Чувствую, чтобы его заполучить, личное приглашение его высочества потребуется, а может, и ваши коллеги поспособствуют.

Во время этого монолога, Павлов несколько раз смотрел на часы. Причем он, что было еще одной причиной сплетен, не так давно решительно отказался от традиционного карманного варианта, и его правое запястье украшали Cartier, модель 1904 года, получившие известность благодаря полетам Сантос-Дюмона. В последний раз, взглянув на циферблат, академик скомандовал:

– Ну-с, господа, пора, прошу вас, заходите в вагон.

* * *

Принц в ожидании посетителей продолжал работать. Его письменный стол был завален бумагами, за спиной размещалась карта фронтовой зоны с нанесенными маршрутами движения санитарных поездов, а справа, на стенке – три небольших портрета российских императоров, коим присягал принц Ольденбургский: Николая II и его августейших папá и деда.

Купе, равное по площади двум стандартным, позволяло вместить и большее число людей. Михаил Николаевич и Николай Петрович, после представления принцу воспользовавшись приглашением гостеприимного хозяина, заняли места на диванчике напротив стола, а Павлов и Петр Всеславович воспользовались креслами. Александр Петрович Ольденбургский, выдержав короткую паузу и дав возможность освоиться с новой обстановкой, обратился к присутствующим:

– Господа, я пригласил вас для того, чтобы, простите за невольный каламбур, познакомиться поближе и ознакомить с новым назначением. Предвижу вопрос от господ докторов о причинах столь резкого изменения их служебной карьеры, но отвечу только одно: война диктует свои правила. Кроме того, прочитав в газетах описание блистательной речи, с которой вы, Михаил Николаевич, выступили на Пироговском съезде, я понял, что не услышу отказа. Уверен, что и Николай Петрович придерживается таких же взглядов на долг врача и патриота, не так ли?.. Через четверть часа я убываю на передовую. Вот здесь, – с этими словами, Александр Петрович,

достал из небольшого сейфа опечатанную кожаную папку и передал её Павлову, – находятся основные учредительные документы по институту, а также банковские реквизиты, позволяющие вам, Иван Петрович, как директору, снимать необходимые суммы со счета. Помимо этого договор, подписанный правлением «Общества электрического освещения 1886 года» и общества «Электропередача» об особом статусе научно-исследовательского института и бесперебойном снабжении его электроэнергией. Зная неповоротливость нашего чиновничества и прочего крапивного семени и стремление подвести все под соответствующий параграф, а также памятуя о нашем с вами, Иван Петрович, разговоре, прошу принять вот эту, с позволения сказать, индульгенцию. Воспользуетесь при необходимости, а по памяти процитирую только одну фразу: «Любые действия по линии военно-санитарной службы, предпринятые академиком и действительным тайным советником Павловым, свершены с моего ведома и одобрены. Верховный начальник санитарной и эвакуационной части, генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты Его Императорского величества принц Ольденбургский».

В это время раздался свисток паровоза, означающий готовность к отправлению, а в дверь купе постучал комендант поезда с аналогичной информацией.

– Пора, господа, будем прощаться. А вас, Петр Всеславович, мне рекомендовали как прекрасного офицера, имеющего за плечами боевой опыт. Я обращаюсь с личной просьбой – сделайте все возможное, чтобы институт поскорей начал работать и ему не мешали это делать. С Богом, господа, до встречи...

Александр Петрович крепко пожал руки всем присутствующим, включая ротмистра, что было несколько нетипично для аристократа столь высокого ранга. Едва выйдя на перрон и убедившись в отсутствии случайных свидетелей, Павлов решительно взял бразды правления в свои руки, причем его монолог больше напоминал боевой приказ.

– Уважаемые коллеги, на сборы остается только завтрашний день. Причем вы, Михаил Николаевич, находитесь в еще более трудном положении, чем Николай Петрович, ибо из всего движимого имущества имеете лишь саквояж. А посему, господа, будьте любезны, получите, как говорят в армии, военно-подъемные деньги, и прошу обойтись без лишней экономии. Помните пословицу наших злейших друзей-англичан: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи».

– Теперь вы, Петр Всеславович. За вами силовое обеспечение нашей поездки. По приказу принца Ольденбургского в наше распоряжение

выделено два санитарных автомобиля «Рено». Учитывая наличие на них кузова-фургона, мы сможем разместить людей с максимально возможным комфортом и избежать нежелательного внимания. Сколько людей едет с вами и чем они вооружены?

– Для начала десять человек, а вооружены, увы, с миру по нитке – револьверы разных типов и шашки.

– Этого явно недостаточно. Полностью вооружением и оснащением охраны нашего института займемся, прибыв на место, но кое-что можем и прямо-таки обязаны сделать завтра же. Каждый из нижних чинов должен иметь револьвер единого типа, а для серьезного боестолкновения – пистолет Маузер К96. Учитывая то, что электростанция и корпус нашего института находятся в окружении леса, на болотах, то не помешают и охотничьи ружья. На Сицилии, говорят, местные пастухи картечью не только от волков отбиваются, но и от тварей поопаснее, которые на двух ногах бегают.

Ротмистр, несколько растерявшийся от подобного напора и желавший высказать своё мнение, попытался возразить:

– Иван Петрович, все это звучит замечательно, но из каких арсеналов мы сможем получить все это великолепие, да еще и за один день?

– А «арсеналы» сии находятся в первопрестольной на улицах Лубянка и Петровка. Вот, Петр Всеславович, сами убедитесь. – Павлов достал из портфеля каталоги московских оружейных магазина А.А. Биткова и Товарищества на паях «Охотничий вестник».

– Выбирайте сами, но я бы посоветовал у Биткова приобрести пяток дробовых шестизарядок Винчестера или самозарядных дробометов Браунинга, а в «Охотничьем вестнике» – бельгийские девятизарядные револьверы. «Почтовую модель» и маузеры. Помимо этого обязательно возьмите запасные обоймы, запас патронов, электрические фонарики... Хотя что-то я сегодня раскомандовался, пытаюсь учить боевого офицера. Берите то, что сочтете необходимым на десять человек. Критерий один – все, что нужно на войне. Единственная рекомендация: может, светящиеся прицелы для ночной стрельбы пригодятся?

Глава 14

На «перевалочной базе» в местечке Дворец, где временно расположился переезжающий штаб армии, нас встречали чуть-чуть, пожалуй, поскромнее, чем римских полководцев, но обнимашки и рукопожимашки присутствовали в достаточном количестве, и длилось бы всё, наверное, бесконечно, но пришлось отложить бурное проявление эмоций на потом, мотивируя необходимостью предстать пред ясны очи начальства. А посему быстренько привожу себя в порядок, окатываюсь приготовленным ведром колодезной воды, сбрываю все лишнее, за исключением, конечно, усов, переодеваюсь в парадный комплект обмундирования, называемый по примеру Тома Сойера «Тот, другой», и убываю по направлению к штабу.

Пока Валерий Антонович был у командарма, перездоровался со всеми штабными знакомцами, выслушал последние сплетни и слухи, в общем, был введен в курс всех дел и посвящен во все тайны, самая интересная из которых, по их мнению, заключалась в выборе нового места для штаба. Вариантов было два: или в местечко с многозначительным названием Глубокое, или в Минск, «под крылышко» к штабу фронта. Естественно, все хотели, чтобы именно последний стал реальностью, – все же губернский город, типа цивилизация, женщины, магазины, кафе, рестораны, в общем, все маленькие радости жизни. Хотя лично мне – чем дальше от начальства, тем лучше.

Только собрался озвучить свою точку зрения, как появился капитан Бойко и утащил в свой кабинет для выслушивания доклада и приведения подчиненного «в чувство» после столь длительной прогулки вдали от надзирающего ока...

– Ну, что ж, Денис Анатольевич, очень рад вас видеть в добром здравии! Вернулись из рискованного предприятия целым и здоровым, царапина на руке – не в счет. Про ваши подвиги уже наслышан от Оладьина, за исключением, конечно, последних дней, когда вы остались в Ново-Георгиевске. Вот про это вкратце и расскажите, будьте любезны. И начните с того, не повлияло ли ваше присутствие в крепости на... некую неприятность, случившуюся с двумя германскими генералами. – Господин капитан заговорщицки подмигивает и улыбается. – А то меня аж полковник Батюшин, сам начальник разведотделения фронта, вызывал: мол, в германских газетах некрологи напечатаны, имеете ли какие-нибудь

подробности сообщить, все-таки на вашем участке... Так, может, поведаете что-либо?

В ответ молча с наигранным недоверием и скептицизмом оглядываю стены и потолок кабинета, наличествующую мебель. Ничего подозрительного не нахожу. Вентиляционных окошек нет, окна, несмотря на все еще летнюю жару, закрыты и даже задернуты занавесками. Затем вопросительно смотрю на Бойко. Тот понимает все с полувзгляда:

– Не беспокойтесь, господин подпоручик, перед заселением все проверялось. Но мы примем еще кое-какие меры безопасности. Против, так сказать, слишком любопытствующих.

Валерий Антонович достает из стоящего в углу шкафа миниатюрный граммофон и заводит пластинку с военными маршами. Затем мы усаживаемся поближе друг к другу, и начинается серьезный разговор...

– Денис Анатольевич, подробный рапорт напишите завтра здесь же, а сейчас расскажите самую суть.

– После того, как отправил отряд с батальоном Федоренко, остался для подрыва артиллерийских складов. В этом помогали офицеры гарнизона, пожелавшие уйти с нами, – подпоручик Стефанов, прапорщики Бер и Синельников. Последний позже, в пути, получил ранение в ногу и был оставлен на попечении у местного жителя. С ним же осталась сестра милосердия, бежавшая с нами из крепости...

– Не отвлекайтесь по пустякам, продолжайте, подпоручик!

– Виноват, господин капитан!.. – Делаю вид, что вскакиваю, и стараюсь принять строевую стойку.

– Да не ерничайте, Денис Анатольевич, сядьте! Мне нужно знать всю правду и все подробности случившегося в крепости. Слишком много нездорового любопытства идет оттуда после этого случая. – Валерий Антонович с ироничной усмешкой показывает пальцем в потолок, подразумевая нахождение там гипотетического начальства. – Очень многие высокопоставленные персоны сильно желают быть в курсе произошедшего. И, вполне вероятно, имеют среди работников штаба свои «уши». Надеюсь, нашим болтунам в курилке вы ничего такого не поведали?

– Ничего, кроме совершенно секретных сведений о том, что все это время обеспечивал дополнительную охрану штаба фронта при его передислокации на новое место. Все, как договаривались заранее. Что же касается главного вопроса, то германцы устроили парад в присутствии кайзера, а потом Вильгельм Второй с приближенными решил пройтись по крепости. Мы к тому времени нашли отличное место для засады. Работали

снайперы-сибиряки, Игнатов и Ступкин. Стреляли по Гинденбургу, Людендорфу и еще какому-то генералу. Кайзера я им трогать запретил, все-таки августейшая особа, да и последствия могли бы быть непредсказуемыми. Результаты попаданий еще не знаю. Сразу после выстрелов взорвались заминированные склады. Мы в это время уже полным ходом убегали из крепости.

– Гинденбург и Людендорф мертвы, третьим был генерал Безелер, он в тяжелом состоянии в госпитале... Вы, сами того не осознавая, сделали великое дело, Денис Анатольевич. Помимо того, что это был самый способный дуэт в германском генералитете, эти двое ратовали за полный разгром России, в отличие, скажем, от начальника германского генштаба генерала Фалькенгайна... Учтите, я сейчас довожу до вас секретные разведданные!.. Никому!.. И предупредите всех своих орлов, чтоб держали язык за зубами! Ничего не видели, ничего не слышали, да и к моменту взрывов были уже далеко от крепости! А то в Петрограде, по словам Николая Степановича... Батюшина, – видя мое недоумение, поясняет Бойко, – уже нашлись умники, заявляющие, что, коль в германского императора стреляли, то и в нашего самодержца также могут. А там и до новой пугачевщины рукой подать. И, между прочим, ходят эти умники с аксельбантами генералов свиты Его Императорского величества. Учтите на будущее!

– Своих-то я предупрежу, а вот что делать с господами офицерами? Я-то попросил их, конечно, держать язык за зубами, только вот послушают ли?

– Я с ними поговорю, да и расписки о сохранении тайны возьму... Не хотите кого-либо оставить при роте? Как они вам показались, толковые?

– Трудно сказать, Валерий Антонович... Грамотные офицеры, в плен сдаваться не захотели, пошли даже на нарушение приказа... А поглубже копнуть – это ведь время нужно.

– Немного времени у нас будет. Квартировать будете с батальоном Федоренко и другими вышедшими из тыла германцев, до тех пор, пока Анатолий со своими драгунами не подготовит новое место под Минском. Следующий вопрос к вам, Денис Анатольевич. Двое ваших казаков сдали мне большую сумму в германских марках. Сказали, что вытрясли их из какого-то германского чиновника.

– Так точно, взяли в обозе цальмайстера с кассой. Монетную мелочь использовали в качестве начинки для фугаса, чтобы погоню притормозить, остальное решил вынести сюда.

– Вот и возникает у меня вопрос... А как бы вы сами распорядились

деньгами? – Уловив непонимание, Бойко поясняет: – Помните наши разговоры относительно Священной дружины?.. В этом деле деньги могут сыграть очень важную роль. Я предлагаю употребить их именно на это. Что скажете?

Киваю в ответ, типа не возражаю. А сам думаю о том пакете, что подарил Матвей. Про него я никому не буду рассказывать. И вопрос не в недоверии к Валерию Антоновичу. Просто в таком деле, действительно, финансы должны быть децентрализованными, чуть-чуть здесь, чуть-чуть там. Короче, не надо складывать все яйца в одну корзину...

– ...Задумались? Я понимаю, что вы все устали, дело сделано большое. «Языки» с передовой в один голос утверждают о почти катастрофическом ухудшении снабжения армии в последние недели. И я считаю, что это целиком заслуга вашей роты... Сутки вам на отдых, завтра к обеду быть у меня для канцелярщины. Что вы удивляетесь? Подробный рапорт о действиях и отдельный – о представлении к наградам... Да, и самому, скорее всего, как только переберетесь на постоянное место дислокации, вместе с несколькими подчиненными придется отправиться в штаб фронта. – Валерий Антонович укоризненно смотрит на меня, затем ехидно замечает: – В тот раз мне за вас пришлось отдуваться и писать рапорта о наградах, теперь же – сами-с, господин ротный командир.

Что-то я не понял, какой тот раз и какие такие награды? Или это начальство так утонченно издевается над подчиненными? Теперь понимаю всю грусть полковника Давыдова в кинофильме «Эскадрон гусар летучих», когда в конце сюжета ему приказывают следовать на соединение с регулярной армией...

– Денис Анатольевич! Да-с, видно, действительно слишком устали. – Капитан протягивает мне небольшую брошюру в коленкоровом переплете. – Завтра рапорта будете под мою диктовку писать. А книгу сию изучите на досуге. И, чтоб было понятно, в штаб фронта едете за Георгием для себя и медалями «За храбрость» для остальных.

После этих слов Валерий Антонович искренне наслаждается моим ничего не понимающим видом и временным онемением, после чего продолжает оттягиваться на бедном, несчастном подпоручике, тупо смотрящем на обложку, на которой тисненными буквами значится:

СТАТУТЪ

Императорскаго Военнаго Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, принадлежащаго къ сему Ордену Георгіевскаго Креста, и причисляемыхъ къ тому же Ордену Георгіевскаго оружія и Георгіевской медали.

– Есть вещи, которые должен знать, если не наизусть, то очень близко к тексту каждый офицер. Одна из них – статуты российских орденов и, в частности, Георгиевского как наиболее ценной награды.

– И что же такого я натворил, что меня награждают?.. – наконец-то выдавливаю из себя что-то вразумительное и членораздельное. – За какие подвиги?

– Посмотрите пункты за номерами 11, 12, 17, 18. Там и взятые вашей группой пулеметы, и уничтожение германского авиаотряда, и оберст-лётант из штаба корпуса со своим портфелем. В общем, Денис Анатольевич, сутки – на отдых, и завтра утром встречаемся в этом кабинете.

– Валерий Антонович, еще один вопрос. При переходе линии фронта вперед нас на нейтралку сунулись немцы. Одного взяли «языком», остальных придушили. При них были мешки с какими-то странными железяками, один прихватили в качестве трофея. Мои подрывники покопаются в начинке, но, если будет что-то интересное, нужно будет передать эти консервные банки с проводами для изучения дальше.

– Хорошо, пусть посмотрят, если будет что-то важное, отправим в Техкомитет Главного военно-технического управления...

Если начальство приказало отдыхать, значит, нужно отдыхать, ибо подобные приказания являются чрезвычайной редкостью. Особенно, когда не указан способ релаксации. Тут уж каждый волен резвиться в меру своей фантазии, не вступая, впрочем, в противоречие с Уставом и Уголовным уложением от 1903 года.

Поэтому, когда появляюсь в казарме, первым делом даю команду найти из-под земли студентов и Котяру. Искомые лица появляются если не моментально, то очень быстро и с радостными улыбками ожидают дальнейших распоряжений. Которые следуют незамедлительно:

– Здорово, братцы! Не соскучились еще по приключениям? Так я вам одно такое притащил. Федор, идешь к сибирякам, скажешь от моего имени, чтобы отдали тебе мешок с железяками, который у гансов на нейтральной полосе отобрали... Куда рванул, быстроногий?! Дослушай до конца... Распустились тут без командира, понимаешь!.. В оном мешке сам не знаю что, но очень хочу, чтобы вы мне это завтра поведали. А посему от всего освобождаю, найдите себе укромное и, самое главное, безопасное место и разберите одну из железок до последнего винтика. Но учтите, вы нужны живыми и обязательно здоровыми. Поэтому очень аккуратно, господа студиозусы. Сначала думаем, потом думаем и лишь потом думаем и совершаем какие-либо телодвижения.

– Нам-то понятно, Денис Анатольевич, только вот зачем нам Федор? – на ровном месте полушутливо возбуждает Максим Горовский, студент-химик.

– А затем, милостивый государь, что ежели какая дурь вам в голову придет, то Котяра это своевременно заметит и с помощью дружеского подзатыльника ее от греха подальше и выбьет. Возможно, что и вместе с зубами. – Что-то я не понял, что за разговорчики в строю, хотя, ладно, сегодня спишем это на радость от лицезрения любимого начальства. – Если серьезно, Максим, ты, наверное, забыл, что он – кузнец и слесарь, а значит, его руки и голова лишними не будут. Все, задача ясна? Исполнять!..

Четверка развернулась, причем хитрый Горовский умудрился сразу создать препятствие из студентов-горняков между собой и Федором, чтобы последний не смог дотянуться до него своими ручищами, и, как он полагал украдкой, показал Котяре язык. Блин, цирк уехал, а клоуны остались!.. Эти двое пикироваться начали уже давно. Сначала студент во всеуслышание оттоптался на Федоре во время занятий грамматикой, мол, «линии в тетрадке надо писать ровнее, ровнее», а спустя какое-то время попал по недосмотру на рукопашке в пару с Котярой, который не преминул воспользоваться случаем и маленько поучил оппонента падать точно так же, то бишь «ровнее, ровнее». Ну, ладно, мы теперь пойдем да пообщаемся с господами офицерами, послушаем, как народ выбирался к своим.

* * *

Штабс-капитан Федоренко и здесь оказался верен себе, используя одну из комнат казармы под «офицерское собрание». Обшарпанные стены и мебель, собранная с миру по нитке, никого из присутствующих не смущали. А присутствовали почти все, кого я хотел бы увидеть. Сам Игорь Александрович в компании двух прапоров, помогавших выводить батальон, Стефанов и Бер, отчаянно отбивавшиеся от вопросов вышеупомянутых, Сергей Дмитриевич и Михалыч, внимательно следившие за словесной баталией. Присутствие последнего меня очень обрадовало. Сам хотел ходатайствовать о допуске казачьего вахмистра в офицерское общество, но тут уже без меня все решили. Вот и чудненько. Так, а вот подпоручика Берга что-то не видно...

Увидев новую жертву для расспросов, любители сенсаций плотоядно заулыбались, а мои недавние «попутчики» облегченно вздохнули.

– Ну, теперь-то, Денис Анатольевич, мы наконец можем узнать

новости, так сказать, из первых уст? – Федоренко чуть ли не с распростертыми объятиями ринулся навстречу. – Мы уже битых два часа упрашиваем этих господ поведать подробности вашего пребывания в Ново-Георгиевске, а они молчат, ссылаясь на некую договоренность с вами. Мол, появится подпоручик Гуров, его и терзайте вопросами! Да мы из газет узнали больше, чем от них!

– Простите, Игорь Александрович, но вряд ли я что-то смогу добавить к уже известным фактам, – проговаривая отмазку, поворачиваюсь так, чтобы кроме штабс-капитана моей хитрой мордочки никто не видел, и многозначительно ему подмигиваю. – Николай Павлович и Димитр Любомирович под нашей охраной и присмотром заминировали парутройку складов с боеприпасами, затем, когда первые германцы вошли в крепость, их подорвали. После чего вместе с нами очень быстро покинули крепость. Кто ж знал, что первыми в ворота сунутся генералы?

Михалыч и Оладьин, одновременно улыбаясь, многозначительно переглядываются, типа командир комедию тут затеял. Они-то, конечно, уже в курсе всего. Но это – свои, которые не сдадут и не проболтаются. Федоренко вроде – тоже. Но вот его прапоры... И, вообще, есть вещи, которые нельзя говорить в открытую, себе дороже будет.

Штабс, видно, все понял, поэтому для вида слегка сокрушается и меняет тему:

– Ну что ж, не хотите говорить – воля ваша. Тем более, есть более приятная тема для разговора. В нашу первую встречу, там, в форте, от выпивки вы все отказались, может быть, сейчас измените свое решение, а? Обед через час, милости просим-с.

– Да, Денис Анатольевич, хочу напомнить про данное обещание! – Кажется, Николай Бер решил соединить приятное с полезным. И тему снять, и несколько рюмок хлопнуть.

– Ну... хорошо. Согласен. – Ловлю одобрительные кивки своих замов. – Только, чур, подробно расскажете мне, как выскочили к своим... Да и подскажите, где я могу найти спиртное, дабы выполнить обещание, данное Николаю Павловичу.

– Расскажем, расскажем. У нас секретов от своих не водится, в отличие от некоторых. А насчет выпивки... – Игорь Александрович оборачивается к одному из своих прапоров: – Алексис, будь добр, распорядись, чтобы этого... Мойшу сюда доставили.

Прапорщик выходит за дверь, а Федоренко выдает почти анекдотичный рассказ:

– Мы, когда сюда добрались, только устраиваться начали, как

прибегает вестовой, мол, там какой-то тип меня спрашивает. Мне стало интересно – кто таков, дал команду привести. Заходит, представляется Мойшей Леебензоном, полковым жидом. Спрашиваю, мол, а что за должность такая. А он в ответ и рассказывает, что здесь постоянно военные стояли и его услугами пользовались. Если надо чего достать, мол, это – к нему. И что, интересуюсь, достать можешь? А все, отвечает, могу. Отрез сукна на форму, сапоги новые, девочек, если надо, водку, папиросы, марафет, в общем, все, что пожелаете. Отправил его, чтоб на следующий день пришел, порасспрашивал тут местных – все, как он и говорил. Вчера заказал ему полдюжины водки. За полчаса, шельма, управился, но и взял по два рубля за бутылку.

– Отлично! Коль вы рекомендуете, воспользуюсь его услугами...

Леебензон, полностью соответствующий своему званию внешним видом и акцентом, оказался невысоким полноватым евреем лет пятидесяти с уже начинающей седеть шевелюрой. Если вытряхнуть его из старого задрипаного лапсердака, который верой и правдой служил, наверное, еще Мойшиному прадедушке, да натянуть кожанку с фуражкой, – вылитый Швондер из «Собачьего сердца» получится, только без революционной наглости и вседозволенности на лице.

Так, займемся арифметикой. Мне нужно проставиться господам офицерам, в особенности – Николаю Павловичу. Получается где-то бутылки четыре. Это, значит, – раз. Памятуя о введенном сухом законе в роте, дабы не создавать неприятные прецеденты по поводу «двойных стандартов», бойцам тоже можно позволить расслабиться. Все-таки уже в тылу находимся, а за плечами у всех – не воскресная прогулка. Значит, по косушке на брата. Итого, в грубом приближении – полсотни бутылок водки. Это – два. Нехитрый арифметический подсчет, получается пятьдесят четыре бутылки. Округляем до ровного, в итоге – шестьдесят, то есть сто двадцать целковых. Жалованье за месяц, ибо у солдат сейчас нет ни копейки. И где взять?.. Да в том самом пакете, который Синельников презентовал. И пойдут деньги на благое дело. Людям нужно хоть чуть-чуть прийти в себя после рейда. Заслужили. А если у Валерия Антоновича возникнут вопросы, отвечу по всей строгости. Потому, что нутром чувствую – надо! Хотел отложить сие празднество до пункта постоянной дислокации, да, видно, – не судьба.

Полковой... снабженец вместе с дежурным унтером остаются возле казармы, а сам бегу к себе, достаю нужную сумму и быстренько возвращаюсь.

– Так, Мойша! Ты в состоянии обеспечить мне в самое кратчайшее

время шестьдесят бутылок водки?..

Наслаждаюсь очень редким зрелищем – выпученными от неожиданного предложения еврейскими глазами, которым, впрочем, вторят такие же выпученные, но уже исконно русские, глаза унтера на заднем плане.

– Таки господину офицеру нужно цельных ШЕСТЬДЕСЯТ бутылок водки?! – Мойша, наверное, подумал, что ему померещилось. – Таки... Я правильно услышал господина офицера?!

– Правильно, правильно. – Показываю кулак унтеру, застывшему, аки соляной столб. – Вот только пикни мне что-нибудь на эту тему в казарме!.. Порежу на мелкие тряпочки!

Дежурный, быстро сообразивший, для чего понадобилось такое количество спиртосодержащей жидкости, расплывается в улыбке от уха до уха и с лукавым выражением на лице кивает, мол, все понял, буду молчать, как рыба. Свежезамороженная.

– Я дико извиняюсь, но это будет стоить господину офицеру... – Мойша шевелит губами, одновременно помогая себе на пальцах. – Час времени... и... сто десять рублёв денег...

– На, держи. – Протягиваю ему несколько купюр, надо же, даже скидку организовал. – Сюда же добавляем папиросы и... что-нибудь вкусненько копченого. Справишься с заказом?

– Господину офицеру не нужно сомневаться. Таки Мойша сделает усе в лучшем виде. – На его лице появляется улыбка. – И пусть этот шлимазл Беня Эрцах сделает кус мир ин тохес, когда придет к старому Израэлю и найдет там только пустые бутылки. Через час вы будете иметь все, что заказали.

Теперь уже спокойно и с каким-то даже достоинством еще раз выслушал наши пожелания и моментально исчез, получив аванс. Минут через сорок, которые у меня ушли на решение текущих вопросов, появился уже в сопровождении еще двух своих соотечественников и шустрого мальчонки, помогавших тащить водку, папиросы и закуску. Пакет с офицерским заказом передаю дневальному, чтобы отнес в «собрание», остальное вместе с Мойшей и дежурным прячем под замок в кладовке, затем выхожу на крыльцо, чтобы рассчитаться с внештатным, но очень ценным снабженцем.

– Держи деньги, гешефтмахер. Быстро управился, хоть и взял дороговато. Ты, правда, можешь достать абсолютно все?

– Господин офицер может не сомневаться. Если это есть в нашем городе, таки я это могу достать и принести.

– И, что, если я сейчас скажу, к примеру, срочно нужен десяток «веселых» девок, ты и их также быстро найдешь?

– Таки вашему благородию нужны дэфочки, или просто так спрашиваете? – Мойша испытующе смотрит на меня, ожидая, наверное, что споровится еще один гешефт.

– Считай, что узнаю на будущее. Так как? Могу заказать, если надумаю? Любых? Блондинок, брюнеток, шатенок? И почем берешь?

– Таки вашему благородию господину офицеру нужно было появиться на один год раньше. Тогда здесь был обычный город, а в ентих самых казармах стояли кавалеристы из запасного полка. И каждый месяц сюда приезжал цельный вагон разных веселых фифок... А господа молодые офицеры веселились с ними от души и иной раз устраивали даже выводки...

– Не понял, а это что за ерунда такая? – Из всех похожих слов знаю только «выволочку» и «выездку». Хотя – стоп! Анатолий как-то говорил, что устроит своим драгунам хорошую выводку. Что-то типа строевого смотра для лошадей. Причем тут... дамы несерьезного поведения?

– Таки если господин офицер не знает, Мойша сейчас все объяснит. – Снабженец даже немного повеселел, по-видимому, от приятных воспоминаний. – Когда приезжали новые дэфочки, господа офицеры с ними договаривались и на чьей-нибудь квартире посреди комнаты ставили стол, за которым сидела «комиссия», заводили граммофон с разными военными маршами. А фифки по одной безо всякой одежды под энтии марши должны были подходить к столу для осмотра. А господа офицеры оценивали их поставку ног и все другие стати...

Ну ни хрена ж себе нравы гусарских бивуаков! Типа оторваться перед отъездом на фронт? Горячие, блин, кавалерийские парни! Их энергию, да в правильных целях бы использовать!..

– И что, сейчас такое тоже делают?

– Нет, ваше благородие. Сейчас фифки не приезжают. – Мойша грустно замолчал, потом негромко добавил: – Если господину офицеру нужна дэфочка, таки она будет у господина офицера... Но только не надо устраивать выводку... И стоить это будет совсем недорого.

– А что изменилось?

– Война, ваше благородие... беженцы. Людей много, а работы таки очень мало. – Мойша объясняет мне, как несмышленишу, прописные, на его взгляд, истины. – Некоторые молодые женщины зарабатывают этим, чтобы прокормить свои семьи. Но они это делают-таки потому, что у них нет другого выхода...

Леебензон уже скрылся из виду, напомнив еще раз на прощание, как его найти в случае необходимости, а я курю и немного ошарашенно думаю, что слишком отвык, шастая по германским тылам, от реалий «Большой земли». Впрочем, как там говорил мудрец? «Боже, дай мне спокойствие принять то, чего я изменить не могу, дай мне мужество изменить то, что могу. И дай мне мудрость отличить одно от другого...» И вообще, вон Михалыч в окне рукой машет, значит, пора снимать пробу.

На обед сегодня «шрапнель», на которую обычно плевались, но после сидения на консервах, я думаю, пойдет со свистом. Тем более, есть чем смягчить горло. Посоветовавшись с Оладыным и Михалычем, решили выдать народу по чарке, то бишь бутылку на пятерых. Остальное же оставить до прибытия на базу. Народ очень впечатлился, когда увидел мрачных дневальных, коим удовольствие откладывалось до вечера, несущих к столу «казенную порцию», и встретил этот процесс бурным и продолжительным радостным ревом, который был быстро пресечен смекалистыми унтерами в целях конспирации. Дождавшись полной тишины, я объявил, что сегодня можно чуть-чуть расслабиться, то есть немного принять на грудь и устроить после обеда сон-тренаж. И сразу предупредил, что если мне придется дискутировать с штабс-капитаном Федоренко или другими дунайцами на тему: «Почему одним можно, а другим – нельзя?», то это будет первый и последний праздник в роте. Так что лучше тихонько, даже не чокаясь, употребить, а потом, пока командир в хорошем расположении духа, маленько покемарить. Непонятливых не нашлось, так что вопрос можно считать закрытым. Если только внезапно не нагрянет очень уставное начальство и не вставит подпоручику Гурову фитиль по самые гланды за нарушение приказа по Военному ведомству за № 584... Ну, вот, теперь можно и самим о пайке подумать. Тем более, в «собрании» уже заждались, наверное.

После обеда, в процессе умеренного поглощения водочного «десерта» под легкую закуску, Игорь Александрович все же ответил на очень интересный меня вопрос:

– После того, как мы с вами расстались у ворот крепости, повел батальон вдоль дороги к Нареву. С обозом было трудновато, но справились. Возле реки, в лесу стали лагерем, а ваши сорвиголовы разбежались вверх и вниз по течению – искать подходящую переправу. Нашли довольно быстро. Я с Сергеем Дмитричем сам сходил, посмотрел. Место укромное, заросли почти к берегу подходят, да и саперов всего-то человек тридцать – сорок. Подождали темноты, казачки сняли часовых, а остальных мои дунайцы штыками перекололи. Уж больно злые на германца были, вот и отвели

душу. Переправились, подожгли понтоны и отправили их по течению. Ну, а дальше, как гусеница ползли. Сергей Дмитрич с вахмистром дозоры во все стороны разошлют, посмотрят, что и как, потом батальон двигается. Так и перебежали от лесочка к лесочку, пока до передовой не добрались. Ну, а там день в лесу просидели, готовились, как стемнеет и германцы успокоятся, прорываться. Разведчики буквально каждую пядь земли осмотрели и ощупали. Везде окопы в две, а то и в три линии уже выкопаны. А у нас – двуколки, по ямам особо не поездишь. Вот и решили верстах в пяти по дороге пробиваться. Германцы ее не тронули, видать, посчитали, что еще пригодится для наступления. На ней только проволочных заграждений накрутили и два пулемета поставили по обочинам. Как начало темнеть, мы туда и двинулись. И на краю леса нос к носу столкнулись с германскими артиллеристами. Их, видно, накрытие этой дороги прислали, вот они на опушке и стали разворачивать батарею. Тут мы их и прихватили. Ребятки ваши им ни разу выстрелить не дали, вырезали моментально. Ну, а оторвать Берга от орудий я был уже не в силах.

– Кстати, а где Роман Викторович?

– В госпитале, получил два ранения, надеюсь, скоро поправится. Ну, да об этом чуть позже. Так вот, наш герой быстренько снова организовал батарею в походный порядок, с ним же несколько его артиллеристов шли, и мы двинулись дальше. Копыта лошадям и колеса германскими кителями обмотали, чтобы тише было. За полверсты до окопов перестроились. Обоз и пушки поставили в середину, вокруг них – дунайцы повзводно. Ваших молодцов Сергей Дмитрич разделил на пять групп, четыре расположил клином справа и слева от основной колонны, чтобы в случае чего могли с флангов по немчуре ударить, а пятую вперед поставил пулеметы на дороге поснимать. Прикомандировал только по одному «свистуну» на взвод, у вас, оказывается, сигналы свистом разработаны. Ну, а Григорий Михалыч со своими станичниками арьергардом шел, позади всех.

Вот так и двинулись. Пулеметчиков на дороге и патрулей сняли чисто, без звука. Начали уже рогатки с дороги растаскивать, колючку резать, да тут то ли кто-то из тевтонов до ветру собрался, то ли часового в темноте пропустили, только германцы тревогу подняли. Из блиндажей повылезали – и бегом к дороге. Тех, кто впереди по окопам мчался, из «мадсенов» быстро положили, остальные же повыскакивали из траншей, – и к нам. Я тут и приказал залповым огнем ответить. По два взвода – это почти сотня выстрелов одновременно. Три раза отзалпировали, колбасников покосили здорово. А там уже и трофейные пулеметы у дороги в дело вступили, попржиали оставшихся, дали всему остальному отряду пройти. Берг

только замешкался. Батарея последней проходила, у одной пушки лошадей шальными пулями убило, а германцы, видя это, в атаку бросились. Роман Викторович с парой солдат пытались отстреливаться, да тевтонов с два десятка было. Так бы и добились их, да, вот спасибо вахмистру, подоспел на выручку. Казаки их в шашки взяли, всех моментально в капусту порубили. А Григорий Михалыч Берга на себе из боя вытащил. Так что подпоручик ему жизнью обязан. Я начальству вашему уже рапорт написал с ходатайством о награждении... Заслужил казак!

– А солдатский телеграф ваши трофеи до двух-трех батарей с обозами раздул. Мне в этом чуть ли не на икону божились. Убитые и раненые еще есть?

– Убитых четверо, раненых – с десятков, все мои. Ваши солдаты, Денис Анатольевич, словно заговоренные, – ни одной царапины! Как вы их так вымуштровали, нет, научили?

– А мы бегаем много.

Первыми смеяться стали Оладьин с Михалычем, остальным пришлось объяснять подробнее, но последние фразы: «Не доходит через голову, дойдет через ноги» и «Если в сердце нету хода, через печень постучим» – утонули во всеобщем хохоте.

Федоренко все-таки не оставил своей затеи и поймал меня с папиросой возле открытой форточки. Закурил свою, затем, почти умоляюще глядя в глаза, спросил уже в надцатый раз:

– Денис Анатольевич! Ну все же... Слово офицера – никому!.. Что было там, в крепости?..

– Игорь Александрович, вы же должны понимать, что подробностей я не могу сказать. Добавлю только, что непосредственно перед взрывами было несколько винтовочных выстрелов...

Глава 15

Следующее утро принесло радостные новости. После того как написал все требуемые капитаном Бойко рапорта и даже поторговался с ним до легкой хрипоты насчет количества крестов и медалей, последний обрадовал известием, что отзвонился Дольский и доложил о готовности новой базы к приему личного состава. Штаб с завтрашнего дня тоже собирался передислоцироваться, и уже точно не в Глубокое, что вызвало бурные эмоции штабных, невыносимо уставших от хлопанья дверей, шелеста казенных бумаг, звонков телефона и стрекота аппаратов Бодо, в общем, от всех превратностей тяжелейшей службы вдали от передовой. Учитывая, что они, как белые люди, собирались двигаться по «железке» эшелонам через Барановичи на Минск, сопровождавший их автоотряд остался почти не у дел, и Валерию Антоновичу не составило особого труда оформить нас пассажирами в грузовиках. Бойцы, уже давно понявшие, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, таким новостям обрадовались и, с регулируемым унтерами и командирами «пятерок» энтузиазмом, стали собираться в путь. Накидали найденного неподалеку уже ничейного сена в кузова, «куркули» закопали в него трофейные «максимы» и сверху, на всякий случай, прикрыли рогожками, чтобы никто из встреченного начальства не мог на них покуситься. Оставшуюся водку под бдительным присмотром Михалыча бережно завернули в лохматки и, переложив тем же сеном, как особо точные и хрупкие приборы, уложили в невесть где найденный деревянные ящики, возле которых тут же нарисовался «караул» из выбранных всеобщим голосованием добровольцев.

Ближе к полудню сборы были закончены, мы тепло попрощались с нашими, уже бывшими попутчиками, предварительно серьезно переговорив насчет дальнейшей совместной службы. Федоренко, как я и ожидал, отказался, мотивируя данным командиру полка словом воссоздавать 249-й Дунайский полк, Николенька Бер и Димитр Стефанов обещали подумать и, если что, связаться с капитаном Бойко.

Уже по дороге от нечего делать прокручивал в голове детали этого разговора, сидя рядом с водилой первой машины, да молча наблюдал за окрестным пейзажем, неторопливо проплывавшим мимо, и радовался августовскому мягкому солнышку, гревшему с уже чуть-чуть начинавшего становиться осенним голубого неба. Несмотря на всеобщую расслабленность, еще при погрузке заметил, что одна из «пятерок» в

каждом кузове держала оружие под рукой. В моем авто эту задачу выполнял Зингер, удобно расположившись со своим «мадсеном» возле заднего борта.

В Минск мы прибыли уже вечером, когда начинало смеркаться. И как раз успели к торжественному ужину в честь нашего возвращения. Точнее, он не начинался до нашего прибытия. Инициатором мероприятия был поручик Дольский, главным исполнителем – Ганна, наготовившая вкусняшек и на роту, и на полуэскадрон Анатоля. В старых казармах Минского гарнизона на улице Водосвятской, или Пьяносвятской, как ее именовали минчане из-за широко известной пивоварни Иосифа Фрумкина, нас не разместили. Мудрое начальство выделило нам место в недавно построенных казармах-бараках на северо-восточной окраине города за халупами ремесленников и прочего бедного люда, рядом с торфяным болотом и Комаровским полем, бывшим уже давным-давно вотчиной военных. Ну, это, может, и к лучшему, – подальше от лишних глаз и, соответственно, лишних же вопросов. Роту расселили напротив драгунской казармы, так что наши кентаврообразные коллеги приняли самое непосредственное участие в пирушке, причем, со своими «наркомовскими» ста граммами, разрешенными поручиком. Новые сосновые бревна, еще не успевшие потемнеть, пьянящий запах смолы, сиреневое закатное небо – все это создавало ощущение какого-то массового пикника на природе.

После первой рюмки Дольский оставил за себя старшим по пьянке Михаила Полякова, длинного щеголеватого корнета, ставшего его замом, предложил мне сделать то же самое и пойти посидеть к нему в «апартаменты». Сергей Дмитриевич воспринял это, как должное, и через пять минут мы уже сидели в небольшой комнатке, приватизированной Анатодем для себя, за круглым столом, на котором была накрыта «поляна». Посередине белоснежной скатерти, подобно маяку, притягивающему взоры изможденных моряков, возвышалась бутылка водки с пробкой, залитой белым сургучом. Справа от нее на большом блюде расположилась горка тонко нарезанной буженины, колбасы и копченого сала. Левый фланг был открыт, то есть место пока пустовало. Роль передового дозора выполняла продолговатая селедочница с ломтиками вышеупомянутой рыбы, замаскированной сверху колечками лука. Диспозицию дополняли стоявшие в резерве бочковые огурчики и хлеб, аккуратно разложенные по тарелкам, а также мисочка со сметаной. Сервировка с непривычки поражала воображение. Посуда из одного сервиза, столовые приборы из серебра, хрустальные рюмочки – на фронте от всего этого давно уже отвыкли.

– Ну, и что празднуем? – На моем лице, наверное, было отражено

удивление, и Дольский, довольный произведенным эффектом, весело улыбался. – По какому поводу банкет?

– По поводу твоего, Денис, благополучного возвращения из рейда. А еще по поводу некоторых событий, имевших место быть в некой крепости. Но только – т-с-с! – Анатолий приложил палец к губам в шутовском жесте и произнес неожиданную фразу: – Враг не дремлет!

В эту же секунду, по странному совпадению, в дверь аккуратно постучали, затем очень знакомая лапища Федора открыла ее и в комнату вошла Ганна с блюдом горячих, исходящих очень аппетитным ароматом, драников. Поздоровавшись, обозвав меня по установившемуся обычаю «дзядечкой командзиром» и получив в ответ традиционное «привет, племяшка», наша красавица поставила на пустующее место «картофельные оладьи оригинального рецепта» и смущенно ретировалась за дверь, где ее поджидал Ромео, в смысле, Котяра.

– Как она тут поживает? Твои драконы не трогают?

– Денис, ты не согласишься, но все мои стараются выполнить любые ее просьбы и прихоти. Во-первых, они оценили ее кулинарные способности, а во-вторых, Остапек объяснил непонятливым, кто такой твой Федор и что он сделает, если с его невестой кто-то грубо поговорит, не говоря уже о большем. Да и она сама может дать отпор. – Дольский весело улыбается. – По первости к ней один мой придирался. Причем на пустом месте. Мол, и каша пересолена, и щи холодные... В общем, как-то раз перешли они на личности. И когда он после своих оскорбительных слов о неверии в женскую верность получил от девочки прозвище «пыски кобылячьей», сдуру замахнулся на нее... Прошло буквально несколько секунд, а твои оставшиеся, как из-под земли выросши, берут ее в кольцо, спорщик лежит на земле, скрученный неизвестно как, боясь не то что шевельнуться, даже дыхнуть. В руках никакого оружия нет, но, Бог – свидетель, почувствовал, что если к ним сейчас сунуться, – убьют и похоронят. Это потом уже всем объяснили, что «пыска» означает морду на белорусском языке. А я именно в тот момент понял, до какого состояния нужно тренировать своих подчиненных.

– И что потом? Твой боец живой еще?

– Он после этого стал самым рьяным ее защитником. А когда пришлось по случаю ей самой на склад ехать, да там какой-то кладовщик ее высмотрел и пригрозил, что не отпустит продукты, пока она и к нему «поиграть» не придет... Короче, я сам лично ездил и объяснял дураку, что то, что его в бочку с дождевой водой опустили вниз головой, – так это еще не беда. А вот если бы достать забыли, тогда... Мы с ним беседу бы уже не

вели. Проникся, однако!

Ай, молодцы! Узнаю соколов по полету! Чует моя... интуиция, что первая в роте свадьба не за горами. Причем при полном согласии всего коллектива. Не знаю, что тут сыграло бóльшую роль – мое личное отношение к девчонке и игра в «племяшку» или стремление в условиях войны сделать что-то доброе, хорошее, но Ганну все воспринимали как свою младшую сестренку. За которую, ежели что... Ух, не завидую придуркам!.. Анатолий, тем временем, пользуясь правами хозяина, расположился за столом и привычным жестом, обстучав сургуч, снял картонную крышечку, разлив «жидкость всеобщего уважения и взаимопонимания» по рюмкам, заискрившимся в неярких лучах керосиновой лампы.

– Ну, за твою удачу, Денис! – Дольский стал серьезен. – Лихо погуляли. Мне твои порассказали, как вы там резвились, да и в отделе протоколы допросов пленных германцев читал об отсутствии снабжения. Честно говоря, когда ты рассказывал про партизан, не особенно верил. Не думал, что можно вот так влиять на ход войны.

– Это наши солдаты могут без патронов, без снабжения на голом урапатриотизме за веру, царя и Отечество одними штыками противника гонять. Только их после этого отцы-командиры штабелями в могилы закапывают и новых пополнений требуют, да отмазку нашли, мол, на Руси-матушке баб много, еще нарожают. А у германцев – порядок превыше всего. Это и позволяет им быть самой сильной армией в Европе. Не помню уже где вычитал, что во франко-прусскую войну идут порознь двумя колоннами, одна завязывает бой, другая в точно назначенный срок выходит во фланг. В результате меньшими силами разбивают французов в гораздо большем количестве. А у нас такое возможно? Нет. Пока наши хомяки-интенданты зашевелиятся, войска от них уже на сотню верст вперед уйдут. Да и генералы у нас – та еще песня. Со слезами на глазах. Один Бобырь Ново-Георгиевский чего стоит. Я там был, видел, как все происходило!

– Ты, Денис, не горячись, а то, как сам когда-то сказал, – водка в рюмке закипит, долго держишь. – Анатолий снова становится веселым, разбитным балагуром. – Давай, твое здоровье!

Содержимое рюмки падает в желудок, разливается приятное тепло, за ним следуют драник с ароматным кусочком мяса. С непривычки слегка неуверенно работаю парой «вилка-нож», Дольский это замечает и подначивает:

– Огрубели в лесах дремучих, вашбродь, по болотам скитаясь да под кустиками прячась? Привыкай, дружище, тебе теперь ко многому

привыкнуть надо. Я-то в Минске уже пообтерся, но поначалу, когда первый раз в город вышел, многому удивился. Ладно, до войны, в мирное время, где ни попадя вывески висели, что, мол, собакам и нижним чинам вход воспрещен, но сейчас зачем? Это мы там, на фронте, в них людей видим, а здесь вся это тыловая камарилья только одним озабочена – урвать кусок побольше да послаще. А остальные для них – грязь под ногами. Намедни хотел в городе поужинать, заехал в «Стеллу» – ресторация новая для господ офицеров открылась на Захарьевской, а там сплошь тыловые крысы с земгусарами веселятся, да так, что дым коромыслом. Очередной свой гешефт обмывают да мамзелек прямо там же щупают, а те и визжат от восторга. Все бы ничего, да начали застольные речи толкать. И выходило, по их словам, что это они войну выигрывают, а не те, кто в окопах сидит и казенные харчи задарма трескает. Я к тому времени уже пару раз «к телефону» сходил, мне сгоряча обидно стало...

– Извини, не понял, при чем тут телефон?

– А при том, что ежели желаете, сударь, водочки, подзываете официанта и говорите, что нужно вам по телефону позвонить, затем идете в соседнюю комнатку и там, на столике рядом с аппаратом, стоит полная рюмка. Сухой закон, как-никак. А те, так вообще коньячок-с из чайника по чашкам разливают прямо за столом... Так вот, я к оратору подошел и высказал все, что про них думаю. А потом предложил дуэлировать. Ни одна сволочь не дернулась. Нет, один шпак ряженный хотел было из-за стола вылезти, да силенок не хватило, в своих шпорах запутался, чуть под стол не нырнул. Мамзельки еле поймали.

– Погодите, господин поручик. Рассказывайте медленно и понятно. Что за ряженные тут у тебя? И кто такие земгусары?

– Расскажу, только давай еще по рюмочке. – Анатолий снова разливает водку по рюмкам. – Ну, давай выпьем, Денис Анатольевич, чтоб на душе не так паскудно было... Так вот, около полутора месяцев назад, в начале июля, был образован «Главный по снабжению армии комитет». В него вошли уполномоченные Земского союза и Союза городов, которые объединились. Получилась новая организация под названием «Земгор».

– И что тут такого плохого, а? – Откидываюсь на спинку стула и с удовольствием закурываю ароматную папиросу. – Земства же с самого начала войны помогали армии. Госпитали, лазареты, питательные пункты на станциях, санитарные поезда, – да много чего делали. Вспомни, к нам тоже уполномоченные этих союзов приезжали, решали вопросы со снабжением.

– Да, согласен, только пока они ранеными и благотворительностью

занимались, все было нормально. Но теперь им поручено снабжение армии всем, вплоть до производства боеприпасов. А еще уйма трусливой сволочи осела во всех этих комитетах, комиссиях, секциях, совещаниях. И призыву они не подлежат. Зато им разрешено носить офицерскую форму!.. Нашу форму, только с узкими серебряными погонами с вензелем конторы «ВСТ» или «ВСТЗ». Причем к ней полагается холодное оружие. Представляешь?! Я недавно такого типа увидел!.. Гимнастерка, шаровары, фуражка, сапоги с застежками под коленками, ремни «Сэм Браун», слева даже свисток торчит. Наверное, чтобы звать городских на подмогу, когда ему морду бить будут. Полевая сумка, и, самое пикантное, – на портупее от шашки висит кортик, да какой!.. Длина – чуть ли не с аршин, на голове рукоятки птичья голова, загнутая крестовина. Я немного разбираюсь в холодном оружии, благо, дома дед, а потом и отец неплохую коллекцию собрали за годы своей службы... Короче, был это почтмейстерский кортик образца годов где-то тысяча восемьсот двадцатых. И где только раскопал такое, каналья?..

– Ну, у вас, кавалеристов, тоже свои понятия о красоте имеются. Шпоры серебряные, монетка в ножны, чтоб брэнчала, стек с петелькой... Продолжать?

– Не надо путать, подпоручик. У нас – традиция. А у них – как ты говорил это слово?.. Понты? – Дольский снова наполняет рюмки. – А сами они суть – трусливые тыловые крысы.

– А что такое «понты», я тебе говорил? Показная бравада чем-то, скорее всего, материальным, чтобы скрыть за ней неуверенность в себе, в собственной значимости, попытка поднять в глазах окружающих свой социальный статус... Не смотри на меня так, я еще не пьян и не заговариваюсь. Это – обычный термин из психологии. Кстати, Анатоль, а не слишком быстро ты наливаешь? Мы что, куда-то опаздываем?

– Нет, Денис. Просто до сих пор не могу привыкнуть к тому, что здесь творится. Ты-то еще в городе не был, а я покрутился уже достаточно. Сам погуляешь, посмотришь. Только не прибеи кого-нибудь до смерти, помни, пожалуйста, о том, что ты – в тыловом городе, а не в германском тылу. Здесь, между прочим, Уложение об уголовных наказаниях действует... Так вот, меха, золото, драгоценные побрякушки идут нарасхват. И это учитывая то, что цены подскочили в три-четыре раза против довоенных, а то и поболее. А покупатели одни и те же. Земгусарство да тыловики наши своим бл...м, извини, по-другому язык не поворачивается называть, скупают. – Анатоль смотрит на меня угрюмым трезвым взглядом. – Каждый вечер в ресторанах пьянствуют почти в открытую тоже они. Откуда такие деньги, а?.. В подворотне с рук можно купить почти все.

Германский кокаин, германские же презервативы, водку, спирт... даже девочек и мальчиков семи-восемью лет от роду! А рядом – беженцы, которым жить негде, жрать нечего и не на что, которых эти вот новые «хозяева жизни» и за людей-то не считают! Они и нас, боевых офицеров, считают придурками, которые не смогли удачно пристроиться.

– Ничто не вечно под луной. Почти что пир во время чумы...

– Александра Сергеевича изволили вспомнить, сударь? Нет, Денис Анатольевич, у господина Пушкина воспевается некое упоение, которое сильный духом человек в состоянии ощутить перед лицом грозящей гибели, и это наслаждение в бою со Смертью – «бессмертья, может быть, залог!» А эти людишки умеют только гешефты делать, крысы... Россия-матушка превращается в настоящее крысиное царство... А давай, Денис, выпьем за котов, которые этих крыс переловят и передуют?

– Мяу! – искренне поддерживаю тост Анатоля...

Глава 16

Генерал Келлер сидел за столом, устало опустив голову на сжатые кулаки. Перед ним лежал его же приказ от 5 июля: «С разрешения командующего 9-й армией сего числа я отбыл в двухмесячный отпуск по болезни. Временно командование Хотинской группой передаю командиру 32-го армейского корпуса генерал-лейтенанту И. И. Федотову. Временное командование 3-м кавалерийским корпусом сдаю генерал-майору Г. И. Чоглокову».

Федор Артурович покидал передовую не в самое легкое время для Русской армии. Но его корпус удачно громил австрияков; тысячи пленных солдат, десятки офицеров, орудия и пулеметы – вот далеко не полный список боевых трофеев «келлеровцев», как гордо именовали себя его бойцы. Героический порыв охватил всех – от нижних чинов до офицеров, келлеровцы дрались, не щадя ни себя, ни врагов. Георгиевские кресты стали заслуженной наградой и для простых солдат и для самого командира корпуса. Казалось, что еще немного, еще чуть-чуть и тактический успех перерастет в стратегический. Но 8 апреля ситуация резко изменилась – началось мощное наступление германских войск под Горлицей. Чтобы избежать окружения на этом участке фронта, Русской армии пришлось отступать. Но она отступала, а не бежала, огрызалась яростными контратаками и штыковыми ударами, гибла под ураганными артобстрелами, но сбивала германцам темп, заставляя дорого платить за каждую пройденную версту.

И в эти дни приходится уезжать в тыл. Если бы не раны, полученные в апреле и мае, да травма при падении, то Федор Артурович ни за что не оставил бы свой корпус, но все имеет свой предел прочности. Последней каплей, подточившей силы уже далеко не молодого генерала, стало известие о смерти родного брата, умершего в Кисловодске от последствий тяжелой контузии всего лишь день назад. И было еще одно обстоятельство, которое генерал Келлер тщательно скрывал от окружающих. Это была своеобразная борьба, которую он вел сам с собой двадцать четыре часа в сутки, начиная еще с конца февраля. Федор Артурович хорошо помнил ту ночь, когда поднятый на ноги генеральским воплем: «Молчать, ефрейтор, убирайся, мерзавец, вон!» денщик с обнаженным клинком ворвался в спальню к своему командиру и не нашел никого, кроме самого генерала. Тогда удалось все списать на усталость и ночной кошмар, но позднее

многие окружающие отметили, что их генерал стал весьма болезненно морщиться при виде ефрейторских знаков различия, а иной раз при наличии повода мог устроить жесткий разнос любому их носителю.

До недавнего времени об этой тайне не знал никто, так как Федор Артурович не хотел, чтобы его сочли сумасшедшим или одержимым бесами. Первые дни генерал считал, что это последствия контузии, которую получил десяток лет назад, исполняя обязанности калишского генерал-губернатора, от взрыва бомбы, брошенной в него террористами. Но видения не исчезали.

После растерянных криков: «Где я?! Мама, доктор, что со мною?!», требований позвать каких-то фээсбэшников в голове возник сплошной сумбур из отрывков странных песен, непривычных военных команд, образы девиц одетых или, скорее, раздетых так, что их не взяли бы даже в самый захудалый кафешантан. А иногда появлялись и откровенно страшные видения, в которых фигурировал расстрел человека, разительно похожего на императора Николая Александровича. Периодически некто, называвший себя Сашкой Александровым, пытался навязать своё «Я», и лишь железная воля генерала Келлера позволяла пресечь все эти попытки и загнать незваного гостя куда-то на задворки сознания. Тогда тот сменил свою тактику: несколько анекдотов о разбитном гусарском поручике Ржевском заставили генерала улыбнуться, а однажды даже тривиально заржать, как жеребцу. Причем все это происходило при совершенно не располагающей к смеху обстановке. К поручику добавился некий Вовочка. Чуть позже Федор Артурович поймал себя на том, что иногда напевает очень навязчивую песенку: «Как хорошо быть генералом». Все-таки хотелось верить, что ситуация находится под контролем, но с появлением Зиновки Можаровой все полетело кувырком.

Молоденькая сестра милосердия из смолянок откровенно влюбилась в боевого генерала еще тогда, когда он командовал 10-й кавалерийской дивизией. Федору Артуровичу, как каждому настоящему мужчине, льстило внимание со стороны женщины, которая по возрасту годилась ему в дочери, и он с удовольствием проводил часы досуга в ее обществе. До некоторых пор все было невинно, но Зинаида Александровна в свои двадцать два года уже успела выйти замуж и не собиралась ограничивать свои отношения с генералом всего лишь музицированием и исполнением русских романсов и французских песенок под аккомпанемент рояля. Тем более что про смолянок ходили весьма пикантные истории, а Зиновка явно относилась к той категории институток, которые «знали назубок последний том классика еще на первом курсе». В один из вечеров она сменила

привычный костюм сестры милосердия на вечернее платье, которое по канонам начала двадцатого века должно было буквально «падать с плеч». Обнажённые плечи, глубокий заострённый вырез на спине, декольте на груди. Удерживали лиф лишь «косточки», придававшие ему жёсткую форму. А если добавить к этому пьянящий аромат «Любимого букета императрицы»...

Федор Артурович понял, что у него остается лишь два варианта действий: немедленно уйти или... Но в этот момент в его голове что-то щелкнуло и почти явно прозвучали слова: «Бежать вздумали, ваше превосходительство? Не выйдет!» Последнее, что успел сделать генерал – повернуть ключ в двери, а далее понеслось... Как будто с его плеч свалился груз нескольких десятков лет, и он снова был вольнопером драгунского полка, а рядом была актриса бродячего театра. Ураган страстей бушевал с небольшим перерывом почти час. К счастью, мебель тех времен была сделана, как говорится, на века и последовательно: стол, рояль и кровать достойно выдержали испытание страстью. Келлер взял в себя в руки, лишь когда в голове и наяву почти в унисон прозвучали фразы на немецком и французском языках: «Es ist fantastisch» и «C'est tres bien, mon general».

И этот вечер был не последним. Ушло затмеваящее разум сумасшествие, но осталась любовь между мужчиной и женщиной, разделенными десятилетиями, судьбой и людьми, но сумевшими найти друг друга на войне. «Что эта девочка нашла во мне? – чуть слышно шептал Федор Артурович. – И я тоже хорош, старый хрыч. Правду говорят: седина в висок – бес под ребро». Мгновенно бес или кто иной, поселившийся в его сознании, напомнил о себе. И опять сделал это очень тонко. Генерал даже сам не заметил, когда горечь в его словах сменилась стихами:

Почему ж ты мне не встретилась,
Юная, нежная,
В те года мои далекие,
В те года вешние?

Видно, нам встреч не праздновать!
У нас судьбы разные!
Ты любовь моя последняя,
Боль моя.

Но оказалось, что он не заметил не только это. После последних слов в

комнате прозвучало:

– Боже, как это прекрасно, Тэодор, но я никогда не слышала этих строк. Хотя какая же я глупая, ведь это вы написали о нас?! Но почему так трагично? Вы вернетесь, и мы снова будем рядом, вместе. Ну, распрямите плечи и встряхнитесь, mon chevalier!

Зиночка грациозно, как это могла только она, подошла к столу, бережно, обеими руками обняла генерала и прижалась щекой к его плечу. Поистине в ней было какая-то магия. Из тела уходила усталость, а из сердца – боль. И именно сейчас Федор Артурович решился рассказать хотя бы часть правды о том грузе, который свалился на его плечи.

– Зина, мне, действительно, очень нелегко. Наши штабные «маркони» передали тяжелую весть – вчера в Кисловодске умер мой брат. А ведь ему не было и пятидесяти!.. Проклятая контузия свела его в могилу, а ведь я тоже был контужен. Это случилось давно, но теперь мне кажется, что я слышу в голове чей-то голос, и... просто боюсь сойти с ума. Ты единственная, кому могу довериться. Я не знаю, что мне делать?! К кому обратиться за помощью?! Я не могу с этим жить, иногда просто хочется взять шашку в руки и броситься в рукопашную на австрийков. Если суждено погибнуть, то в бою, а не в доме для умалишенных.

– Я тоже заметила, что с вами не все ладно, Тэодор, но, кажется, знаю, кто сможет помочь... – Можарова присела рядом и, положив свою маленькую ручку поверх богатырской длани Келлера, начала свой рассказ:

– На курсах сестер милосердия с нами проводил занятия один замечательный доктор – Михаил Николаевич Голубев. Могу признаться, что все слушательницы были в него немножко влюблены, даже я. – Зиночка чуть покраснела и кокетливо стрельнула глазками в сторону Федора Артуровича. – Так вот этот врач искал и смог найти способ лечения контузий. А недавно я просматривала подшивку газет и, представляете, нашла о нем самые свежие вести. Оказывается, сам академик Павлов аплодировал ему на Пироговском съезде, когда доктор выступил с резкой речью в защиту государя и государыни от доморощенных яacobинцев. Теперь Михаил Николаевич работает в Подмосковье и вместе с профессором Ижевским творит чудеса исцеления. А патронирует им лично знакомый вам принц Александр Петрович Ольденбургский. Я уверена, что они смогут вам помочь.

Этот «сеанс психотерапии» продолжался еще час, хотя Федор Артурович и не возражал бы и против большего срока. «А если перенести отъезд на завтра? Тогда сегодня вечером можно...» – всплыла в голове генерала провокационная мысль, но ее вспугнули два обстоятельства –

явное одобрение и поддакивание зашевелившегося в подсознании «беса» и деликатный стук в дверь с последующим докладом вошедшего адъютанта: «Автомобиль готов, ваше превосходительство, пора выезжать – до отхода поезда остался час».

– Сейчас буду, ждите меня в машине, – ответил Келлер и, когда они опять остались наедине, склонился перед любимой женщиной, нежно касаясь губами ее руки. Зиновья, по старинному обычаю, поцеловала его в голову и, желая не затягивать мучившую их обоих сцену прощания, произнесла:

– Поезжайте, mon general, да хранит вас Господь. А я... а я буду ждать и молиться за вас. – И не в силах сдержать слезы выбежала из комнаты.

Уже позже, в купе, пока денщик Прохор расставлял вещи, генерал, снимая китель, обнаружил в своем кармане маленький нателный образок святого Пантелеймона-целителя, бережно завернутый в кружевной платочек, хранящий аромат «Любимого букета императрицы». Несмотря на то, что Федор Артурович был лютеранином, он повесил образок на шею, возле крестика. Маршрут путешествия предполагал несколько остановок, и первой из них был Кисловодск. Прибыв в этот город, генерал в первую очередь посетил кладбище, на котором совсем недавно был похоронен его брат, затем были визиты с соболезнованиями к родственникам усопшего, неизбежная встреча с нотариусом, позволившая уладить все наследственные вопросы, и прочие малоприятные обязанности. Все это просто измучило Федора Артуровича, у которого ныли плохо зажившие раны и в унисон к ним возникали сильные головные боли. А посему он изменил свое первоначальное решение ехать на лечение в Харьков, в котором с начала войны жила его семья, и, воспользовавшись любезностью начальника местного военного госпиталя (в который фактически превратился весь Кисловодск), отправил телеграмму верховному начальнику санитарной и эвакуационной частей с просьбой о встрече.

Принц Александр Петрович Ольденбургский был не только лично знаком с боевым генералом, но и отлично знал о том уважении, которым пользовался тот в ближнем кругу императора. Он не заставил себя долго ждать с ответом: «Через неделю, 18 июля, прибываю в Москву со своим поездом. Стоянка двое суток. Буду рад Вас видеть». Имея некоторый запас времени, Келлер с благодарностью согласился на предложение начальника госпиталя после врачебного осмотра посетить бальнеологические учреждения Кисловодска, расположившиеся на Тополевой алее. Бассейн с подогретым нарзаном и новинка того времени – особая гидромассажная ванна «велленбад», а в перерывах между процедурами прогулки в боковых

пристройках здания несколько улучшили физическое и эмоциональное самочувствие старого солдата, а посему Федор Артурович отбыл в Москву в гораздо более лучшем настроении и с надеждой на успех. Необходимо отметить, что война еще не успела сильно сказаться на работе железных дорог в глубоком тылу. Строились новые линии, формировались составы. Во второй половине лета планировался пуск скоростного поезда «Кисловодск – Москва», и перед его первым рейсом в первопрестольную в двух вагонах первого класса должна была отправиться группа чиновников и инженеров-путейцев «для последней проверки готовности».

Естественно, что для боевого генерала, героя Хотинской битвы и просто человека, чья фамилия в этом, по сути, не самом большом городе была на слуху, выделили отдельное купе. Не был позабыт и верный Прохор. Необходимо отметить, что в Российской императорской армии денщики составляли некую касту, в которой, как в зеркале, отражались обычаи и порядки, которые сложились в различных воинских частях. Если не считать отдельных фактов самодурства, то в целом между офицерами и их денщиками складывались несколько фамильярные, а часто и патриархальные отношения. Рядовой лейб-гвардии Драгунского полка Прохор Иванович Найденов попал в категорию нестроевых после того, как потерял по одной фаланге на двух пальцах правой руки в результате взрывов, устроенных в Калише польскими социалистами, а точнее – боевиками и террористами, жаждущими уничтожать все, что ассоциируется с «москальским быдлом и схизматиками». И с тех пор стал тенью и ангелом-хранителем Федора Артуровича. Он строго следил, чтобы «их превосходительство» не остался голодным, мог под шрапнелью доставить термос с горячей едой и старался как мог обеспечить элементарный комфорт даже на передовой. Клинок, который вопреки официальным правилам Прохор продолжал носить, не был бутафорским. До армии, еще мальчишкой, он нашел себе пристанище в цирке и успел освоить искусство джигитовки и метания ножей, топоров и всего, что можно отнести к категории колюще-режущих предметов. А его сварливые жалобы о том, что «...не бережете совсем себя, ваше превосходительство, прям ну как дите малое...» вызывали у окружающих улыбки – ворчун был моложе своего генерала. После того, как кто-то из офицеров припомнил его знаменитого тезку – Дубасова, маленький портрет генералиссимуса Суворова неизменно украшал стену помещения, в котором хотя бы на день располагался Найденов. Не стало исключением и купе поезда, которому ушлые путейцы сумели присвоить ранг литерного. Все тридцать шесть часов, за которые мини-эшелон домчался до Москвы, Александр

Васильевич ясными глазами, чуть заметно улыбаясь, наблюдал за потомками.

* * *

Устало выпустив пар, один из лучших локомотивов империи по прозвищу «Русская Прери» прибыл на излюбленный «пункт швартовки» большинства московских железнодорожников – Казенный винный склад № 1. Но наполеоновские планы по «пополнению» винных запасов были сорваны полученной телеграммой: «Поторопитесь освободить платформу. Через полчаса прибывает поезд принца Ольденбургского».

Всеобщее разочарование не разделяли, пожалуй, лишь генерал Келлер и Прохор, которым изрядно надоела дорога, хотелось смыть с себя мельчайшую угольную пыль, неизбежную спутницу путешествующих по железной дороге, и просто размять ноги.

Они едва успели совершить небольшой моцион, как к платформе подошел личный поезд принца.

Федор Артурович по вьевшейся в кровь и плоть военной привычке скользнул рукой по фуражке, отдернул китель, и без того идеально облегающий его фигуру, сохранившую юношескую стройность, и направился к середине платформы, где уже сформировалась группа встречающих. В ней наряду с разноеведомственными чиновниками преобладали отблескивающие серебром погоны военных медиков, причем некоторые из них были даже украшены вензелями коллежских асессоров Императорской военно-медицинской академии и статских советников Московского военного госпиталя Петра Великого. На вицмундирах поблескивали целые гирлянды Станиславов и Владимиров разных степеней.

Увидев неспешно приближающегося генерал-лейтенанта гигантского роста, присутствующие мгновенно развернулись к нему, ухитрившись при этом сохранить построение в соответствии со старшинством чина. В первую очередь они мгновенно оценили ордена Святого Георгия 3-го и 4-го классов, а также знаки отличия тех же степеней на генеральском кителе. Инстинктивно чиновники и медики опустили глаза на собственные награды. Но, увы, все они были без мечей...

Подойдя ближе, Федор Артурович приложил правую ладонь к фуражке в ответном приветствии и представился:

– Добрый день, господа. Честь имею представиться – генерал-

лейтенант Келлер. Позвольте присоединиться к столь представительному собранию и встретить его императорское высочество?

Естественно, что согласие было высказано единодушно и прозвучало хором. Далее последовала церемония представления, которую невольно прервал сам Федор Артурович. Граф, не страдавший близорукостью, заметил стоявшего позади всех медицинских «полковников» и «генералов» пожилого мужчину с погонами полкового зауряд-врача и, вызывая недоуменные взгляды собравшихся, остановился перед ним.

На его далеко не новом мундире одиноко висел потемневший от времени серебряный крестик, тот, который в народе именовали солдатским Георгием.

Дело в том, что чиновники, встречающие принца, на собственном опыте были знакомы с его решительным и взрывным характером, нетерпимостью по отношению к разгильдяйству и неисполнительности. А учитывая, что, находясь на театре военных действий, Александр Петрович подчинялся непосредственно верховному главнокомандующему, а за его пределами – только императору, последствия для проштрафившихся могли быть весьма печальными. Смягчить сердце генерала от инфантерии, который отличился личной храбростью в русско-турецкой войне, могло присутствие или красивой женщины, или участника тех далеких, но славных лет. С подходящей дамой на этот раз не повезло, вот и пришлось пригласить Евстафия Ивановича Водкина, который, будучи студентом медицинского факультета Московского университета, летом 1877 года сбежал на войну освобождать «братушек» от турок. Отличился личной храбростью, вынес с поля боя не один десяток раненых, за что и был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени. После окончания военных действий завершил учебу и решил связать свою судьбу с армейской службой. Но ершистый характер, неумение кланяться и, самое главное, – кристальная честность не способствовали карьерному росту. А далее появилась привычка, возможно, навеянная историческими корнями фамилии, искать утешения в хлебном вине. Но при этом громадный опыт, который, как известно, не пропьешь, природное чувство диагноста, умение практически голыми руками оказать помощь при ранении или травме всякий раз удерживали начальство от увольнения доктора в отставку.

А посему, привычно поднимая рюмку, наполненную до краев продукцией товарищества «Бекман и К^о», Евстафий Иванович любил декламировать вслух самому себе строчки, написанные одним из его друзей, отставным поручиком:

Пускай полковником не стал,
Вельможных дланей не лобзал
И пред «моментами» не гнулся.
Я помню с детства: «Аз, воздам!»
Оценит Бог нас по делам,
Не за умение прогнуться!

– Бог мой, Евстафий Иванович, неужели это ты? – негромко произнес генерал. – Какими судьбами? Вспомнил, как перевязывал лейб-драгунов под турецкими пулями и снова рвешься в бой?

– Так точно, ваше превосходительство, как такое позабудешь? Горячие выпали тогда деньки, да и солдатики наши под огнем не кланялись, рубили супостатов до конца.

– Забудь, пожалуйста, друг любезный, про титулы. Для тебя я, как и раньше, просто Федор Артурович, но обо всем поговорим чуть позже, вот только повидаясь с его императорским высочеством.

Тем временем из вагона вышел полковник, который управлял военно-походной канцелярией принца Ольденбургского и был известен как талантливый рассказчик анекдотов. То обстоятельство, что его взгляд сразу остановился на Келлере, свидетельствовало об определенных инструкциях, полученных от принца.

Подойдя к встречающим, он обратился к Федору Артуровичу:

– Здравия желаю, ваше превосходительство. Честь имею представиться, полковник Кочергин. Его высокопревосходительство, генерал от инфантерии принц Ольденбургский незамедлительно примет вас в штабном вагоне. А вам, господа, придется немножко подождать. Прошу простить, но дела ратные, прежде всего, а генерал-лейтенант Келлер прибыл прямо с передовой.

Федор Артурович направился к вагону, успев на ходу напомнить Евстафию Ивановичу, чтобы тот непременно его дождался. Такой расклад поначалу несколько расстроил встречающих, но один из статских советников, мгновенно просчитав изменившуюся обстановку (сказывался, вероятно, многолетний опыт ночных карточных игр в Английском клубе), изрек:

– Господа, а ведь ситуация разрешается ещё более благоприятно, чем мы предполагали поначалу. Сейчас принц с графом вспомнят вместе, как били когда-то турку, в общем, освежат в памяти «времена Очакова и покорения Крыма», а там и «адмиральский час» поспеет. Я уверен, что его императорское высочество будет в самом благодушном настроении. А пока

дайте знать начальнику госпиталя о готовности к высочайшему обходу и торжественному обеду.

Тем временем, генерал Келлер, войдя в штабной вагон, попытался поздороваться в точном соответствии с военным этикетом. Однако Александр Петрович Ольденбургский вне дворца не жаловал тонкости политеса, а посему он запросто пожал руку Федору Артуровичу.

Жаль, что в этот момент, рядом не оказалось Васнецова или кого-либо из его учеников, чтобы запечатлеть двух немолодых мужчин богатырского роста и стати. Одного, сохранившего юношескую стройность, и другого, чуть пониже, с возрастом погрузневшего, но не по годам подвижного. Принц олицетворял собой славные дела века прошлого, тех прошедших дней, когда Европа послушно ожидала, «пока русский Царь рыбачит». Тех времен, когда казалось, что русские солдаты под гром пушек и оркестров, вышвырнут прочь турок из града Константинова и над Святой Софией вновь засияет православный крест.

По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний, –
Но ничего уж завтрашнего нет...

Эти строчки великого Вяземского как нельзя лучше подходили к генералу от инфантерии Александру Петровичу Ольденбургскому.

Граф Келлер, прошедший еще юношей ратную школу в тех же сражениях, являл собой некий мост, соединяющий века и события. И этим двум ярким, неординарным людям было, что вспомнить и о чем поговорить. Но законы русского гостеприимства святы, а «соловья баснями не кормят!». Именно с этими словами принц предложил продолжить серьезный разговор за накрытым столом.

– Благодарю вас, Александр Петрович, с удовольствием принимаю ваше приглашение, но вот только у меня на платформе денщик остался, он со мною почти десять лет, вместе через огонь и шрапнель прошли. Да и еще один старинный знакомец дожидается, полковой зауряд-врач. Он еще студентом на турецкую войну сбежал и даже солдатский Георгий заслужил. Так мы с ним, почитай, с тех пор и не виделись. Он человек хороший, да и врач, как говорится, – от Бога. Но, видать, как и мы с вами, не созданный для мирной жизни. Я на него посмотрел: как был на груди солдатский Георгий, так и остался, ни Анны, ни Станислава – не чета остальным встречающим. У них на мундирах орденов столько, что впору в атаку на

пулеметы посылать – все пули отскакивать будут.

– А вы, Федор Артурович, как я погляжу, ничуть не изменились, – ворчливым, но довольным тоном ответил принц, который, как и большинство фронтовиков, недолюбливал тыловиков. – Впрочем, я с вами согласен. Но позвольте одну минутку.

Ольденбургский нажал кнопку звонка и отдал приказ появившемуся дежурному унтер-офицеру:

– А ну-ка, братец, пригласи сюда полковника Кочергина... Михаил Васильевич, здесь на перроне остался денщик графа и его старинный знакомый, полковой врач. Прошу вас, распорядитесь, чтобы их поместили в поезде, пока мы поговорим. Да, и чтобы они голодными не остались.

Однако начальник военно-походной канцелярии относился к тому достаточно немногочисленному числу служаек, которые умели буквально предвидеть распоряжения начальства. Поэтому, выдержав паузу в лучших традициях Станиславского, доложил:

– Ваше высокопревосходительство, уже исполнено. Рядовой Найденев и полковой зауряд-врач Водкин размещены в приличествующем вагоне и через пять минут приступят к обеду.

Генерал Келлер был явно ошеломлен такой предусмотрительностью, хотя ни для кого не было секретом, что командиры и начальники разных рангов ценили подобные качества в своих адъютантах и даже порой устраивали негласные соревнования. Но здесь работал мастер экстра-класса.

Ольденбургский, давно привыкший к подобным чудесам в исполнении своего главного делопроизводителя, самодовольно усмехнулся и решительным жестом пригласил к столу.

Преддверием начала серьезного разговора стала рюмка водки, которую Александр Петрович отмерил собственноручно. И перед тем, как выпить, сказал несколько слов:

– Знаю, Федор Артурович, что вы брата схоронили. Помянем Артура Артуровича, пусть земля ему будет пухом.

Не чокаясь, они одним глотком проглотили водку и замолчали на пару минут, думая каждый о своем. Увы, приходит то время, когда человек все чаще теряет, чем находит близких ему людей.

Далее обед прошел практически в тишине. И лишь только после тоста Ольденбургского за то, чтобы собраться с силами да погнать тевтонов вплоть до Берлина, обстановка вновь стала более комфортной. Генерал Келлер несколько раз пытался завести жизненно важный для него разговор, ради которого он и просил принца о встрече, но Александр Петрович

решительно пресек эти поползновения.

– Не будем спешить, граф, я тут давеча с нашими японскими союзниками встречался. Так они все важные решения принимают за чаем. Как это они там называют? – Достав из кармана блокнот, он прочитал: «Отя-ни симасё» – «Попьем чаю». И мы так же поступим. И не из нагревателей этих электрических, а по-настоящему.

Вестовые тем временем заменили сервировку. Появились пышущий паром самовар, колотый сахар, еще теплые булочки, испеченные в полевой пекарне, и любимое кушанье русских дворян – варенье.

Дождавшись, пока они снова останутся вдвоем, принц, видя, что Келлер колеблется, не зная, как начать разговор, взял инициативу в свои руки:

– Федор Артурович, когда получил от вас радиogramму из Кисловодска, то сразу понял, что просьба ваша лежит в сфере медицинской. О ранениях ваших знаю из приказов по армии, да и из газет. А сейчас и сам вижу, что подлечиться нужно, а то лицо осунулось и седины изрядно прибавилось. Выбирайте любой госпиталь, больницу, а если пожелаете, то можно и за границу съездить.

– Александр Петрович, вы правы – нужен мне врач, да не простой, хотя именно у вас такой и есть. И дело не в ранах, а точнее не только в них одних. Видать старая контузия пробудилась, когда я упал ненароком. Теперь порой голоса в голове слышу, да и сны разные вижу... А у меня в корпусе медикусы подсказали, что под Москвой некий институт новый открылся, директором в котором сам академик Павлов. А у него заместителем рекомендованный мне доктор Голубев. Так он, говорят, последствия контузии излечить может.

– Вы, вероятно, Михаила Николаевича в виду имеете? Есть такой. Доктор от Бога, да из не кабинетных, госпиталем на фронте командовал. И человек правильный. На Пироговском съезде настоящий бой дал разным злопыхателям. Там история еще одна была, ну просто детектив какой-то! После заседания доктора и его друга то ли избить, то ли убить пытались. Но Михаил Николаевич твердым орешком оказался, да и полиция наша на этот раз сработала моментально. Задержали мазуриков и доказательств изрядно собрали. В общем, загремели голубчики за решетку, и адвокаты не помогли. А доктору нашему и угрожать пытались и деньги предлагали. Но не того напали! Думаю, что это именно тот человек, который вам и нужен. В общем, сейчас пошлем им в институт весточку и обо всем договоримся.

Александр Петрович еще раз вызвал дежурного унтер-офицера и распорядился:

– Передайте распоряжение в радиальный вагон, пусть вызовут на связь академика Павлова. Он сейчас в Подмоскowie, в своем институте. Как только он ответит, дайте нам знать...

Глава 17

Следующий день начался небольшим сюрпризом-переполохом. Сразу после завтрака народ, ожидая построения, кучковался в курилке. Унтер Боря Сомов, поглядывая на часы, дабы соблюсти пунктуальность, поточнее своего закадычного друга и соперника Чернова, собирался уже командовать построение, когда оттуда раздался негромкий хлопок, перешедший в вопль «Убью!», и из солдатской массы стартанул сначала вольноопределяющийся в данный момент в выборе направления студент-химик Горовский, а затем кто-то из бойцов. «Черт, не смог рассмотреть кто, оба залетели за угол, скрыв от нас самое интересное – концовку погони» – подумал я. Фельдфебель Остапец, знавший своих погранцов со всех ракурсов лучше меня, усмехнулся в усы.

– Доспорился петух крикливый...

– Иван Иванович, я чего-то не знаю? – Это что-то новенькое в нашем дружном коллективе. – Что за споры?

– Да это мой «любимец» Паньшин уже второй день бухтит на господ студентов. Слух прошел, что вы их к медалям «За храбрость» представили. Вот он и донимает вопросами, где же они свою храбрость проявили.

А, ну понятно, в чужих руках... булка всегда толще. Жаль, не было этого крикуна рядом, когда вместе с Максимкой минировали баллоны с хлором. Поучаствовал бы в мероприятии, не задавал бы глупых вопросов. Хотя он тоже без дела не сидел... Ладно, надо будет провести беседу на тему «Взаимодействие, взаимовыручка и взаимопомощь специалистов разных специальностей в работе диверсионной группы». Причем сразу со всей ротой. А еще пора возобновлять длительные марш-броски, а то вижу, что застаиваться молодцы начали, дурные мысли в головы лезут.

– И чем, Иванович, спор закончился?

– Дык Максимка сказал, што ентова дурня сваёй химией поучит маненько. И, видать, сдержал слово-то.

Стоящие рядом Оладьин и Михалыч ухмыляются.

– Ладно, разберемся. Пошли, господа командиры, развод учинять...

Спустя полчаса, когда все дружно разбежались по своим местам, вызываю в канцелярию всех студиозусов, чтобы устроить разнос. Ставил им конкретную задачу еще во Дворце разобраться с трофейными «консервами», до сих пор ни ответа, ни привета. А с Максом вообще отдельный разговор будет. Расслабился что-то будущий Менделеев.

Веселая троица появляется почти моментально, как будто ожидали под дверью.

– Ну, что, соколы ясные, расскажите-ка, с каких пор приказы командира роты не являются обязательными к исполнению?.. И куда молчим? Более важными делами были заняты? А, господин Горовский?.. Я вам еще когда поручил разобраться с трофейной железякой? Жду ответа, желательно краткого и по существу.

– Разрешите доложить, ваше благородие! – Максим вытягивается во фрунт, поедая начальство искренне преданными глазами. – Ваше приказание выполнено! Вышеупомянутый предмет детально изучен!

– И почему только сейчас докладываете?

Илья Буртасов, старший из студентов-горняков, принимается интеллигентно объяснять:

– Денис Анатольевич, мы только вчера вечером закончили. Решили, что будет удобней доложиться сегодня поутру. Вы же вчера с поручиком Дольским были заняты.

Ну, жулики! Типа мы бы доложили, да командир пьянствовать-веселиться изволил, не велел беспокоить.

– Ладно, и чем вы порадуете любимое начальство? Давайте, рассказывайте, что там такое.

– В общем, расковыряли мы остороженько одну из жестянок. Это – германская мина, но довольно хитрая. Она – как снаряд, уложенный в жестяную гильзу. Сам корпус состоит из двух жестяных же стаканов, между которыми уложены маленькие стальные цилиндрики. Внутренний стакан заполнен взрывчаткой...

– Судя по виду и запаху, там динитронафталин. – Горовский не выдерживает и пытается вставить свои «три копейки».

– Максим, еще раз неприлично выругаешься, отправлю копать землю.

– Зачем?!

– За казармой. Чтобы впредь неповадно было товарищей перебивать и умными словами сорить. Продолжай, Илья.

– Внизу гильзы находится вышибной заряд. – Буртасов косится на Макса, но тот молчит, изображая оскорбленную невинность. – Мешочек с черным порохом и электродетонатор. Да, посередине основного заряда проходит трубка с прорезью. Внизу ее закреплен ударник. Мы посоветовались и думаем, что сверху трубки должен крепиться капсюль. А когда на электродетонатор подается ток, пороховой заряд, скорее всего, вышибает мину вверх. Она летит до тех пор, пока не натягивается специальная цепочка, которая тянет капсюль по трубке навстречу ударнику.

Происходит взрыв. Мы посчитали, если закапывать мину полностью в землю, то шрапнель разлетается на высоте около аршина. Насколько далеко – не знаем... Хотелось бы попробовать одну...

– Вы что, хотите вот так, прямо в черте города устроить взрыв?.. Обалдели? Нет, ну ни хрена себе заявочки! Забудьте, как страшный сон!

– Мы тут сарай старый нашли, ничейный. Бревенчатый. В нем и разбирали мину. Там стены хорошие, должны выдержать...

– Так, пока ничего не предпринимать... НИЧЕГО!.. Я подумаю... С этим понятно. Теперь займемся лично вами, юноша, – обращаюсь непосредственно к Максимке. – Что за цирк я наблюдал сегодня утром перед разводом?

– Денис Анатольевич, Максим по личной инициативе сделал несколько петард. Ну, чтобы на занятиях имитировать разрывы гранат, – Илья пытается вступить за друга.

– Ну-ка, ну-ка. Отсюда поподробней. Образец есть?

Горовский достает из кармана пару бумажных трубочек размером с большой палец и протягивает мне. Трубки плотно набиты, в торце каждой торчит по паре спичек головками наружу, обмотанных тонким шпагатом. Пока я осматриваю девайсы, начинает лекцию:

– Внутри – смесь перманганата калия и магниевых порошков с небольшим добавлением алюминиевых опилок. Шпагат пропитан селитрой и служит фитилем. Я сделал несколько штук с разными пропорциями, проверил в том самом сарае. И звук, и вспышка – замечательные... А что осталось, завернул в ма-алюсенький такой цилиндр и в папиросу вместе с табаком забил... Вот.

– Ага, а потом угостил этим Панышина... Тебя из пыточной палаты Тайного приказа не выгоняли за жестокость? Он же после такого курева заикаться начнет с перепугу. Или курить бросит.

– Ну и пусть... – опустив голову, вполголоса бурчит про себя Горовский. – Меньше всякую ерунду болтать будет...

– Все, Максим! Хватит! Детский сад, ей-богу! В твоей храбрости никто не сомневается! Никто!.. Будут возникать вопросы, скажи мне, отправлю тебя с неверящими на персональные занятия по взрывному делу. Вот там и пугай. Только не до смерти, пожалуйста... А теперь слушайте новую задачу. Одну мину оставить нетронутой для начальства... В смысле, переслать по команде в Техническое управление. А к остальным придумайте взрыватель натяжного действия, чтобы можно было, как растяжку ставить. Понятно?.. Вперед, дерзайте, гении!..

Остаток дня занимался накопившейся текушкой и совместно с Сергеем

Дмитриевичем решал неотложные вопросы, пока наконец-то около пяти часов вечера окончательно не разобрались с размещением роты, а также определили местоположение и даже частично начали оборудование полосы препятствий, площадки для занятий рукопашкой и миниатюрного тактического поля. Процесс сдерживался отсутствием капитана Бойко, который мастерски умел разруливать вопросы с тыловиками. Но Валерий Антонович вместе со всем штабом попал в «пробку». Сразу за Барановичами железная дорога была плотно забита эшелонами, поэтому командарм вызвал из Минска автоотряд, доставивший нас, чтобы все-таки добраться до нового места расположения штаба.

На сегодня все, что можно было сделать, уже сделано, посему, оставив личный состав на попечение своего зама, который, кажется, начал входить во вкус командования, вызывая не совсем обоснованные подозрения в желании «подсидеть» ныне существующее начальство в моем лице, и отправился ознакомиться с городом и сделать еще одно дело. Хотел навестить в госпитале подпоручика Берга и попытаться разагитировать его остаться у нас. Давно в голове крутились мысли о необходимости создания группы огневой поддержки, или отделения тяжелого вооружения. Учитывая, что перед последним будут поставлены самые разнообразные задачи от минометной и артиллерийской поддержки действующих групп до массового применения, насколько это возможно, ракетного вооружения при прорыве укрепленной обороны немцев, то есть создания прообраза и аналога существовавших гораздо позже «Катюш» и «Градов», штабс-капитану Волгину одному будет трудновато со всем этим справиться. Очень не помешал бы толковый и дельный помощник, да, скорее всего, и не один. Передал бы им всех моих студентов, и пусть бы двигали эволюцию в этом крайне нужном направлении. А если все сложится хорошо, то и пополнить Романа Викторовича в наши подпольные ряды заговорщиков-прогрессоров.

Погруженный в эти мысли-мечты, пробирался по колдобинам, краем сознания благодаря небесную канцелярию за то, что уже около недели не было дождей и непролазное в таком случае глиняно-грязевое месиво выселковых улочек превратилось в очень неровную, но достаточно твердую поверхность, и обходя кучки конских «яблок» и лужи свежавылитых помоев. Адрес госпиталя мне дал Федоренко при расставании, как добраться до нужного места, объяснили драгуны, уже достаточно освоившиеся в Минске. Размышления прервала черная кошка, метнувшаяся прямо передо мной на другую сторону улицы. Пара местных бабок с интересом стали ожидать, что же будет делать их благородие в

такой ситуации, но веселухи не получилось. Я спокойно пошел дальше, глаза по сторонам на городскую цивилизацию начала двадцатого века и помня вычитанную где-то фразу: «Если вам дорогу перебежала черная кошка, то это означает только то, что животное идет куда-то по своим делам. Не создавайте лишних проблем ни ему, ни себе».

Пока что особой разницы между губернским городом и маленьким городишком, в котором находился госпиталь, не видел. Бедняцкие окраины, маленькие неказистые лачуги, лепившиеся одна к другой. Эта неряшливая лента изредка прерывалась строением понарядней, на фасаде которого висела надпись «Лавка. Продажа дегтю, керосину и сахару», или просто, понятно и лаконично – «Трактирь». Несмотря на сухой закон, последние работали и были заполнены людьми чуть ли не под завязку, да и те, кто оказывался поблизости, имели очень характерный вид и запах. Тут же мельтешили взад-вперед различные непонятные личности и стояли, подпирая стены, барышни не очень серьезного поведения, те самые «фифки», о которых упоминал Мойша Леебензон. Кто-то из них пытался обратить на себя внимание вероятных клиентов достаточно фривольными позами, другие пытались добавить к визуальному восприятию громкую рекламу своих физиологических прелес... особенностей. Судя по трем замеченным вдалеке и поспешно ретировавшимся фигурам в солдатской форме, военные были здесь частыми гостями. Меня из-за офицерских погон жрицы любви окликать не осмеливались, только провожали либо дежурно-безразличными, либо недоуменными взглядами.

Почти в конце пути, повернув на последнем перед госпиталем перекрестке, я наткнулся на немного шокирующую картину. Возле очередного «питательного заведения» стояли четыре девицы вполне определенного образа жизни, лениво покуривая и негромко переговариваясь друг с другом. А перед ними, понурившись, стояла тощенькая белобрысая девчонка лет десяти-одиннадцати в затертом и неоднократно залатанном платье и стоптанных дырявых ботинках. В одной руке она держала пачку папирос, другая была сложена лодочкой. И в нее, как в пепельницу, стряхивался табачный пепел. А-х-хренеть, блин!.. За что ей такое?.. Или малявка этим на кусок хлеба зарабатывает?..

В госпитале меня ждал неприятный облом. Раны Берга оказались серьезней, чем ожидалось, и его перевели в другое место. Новый адрес, конечно, дали без разговоров, но сегодня я туда уже не успевал. Жаль, придется возвращаться не солоно хлебавши. Подходя к перекрестку, вдруг услышал нечленораздельные вопли и громкие шлепающие звуки. Как будто невидимая пружина толкает вперед, залетаю за угол и вижу очень не

понравившуюся картину. Спинай ко мне стоит одна из тех «веселых» девок и, удерживая одной рукой за куцую косичку давешнюю девчонку, другой со всей дури лупит ее по щекам... Стоять!.. Два быстрых шага, рука шалавы поднимается в очередном замахе, захват за предплечье у самого локтя, большой палец привычно находит нужную точку, надавливает на нее и отталкивает вправо...

На занятиях много раз отрабатывали такое болевое удержание. Когда попадаешься, мысли моментально куда-то исчезают, весь мир съеживается до маленькой точки возле локтя, где крепится мышца и где живет всепоглощающая боль, заставляющая подкашиваться ноги и делающая абсолютно послушным любого... Фифка исключением не становится, поэтому, выпустив свою жертву, включает сирену с переходом в ультразвук и семенит вслед за ставшей источником кошмарной боли рукой к крыльцу кабака, чудом промахнувшись своей физиономией мимо перил. Неудачно пытается зацепиться за них, чтобы затормозить, изображает горизонтальный штопор и приземляется своей пятой точкой на ступеньку. Где и остается сидеть, приходя в себя и ничего не соображая. Слева девчонка оседает на землю, шмыгая разбитым носом и размазывая струйку крови с текущими слезами по чумазым щекам. Потом поднимает на меня глаза, в которых плещутся отчаянный страх и боль. А мгновение спустя ледяным кипятком обжигает понимание этого взгляда. Так мог бы смотреть котенок, с рождения привыкший к теплу и ласке мамки-кошки, которого вдруг зло и беспощадно, упиваясь собственной силой и вседозволенностью, выдергивают из его привычного уютного мирка и мучают, наслаждаясь чужим страданием и доводя до крайнего выбора: или, собрав всю свою невеликую силу, ответить обидчику и, скорее всего, умереть, или превратиться в безвольную живую тряпку, забывшую от невыносимой боли о чести и достоинстве и выполняющую любую прихоть новоявленного хозяина...

Да ё... мать!!!.. Этого!.. Не!.. Будет!.. И вы, твари, лучше сами сдохнете!..

Шаг вперед, поворот направо. Теперь мелкая у меня за спиной. Шалава на ступеньке приходит в себя, смотрю ей прямо в глаза тяжелым и очень нехорошим взглядом. Быстрее всех соображает одна из ее товарок. Пока остальные стоят с раззявленными ртами, она бросается в кабак. За подкреплением? Нью-нью... Давайте, давайте, сволочи, поиграем!..

Поворачиваюсь и опускаюсь на корточки перед девчонкой, ревушей в беззвучной истерике. В ее глазах сквозь животный страх появляется проблеск робкой, еще неосознанной и дикой надежды. На то, что боли и

унижения больше не будет. На то, что теперь всё будет хорошо... Не отдавая себе отчета, не думая ни о чем, произношу фразу, от которой уже не смогу отступить:

– Не плачь, маленькая. Больше тебя никто не тронет.

Протягиваю руку, чтобы погладить ее по голове, она судорожно съеживается, повторяя свое сходство с маленьким пушистым зверьком, но потом расслабляется, и мои пальцы скользят, по головке, судорожно вздрагивающей от плача, по растрепанным белёсым волосенкам. С огромным трудом сдерживаюсь, чтобы не развернуться и не покрошить ту суку прямо на крылечке. Сзади, судя по шагам, появляются другие персонажи.

– Господин офицер! Ви таки извините, что я к вам обращаюсь, но и что здесь происходит?

Ага, а вот это уже «крыша» нарисовалась. Бандерша, или по другому – «мамочка». Толстая еврейка лет сорока, одетая в «последний писк моды», как это понимают в трущобах, сшитый где-нибудь рядом в ближайшем подвале за копейки. Образ дополняет сложносоставной аромат, состоящий из запахов селедки, жареного лука и недавно употребленной водочки. Чуть позади нее маячат два колоритных типчика. Один – мелкий, худой, остроносый, с нагловатыми бегающими глазенками, одетый типично по-пролетарски. Штаны в сапоги, давно не стиранная рубаха-косоворотка с плетеным из узких полосок кожи ремешком, мятый пиджак явно с чужого плеча. Второй одет попримечней. Темно-серая пиджачная пара в мелкую клетку с относительно белой сорочкой и полагающейся в таком случае бабочкой, штиблеты и черный котелок. Мордочка с закрученными усиками довольно упитанная, здорово смахивает на наглого обожравшегося кота. Пытается пристальным, не очень приятным взглядом просверлить во мне дырку.

Мамочка быстро просекает ситуацию и решает навести порядок так, как она это понимает:

– Ривка! Шмара подлая...

Далее изредка понятны только отдельные слова, характеризующие физиологию и поведение последней и относящиеся к ненормативной лексике, разбавленные пулеметной скороговоркой на идише. В конце второй минуты жрица любви была уведена внутрь кабака «котом» в шляпе, отхватив по пути хорошую плюху, а бандерша снова обратилась ко мне:

– Я таки жутко извиняюсь, господин офицер. Я – Рахиль, мне тут усе знают. А ето – мои дэфочки: Сима и Магда. И я таки скажу вам по секрету, господин офицер, любая из них могёт подарить такое блаженство

мущине, – при этих словах толстая сводня закатывает глаза и причмокивает языком, – какого он таки никогда не видел! Какую из них господин офицер выберет?

Слух коробит насмешливо-презрительный тон, которым все сказано. Как бы между строк читается, мол, не ерепенься, бери шалаву, гони деньги и отваливай. Всепоглощающим смерчем в голове проносится обжигающая бешеная злость, которая спустя мгновение уступает место холодной ярости.

– Я уже выбрал. Ее. – Показываю рукой на малявку, пытающуюся спрятаться у меня за спиной. – Сколько?

– Таки господин офицер ошибается. Ето прислужка, взятая из жалости. Выберите любую мою дэфочку и таки не пожалеете. – Мамочка не скрывает торжества в голосе. – Но мы уфсегда рады услужить господину офицеру. Если он хочет именно вот ее, таки мы – согласны. Но ето будет стоить очень дорого. Тридцать рублёв...

Далее, по ее логике, должна следовать сцена торговли с присущим циничным нахваливанием первосортности и нетронутости «товара». Придется ее огорчить.

– Тридцать рублей? – Хорошо, что заначка в кармане, взял на всякий пожарный. – Хорошо. Я даю деньги и забираю девочку. Навсегда!

Вот так вот, немая сцена. Правда, бандерша быстро спохватывается.

– Таки ето невозможно, господин офицер! Она... не отработала свой долг! А ето ишо... двадцать рублёв!..

Долг, говоришь? У маленькой девчонки? Перед содержательницей притона?.. А-га, щас! Небольшой шаг вперед, слегка наклоняюсь, стараясь не дышать исходящими кухонными ароматами, к которым присоединился еще и запах пота, говорю негромко, чтобы слышала только она и ее «секьюрити»:

– Ты так дешево ценишь свою жизнь, старая сволочь? Только вот пикни еще что-нибудь, я устрою тебе похороны на всю сумму... Тридцать рублей! Всё!

Подручный «пролетарий» пытается вклиниться между нами, затем, наклонясь, тянется к голенищу, где, скорее всего, что-то спрятано. Демонстративно перехватываю ножны левой рукой, чтобы удобней достать шашку, и смотрю ему прямо в глаза. Тот, все поняв, замирает, потом медленно выпрямляется. Достая из кармана портмоне, вынимаю купюры и якобы нечаянно роняю их на землю.

– Деньги теперь твои. Девочка теперь моя.

Никто не возражает и не шевелится. Поворачиваюсь, беру в свою руку маленькую ладошку. Если этот придурок все-таки возьмется за нож,

услышу, и пусть потом не обижается. За железку хвататься «пролетарий» побоялся, только прошипел сквозь зубы обычную блатную страшилку:

– Еще встретимся, фрайер. Кокну пером, будет тебе амба и ша...

Никогда не был знатоком воровского жаргона, но кто сказал, что солдатский диалект русского языка девяностых годов двадцатого века сильно от него отличается?

– А ты кто таков, сямка позорная, чтобы меня на перо ставить, а? – Медленно поворачиваюсь к придурку. – Ну-ка, обзовись, чушок, погоняло свое ляпни!.. Твой номер – шестой и твое место – у параша, усёк?..

Вот теперь точно-немая сцена. Я так думаю, что в начале века офицер русской армии, разговаривающий на фене, – это что-то!

Глава 18

Идти быстро мы не могли, – все же десятилетний ребенок, еще и после всего пережитого, да и не старались. Прогулочным шагом шагали по улочкам, провожаемые недоуменными взглядами... Их благородие куда-то и зачем-то ведет за руку маленькую замурзанную оборвашку. Пройдя импровизированный КПП, отправился искать нашего фельдшера и нашел его проводящим занятия с ротой по оказанию первой помощи. Препоручив личный состав санинструктору, наш эскулап быстренько провел у себя в медпункте осмотр девчонки, попытавшейся при этом снова испугаться и успокоившейся только в моем присутствии, и выдал заключение:

– Ничего страшного, вашбродь, не найдено. Кожа чистая, паразитов нет. Нос разбит, но не сломан, на левой щеке – гематома, пройдет через недельку. – И уже другим тоном добавил: – Кто ж ее так?.. Дитё ж еще совсем.

– Да есть тут в городе... Твари некоторые...

«Племяшка», вовсю командовавшая на кухне, отнеслась к нашему появлению более эмоционально:

– Дядечку камандзир!.. Йёй, божачки! Адкуль жа таки цуд? – Ганна прижимает ладони к щекам. – Цябе як завуць?

– А... Алеськай мамка кликала...

– Пойдзь сюды, малёнькая!.. Не трэба баяцца. – Видя, что та не решается пошевелиться, девушка сама подходит ближе и тихонько обнимает малявку, затем вопросительно смотрит на меня.

– Ганна, будь добра, ее нужно отмыть, накормить, напоить и спать уложить. Почти как в сказке. Девочка остается здесь, с нами. Освоится, будет тебе вон помощницей.

– Гэта мы – зараз. Тольки вады падагрэем... Астап, Микола, гатуйце далей без мяне!..

Через пару часов забегаю проведать найденыша и посмотреть, как там у нее дела. Дитёнок уже спит, свернувшись в маленький комочек на Ганниной кровати, а «племяшка» тихонько гладит ее по голове и украдкой вытирает глаза. Обернувшись на шорох, хочет подняться, машу ладонью, мол, сиди. Спрашиваю шепотом:

– Все в порядке?

Ганна в ответ кивает, потом также тихо шепчет:

– Адкуль яна?

– На улице нашел. Обижали ее. Больше не будут...
– Мы тут пагаварыли... Яё з братикам бацьки прадали у горад...
– Как это продали?.. Они что, вещь какая-то? – Чего-то в этой жизни я не понимаю. – Как можно продавать своих детей?

– Лесячкаказала, што да них у вёску прыехау якис-ци пан Бенямин. Пагаварыу з бацькамі, абяцау малых да дела у горадзе прыставиць. Маці была супроців, але бацька з ім выпили шклянку гарэлкі, да бумагу падпісалі. Гэты Бенямин дау дзесяць рублеу і забрау яе і брацка. Прывез у Мінск і аддау дзяучынку мамачцэ Рахелі у паслужніцы. А хлапчука, яго Данилкам кличуць, узялі учыць вараваць з кішэння...

– Даже так? Ну-ну... Значит, придется еще раз в гости к этим гнидам наведаться. – Ободряюще улыбаюсь девушке. – Забрали девчонку, заберем и пацана.

– А кали не аддадуць?

– Отдадут. Жить захотят – отдадут, еще и спасибо скажут... Все, спите, я завтра зайду...

К отбою уже все знали, что «в нашем полку прибыло». Парни сначала обрадовались, но потом чуть поутихли, когда узнали, что новой «племяшке» командира всего лишь одиннадцать лет от роду. Но поглядеть на нее хотели все и с самого утра крутились возле хозблока, пока рассерженная Ганна не пообещала перекрестить особо рьяных мокрым полотенцем по мордочке и устроить такой завтрак, какого они долго не забудут. Все это время Алеся, одетая в чистую нательную рубашу, тихонько, как мышка, не смея высунуть носа за дверь, сидела в ее комнатке и ждала, когда высохнет лоскутное платьишко, выстиранное с вечера.

Чтобы прекратить это безобразие, пришлось на утреннем разводе объявить во всеуслышание, что, если кто-то хочет найти проблем, то не надо за этим тащиться на кухню и подглядывать, пусть просто подходят по очереди, и я обеспечу всем эти проблемы в достаточном количестве. Длительные, полезные, разнообразные и занимательные. И если свои мозги не работают, то пусть внемлют командирскому гласу:

– Я не так уж часто прошу вас о чем-нибудь. Так вот сейчас именно прошу. Как людей... Поймите вы, я не знаю, как девочка жила в притоне и что с ней там делали. Но только-только девочка оттуда выбралась, тотчас же натывается на две сотни мужиков с горящими глазами и капающими слюнями. Сами прикиньте, что она может подумать! Её ж сейчас как... котенка приручать надобно. Тихонько и с лаской. В общем, если кто мне попадется, не обижайтесь!.. Все понятно?..

Рота в ответ прогудела, дескать, все и так было ясно, просто их, типа,

не так поняли. А особо непоседливые предложили сходить в гости к прежним «опекунам» и как следует расспросить их обо всех подробностях жизни малышки. Пришлось охладить их пыл, напомнив, как немногим ранее самому напоминали о такой интересной книжке, как Воинский устав о наказаниях. Правда, с добавлением, что несколько человек вместе со мной смогут еще разок туда прогуляться, но я сам выберу себе попутчиков.

На следующее утро, тем не менее, найденышку увидели все. Потому что пришлось все-таки представить «очень молодое пополнение», крепко вцепившееся в мою руку, чтобы все в лицо запомнили новенькую, а потом отпустить ее с Ганной на барахолку за новыми ботинками. В сопровождение хотел дать Федора, но Дольский отговорил от этой затеи, мотивируя тем, что, все-таки – нижний чин, мало ли на кого нарвется, и предложил барышням присоединиться к его драгунам, как раз следующим в город под командой одного из его корнетов. Деньги на это мероприятие сначала дал сам из секретного фонда, успокаивая совесть тем, что «дети – наше будущее», затем с этой же мыслью и своими деньгами подошел Сергей Дмитриевич, ну и в заключение явились Михалыч и Остапец, как выборные от коллектива. В роте, оказывается, пустили фуражку по кругу и набрали достаточную сумму, чтобы не только обуть, но и приодеть «дочь полка», в смысле – «ротную сестренку».

Из города «племяшки» вернулись часа через два – Ганне нужно было еще следить за приготовлением обеда. Тем не менее, она переодела Лесечку и под благовидным предлогом вывела покрасоваться во двор. К неопишуемой радости всего коллектива. Приодетая и причесанная малявочка выглядела этакой куколкой, правда, жутко смущающейся и краснеющей от восхищенного внимания всего мужского коллектива. Поэтому, не задерживаясь на свежем воздухе, наши барышни заскочили обратно на кухню. Так, надо будет вечером выбрать время, поговорить с девчонкой, узнать из первых уст все подробности и про нее, и про брата...

* * *

Впрочем, эти подробности пришлось узнать гораздо раньше, и не от нее. После обеда нарисовался неожиданный гость. Дневальный прибежал на тактическое поле и сообщил, что меня дожидается какой-то господин. Заинтригованный по самое «не могу», быстренько иду в расположение, недоумевая на ходу, кому же это из цивильных я понадобился. Сюрприз оказался неприятным. У дверей казармы, покуривая, прохаживается

давешний пижон – подручный «мамочки» Рахили. Так-с, интересненько! И каким же недобрым ветром его сюда занесло? Подхожу ближе, вижу язвительную ухмылочку на наглой морде. Не давая ему произнести и звука, поворачиваюсь к унтеру-погранцу, сопровождавшему это недоразумение в шляпе. Тот, с ходу поняв немой вопрос, рапортует:

– Господин прибыл на КПП, сказал, что по очень важному и срочному делу к вашему благородию. Оставил за себя свободного дневального, сопровождал сюда. Там в пролетке еще один остался и извозчик.

– Добро, иди дежурь, мы тут поговорим. – Поворачиваюсь к уголовнику. – Кто таков? Что надо?

– Что, господин офицер, не ждал? – «Котелок» торжествующе щерится во все свои тридцать два зуба. Пока тридцать два, а дальше – будем посмотреть.

– Не ждал. Говори, что нужно.

– Неласково гостей встречаешь, нехорошо это. – Усатый сплевывает на землю рядом с моим сапогом и щелчком отправляет окурок на крыльцо.

Заметив такое вопиющее издевательство над армейским порядком, в дверях тотчас появляется дневальный и вопросительно смотрит на меня. Машу ему рукой, чтобы исчез, одновременно подмигивая так, чтобы этот тип ничего не заметил. Боец скрывается, понатливо кивнув.

– Во-первых, я тебя в гости не звал. Во-вторых, здесь мусорить не надо.хлопотно это. Курят у нас вон там. – Показываю ему за спину в сторону курилки. – Третий раз спрашиваю: чего явился?

Из-за казармы появляются несколько погранцов и устраиваются в курилке, краем глаза наблюдая за нашим общением.

– Как я посмотрю, больно ты борзый, господин хороший. Имя, может, скажешь своё? Не благородием же тебя называть, – хамит гостюшка незванный.

– После тебя. И подумай хорошенько, ты действительно хочешь это знать или так, сдуру, интересуешься?

– Не пугай, пуганые уже, и не раз. Меня кто Вениамином Яковлевицем называет, а кому повезло, – тот Беней зовет... Слушай сюда, господин офицер. Больно мутный ты, непонятный. В погонах, а феню мал-мала разумеешь. Не из лягавых ли, часом, золой не сыпался? (Полицейским нижним чином не был?) – Не дождавшись ответа, продолжает: – В общем, потолковать с тобой люди хотят. Ни один хозяин таких темных не любит и на земле своей не терпит. Вечерком, часиков в восемь в трактир заваливай. Там и все вопросы обкашляем.

– Делать мне больше нечего, как по малинам шляться.

– Тебе девчонка малая сказала, наверное, уже, что ейный братец подо мной ходит? Не придешь сегодня, я ему поутру ноги переломаю и грызунам (нищим) отдам. Будет христарadniчать на паперти. Так, что подумай. Тебя иван на толковище зовет, понимать надо.

Ну, то, что иваны впоследствии стали называться паханами и ворами в законе, я знаю. Похоже, сам того не желая, разворошил блатной муравейник. По большому счету – до лампочки, но вот угроза мальчишке – это уже серьезно. И требует адекватного ответа. Тем более, сам собирался за ним. Только вот разговаривать таким тоном со мной не стоит.

Короткий свист, бойцам из курилки добратся до нас – пара секунд, не больше. Один запускает в петлю ремень, который змеей обвивается вокруг горла усатого, и сильно дергает назад, двое, подскочив с разных сторон, пинками под коленки делают ему поперечный шпагат и берут ручки на рычаг локтя. Получается этакое живое распятие. Полузадушенный и обездвиженный, бандюган несколько секунд пытается прийти в себя. Наконец, ему это удается.

– А что мешает мне тебя сейчас землицей одарить? Полтора аршина на три. Места у нас много, даже кровь пускать не будем, так закопаем.

– Ах ты, су-х-р-ш-ф...

Боец, натянув ослабленный ремень, превращает нехорошее выражение в набор свистяще-хрипяще-шипящих согласных. Затем легонько отпускает, все же человеку вопрос задан, ответить надо.

– Х-рм... Если я не объявлюсь через полчаса, Штакет мальчишку вечером же кончит...

Понятно, парня в заложники взяли, в террористов играем. Делаю знак своим, чтобы отпустили.

– Значит так... Бенья. Сегодня в восемь я буду в трактире. А ты сейчас поднимаешь свой бычок и как можно быстрее сдергиваешь отсюда, пока я не передумал. Всё понятно?

Отпущенный придурок крутит руками, видать, мои его крепко растянули. Или тянет время, не желая признавать свой проигрыш. Шлепок пряжкой ремня по ягодице заставляет его почти по-бабьи взвизгнуть и дернуться к крыльцу, где до сих пор лежит его «подарок». Засунув окурок в карман, Вениамин, как, блин, его... Яковлевич, злобно озираясь, удаляется в сторону КПП в сопровождении бойца, небрежно помахивающего ремнем, а я иду думать думать и составлять планы на вечер. И первое, что делаю, – озадачиваю дежурного на предмет найти вольноопределяющегося химикозатейника Горовского...

Глава 19

Вечером, ровно в восемь поднимаюсь по уже знакомым ступенькам трактира, по пути минуя двух личностей, явно принадлежащих к уголовному миру, которые провожают меня наглыми ухмылками. В заведении сегодня спецобслуживание, в зале полумрак, разбавляемый светом двух керосинок. Никого нет, кроме гаденько улыбающейся тетеньки Рахили и двух бандюков, как две капли воды похожих на тех, кто изображает кариатид на входе. Эти ребята сидят возле входа в соседнюю комнату, занавешенного чем-то пестрым. Увидев меня, один откидывает занавеску и что-то негромко говорит в глубь «кабинета». Другой тем временем нагло лыбится, затем делает приглашающий жест, мол, шагай, чего встал. Прохожу внутрь, там за столом сидит очень колоритная компания. По центру – знакомый уже Беня, сын Якова, и бородатый, уже в годах, дядька, одежкой похожий на купчину. Маскарад выдает настороженный взгляд злых глаз и жесткое выражение лица. Чувствуется, что не человек – волк в людском обличье. Слева подпирает стену давешний «пролетарий», справа сидит небритый мрачный тип с мощной челюстью и пудовыми кулаками, точнее, кулаком. Потому как правую руку держит в кармане. И, наверное, не пустую и не просто так. На столе накрыто угощение в стиле «а-ля рюсс». Уже начатая бутылка водки в сопровождении неперменных сковородок с яичницей и жареной картошкой, соленых огурцов, квашеной капусты, хлеба, порезанного толстыми ломтями, и сала, наструганного примерно так же.

– Ну, привет честной компании! – Надо же как-то начинать диалог. – Вы звали, я пришел. Дальше что?

Старик смотрит на меня секунд пять, затем, усмехаясь уголком рта, произносит:

– Дальше, мил человек, сядь с нами, поешь, выпей да на наши вопросы ответь. Только пистоль свой и сабельку сыми да положи куда-нить подале.

В принципе, все ожидаемо. Расстегиваю кобуру, достаю наган, замечая краем глаза, как справа напрягся небритый. Наверное, у старого за телохранителя ходит. Протягиваю ему револьвер. Пока отстегиваю шашку, он успевает прокрутить барабан, положить оружие на подоконник и объявить:

– Пустой. Не заряжен.

Конечно. Что я – дурак, что ли? Когда он протягивает руку к шашке,

отрицательно качаю головой и прислоняю «Аннушку» к стене у входа. «Пролетарий» направляется к ней с вполне понятными намерениями. Негромко его предупреждаю:

– Тронешь клинок, – умрешь.

Тот в ответ выхватывает из сапога финку, делает пару интересных пируэтов... и убирает нож обратно по негромкой команде старика:

– Увянь, Штакет. Ошмонай его лучше.

Ага. Так вот ты какой... Штакет в смысле, «мэлко напилэны рэйка». Деревянный по пояс. И сверху, и снизу. На будущее будем знать. Тем временем шустрые ручонки пробегают по рукавам, карманам на груди, шароварам, залезают за голенища сапог. Пора показывать норы.

– Не щупай, я тебе не девка! Или под мужиками больше нравится, а?

Тощий багровеет, снова тянется к сапогу...

– Штакет!..

Ага, слабо без разрешения дедушки ответить? Вот и стой в сторонке. Пока взрослые люди беседовать будут.

– Ты, мил человек, садись, в ногах правды нет. Угощайся за компанию. – Старик пристально смотрит на меня. – Да ответь-ка на вопрос. Кто ты есть?

– Человек божий, обшит кожей, – вспоминается где-то вычитанная присказка. – Ты-то сам кто?

– Я – хозяин здешний. И супротив моего слова здесь никто не идет. – Старый опять улыбается уголком рта. Так, что улыбка становится очень похожей на волчий оскал. – А кто идет, так попадает напрямик в царствие небесное.

– А, так ты и есть тот иван, которому поговорить не с кем?

Брови старика вопросительно поднимаются.

– Твой Беня сегодня прибежал, трепал, что меня какой-то Ваня зовет поболтать. А то скучно ему.

– Ты чё, сука, базлаешь?! – Сутенер вскакивает с места. – Да я тебя...

– Сядь, мазурик! – Дедушка в законе снова наводит порядок, потом обращается ко мне: – Ты, мил человек, не слишком веселись-то. Дела твои – кислые. Так что сиди смирно и отвечай на вопросы...

Фразу прерывает залихватски-пьяная песня с улицы:

В поле путь-дороженька далека,
А трехрядка рвет меха. Ох, легка!
С песнями да гиканьем,
С шашками да с пиками

Едут, едут донцы по Верхам...

В дверном проеме нарисовывается один из «привратников» и на немой вопрос старого отвечает:

– Все тики-так. То трое казачков по улице прошагали. Веселыя – хоть куды. От забора до забора места мало...

Вдалеке затихает:

За плетнями-тынами

Дядьки чарки сдвинули...

Знакомая мелодия. Надеюсь, Розенбаума здесь еще не поют на каждом углу...

– Смотрите там!.. – Старик снова задает вопрос. – Так кто ты, мил человек?

– Мое имя тебе что-нибудь скажет? Ты же не называешься, вот и я не буду. Да и не нужно это тебе. А так, я – подпоручик Русской армии...

– Так ты – простой поц, канающий под делового? – облегченно и восторженно орет Бенья Яковлевич. – Ну, все, амба тебе!

– Бенья, мы с тобой сегодня уже побеседовали. Мало? Еще захотелось? – Недоуменно смотрю на этого клоуна, затем обращаюсь к дедушке: – Успокой свою шестерку, уважаемый. Разговаривать мешает.

– Он – не шестерка, а клёвый маз (хороший вор). И он – не мой, а залетный, с гастролями из Одессы-мамы приехал... – Старик спохватывается. – Коль ты – офицер, откуда блатную музыку знаешь? (Разговариваешь на блатном жаргоне?)

– Я, когда еще студентом был, у нас истопником старый дед-выпивоха служил. Мы с друзьями его иногда угощали, он нам про свою жизнь и рассказывал. – Начинаем играть легенду, уже пора. – Он на каторге срок отбыл, там и вашей «музыке» научился, и нас потом научил малость.

– За что ж он угодил-то? – Старого начинает разбирать любопытство. – Чего натворил?

– Жену зарубил. За то, что к соседу бегала...

– Ну, коль ты – не мазьё, так нам с тобой и разговаривать не о чем. – Бенью на радостях снова понесло. – Вернешь девчонку! А чтоб загладить вину свою, отдашь девку, с которой она на базаре паслась. Штакет говорил – шикарная, клевой марухой станет!

Ох, хорошо, что Котяра его не слышит. Сейчас бы вместо человека свиная отбивная в полный рост лежала бы. Так, а вот это ты хорошо

придумал – закурить и дым в лицо пускать. Сейчас последуем твоему примеру, только еще раз оглядимся. Штакет сидит слева и демонстративно вертит в руках нож. Справа небритый почти не шевелится, но опасностью от него так и несет. Значит, считаем его за основную угрозу. Беня и старик – по ту сторону стола, не дотянутся. А стрелять, скорее всего, не будут. Все, работаем!

Поморщившись от дыма, небыстрым движением вынимаю из кармана портсигар, достаю одну из ТЕХ папирос, прикуриваю и делаю первую затяжку. А после этого нечаянно роняю зажигалку под стол, чертыхаясь вполголоса и, положив папиросу на тарелку, лезу под стол искать свое имущество. Ход мыслей собеседников вполне понятен. Будет вылезать клиент, огребет по голове, а там и по-другому разговаривать можно будет... Раз... Два... Блин, просил же Максима не делать громко, по ушам садануло – будь здоров! И даже под столом вспышка сквозь зажмуренные веки была заметна. Теперь – вперед!

Выскакиваю из-под стола, на всякий случай уклоняясь от возможного удара справа. Красиво! За столом четыре человека пытаются протереть глаза до дыр и шарят руками по столу в поисках неизвестно чего. В левую руку тарелку с капустой, швыряем содержимое в морду небритому, на обратном движении ребро тарелки попадает Штакету в горло, и он с хрипом валится с табурета на пол. Справа небритый обеими руками трет глаза, в которые помимо всего прочего еще и капустный рассол попал. Опаньки, а на правой ручке-то бронзовый или латунный кастет блестит, недаром он ее прятал. Правой ребром ладони в переносицу – еще один в минусе. Беня, заслышав посторонний шум, хочет встать и нащупать что-то в кармане пиджака. Вкладываю всю силу в удар ногой по краю стола. Скорее, даже не удар, а толчок... Есть! Стол прищипливает к стене и старика, и сутенера. Огибаю край столешницы, с правой крюк в печень, клёвый маз сгибается от боли, добавляю сверху под основание черепа. Все!.. Сзади слышится шорох. Оборачиваюсь и вижу в дверном проеме две фигуры в знакомых лохматках, щедро посыпанных золой для пущей невидимости поздним вечером.

– Все в порядке, командир. Четверо тепленьких связанных рядком лежат. Половицы изучают. Тетку к лавке прибинтовали. В ее любимой позе. – Семен оборачивается на шум, затем продолжает: – О, наши с Михалычем еще троих с улицы приволокли. Те, наверное, в прятки поиграть хотели.

– Добро. У меня один отдыхает. Этого аккуратно вязать, оставить здесь. – Показываю на старика, уже немного проморгавшегося. –

Остальных – в ту комнату до кучи. Собрать с них все железо и сюда на стол. Тетке залепить глаза и уши. На улице смотреть внимательно, может быть, еще кто нарисует. Я пока здесь разговор до конца доведу.

Обыскиваю бесчувственного Беню. Так, часы и деньги мне не нужны, носовой платок пусть себе оставит, ключики разные, папиросы со спичками – тоже. Во внутреннем кармане пиджака какая-то бумага – потом почитаем на досуге. Оп-паньки! Вот это я удачно зашел! Какая игрушка красивая! Потайной револьвер Лефоше! «Апаш» называется! Кастет, нож и шестиствольная «перечница» калибра семь миллиметров! Жаль только, что патроны шпилечные, сейчас такие достать – проблема, наверное. Классный трофей!.. Так, теперь смотрим бумажку. Ух-ты, да сегодня просто праздник какой-то! Расписка в том, что крестьянин деревни Столовичи Новогрудского уезда Минской губернии Андриян Адамкевич отдал своих детей, Алесю одиннадцати лет и Даниила десяти лет от роду, в услужение минскому мещанину В.Я. Симкину, за что получил десять рублей, что своей подписью и удостоверяет. Где там моя зажигалка?.. Гори, гори, ясно, чтобы не погасло!..

Так, вот и старый оклемался. Значит, будем разговаривать. Цепляю шашку на место, засовываю наган в кобуру. Затем беру табуретку, сажусь напротив дедушки, пришвартованного к скамье. Ой, какие глазенки-то злые!

– Ну, что, уважаемый, продолжим?

– Я тебя на куски порежу, дай срок! – Шипит собеседник, морщась от боли, – видать крепенько его столом приложило. – Наглотаетесь наших перышек и гулять вам до кладбища в белых тапочках!.. Всех своих людишек подниму, а вам жизни не видать!..

– Ты прежде, чем грозиться, головой подумай. Уверен, что справишься? Мы вас, как младенцев сделали, никто пальцем пошевелить не успел. На мне, чтоб ты знал, крови поболее будет, чем на тебе. Несмотря на молодость. Время сейчас военное, тут ни прокурора, ни адвоката тебе не будет... А если я еще и своих бойцов к этому подпишу? В городе уголовников не останется, все на кладбище переселятся. Оно тебе надо?

Старик смотрит на меня исподлобья, затем уже спокойней задает вопрос:

– Чего хочешь?

– Я по своей тропке хожу, ты – по своей. А лес – большой. Могут и не пересечься тропинки эти... Твоих людей мы не тронули, ну, пара синяков – не в счет. Ты сам так вообще легко отделался. Пока. Нужно мне немного... Чтобы детей малолетних вы в притоны не сплавляли, не калечили,

воровской жизни не учили. На то постарше желающие найдутся, я думаю. Чтобы обманом девок бандершам не поставляли. Чтобы беженцев не трогали, последнее не забирали, они и так с хлеба на воду перебиваются. Немного ведь прошу, соглашайся.

– А нам чем жить тогда? В земле ковыряться? За кусок хлеба жилы рвать? – в словах блатного явно слышится насмешка.

Тут же в тему вспоминается рассказ Дольского о веселой жизни земгусарства.

– А что, мало здесь бобров жирных с лопатниками (кошельками) потолще, чем лапа твоя? Мало их марух (любовниц) в рыжиках (золоте) с камушками гуляет? – Дальше цитирую незабвенных «Джентельменов удачи». – Это тебе не мелочь по карманам тырить.

– Дык, где они, там и лягавые, как собаки злые!

– А мастерство ваше на что? Ловкость рук против остроты глаз. В-общем, я сказал, ты – услышал... И еще. Эту мразь пока мне отдашь. – Киваю на Беню. – У меня к нему личный разговор.

Теперь начинается самое сложное. Эта публика понимает только силу и боль, на них построена вся их цивилизация. Силу мы уже показали, теперь очередь за вторым. Только вот одно дело в бою кровь лить, другое – вот так. Но урок должен быть убедительным, тут еще поактерствовать придется...

Подхожу к Бене, выдергиваю из его штанов ремешок и связываю спереди руки. Клиент начинает шевелиться и мямлить что-то невразумительное. Значит, приходит в себя. Помогаем легким похлопыванием по мордочке... Вот, глазки открылись, все нормально.

– Ну, что, Вениамин, мать твою, Яковлевич, продолжим разговор? Меня интересует, где мальчишка. Сам скажешь или помочь?.. – Ай, как ему страшно. Но перед паханом лица терять не хочет. На что, собственно, я и рассчитывал. – Ты ж мне все равно скажешь, только сначала будет очень больно. Как на Руси в старину таких, как ты, метили, знаешь? На наглой морде «вор» выжигали. У меня под рукой каленого железа нет, так я тебе эти буквы вырежу.

Демонстративно, не торопясь, достаю из ножен, прикрепленных к брючному ремню сзади, на пояснице, миниатюрный аналог «оборотня» и даю тщательно рассмотреть вблизи.

– Твой Штакет эту игрушку пропустил, за фраера ушастого меня принял... Последний раз по-хорошему спрашиваю: где Данилка? Расскажи-ка, что он тебе такого плохого сделал, что ты приказал его, в случае чего, прирезать? Чтобы твой холуй ему горло ножом перехватил, слушая, как

пацан хрипом исходить будет, и глядя, как кровушка течет, как детские глазенки стекленеют, как из них жизнь утекает... На-ка, сволочь, сам попробуй такого!..

Резко, за волосы запрокидываю ему голову, прижимаю нож к нижнему веку и несильно провожу вниз. Заточенный до бритвенной остроты клинок скользит, оставляя за собой достаточно глубокий порез, тут же покрывающийся каплями крови. Беня начинает хрипеть и дергаться, пытаюсь связанными руками оттолкнуть от себя железо. С левой бью коленом по ребрам. Вот, ручки-то и опустились.

– Не дергайся, а то буквы кривыми получатся. Некрасиво будет, придется переделывать... Еще раз спрашиваю: где пацан?

– ...Н-н... Нет... его здесь!.. На хазе он!.. Вместе с марухами Рахиливыми!..

Отпускаю клиента, тот хватается за свой платок и пытается зажать рану, судорожно дыша. Пусть малость успокоится, потом продолжим. Пахан смотрит на нас, стараясь ничего не упустить.

– Вот видишь, у нас уже диалог налавился. А то грозился чего-то, девчонок требовал... Кстати, у той, которую ты хотел забрать в качестве откупного, есть жених. Так вот он бы с тобой не миндальничал, ты бы у него только пищал и плакал. А потом сам себе могилку бы выкопал... А мы бы тебя закопали... Где хаз?

Еще одна царапина рядом с первой. В вытаращенных глазах – только паника, заглушающая рассудок и прочие эмоции.

– Я из твоей морды сейчас тельняшку сделаю!.. Где?!..

– Тут рядышком!.. Через три дома!.. Я... Я могу его привести!..

– Щас! Так я тебя и отпустил, ага. Нам с тобой еще о многом поговорить надо. Так что, собирайся с силами, они тебе понадобятся. – Кажется, уже заговорил голливудскими фразами. Но ведь действуют. – Бандерша твоя может его привести?

– Да, да! Она знает, где пацан спит! – Беня отчаянно трясет головой, еще не придя в себя.

Ладно, отдыхай пока. Выглядываю в большую комнату, подзываю Митяева.

– Михалыч, возьми кого-нибудь с собой, прогуляйтесь с теткой, она мальчишку приведет.

Вахмистр кивает, мол, понял. Потом вместе с Гриней развязывает «мамочку», которая от страха с трудом стоит на ногах, и подводят ко мне.

– Ты, свиномамка старая, сейчас приведешь мальчишку, брата Алеси. Сделаешь это очень быстро. Если вздумаешь хитрить, порежу на ленточки.

Очень медленно. Вон как его. – Оттягиваю занавеску и показываю Беню, все еще пытающегося остановить кровь.

Впечатлившаяся бандерша развила такую скорость, что казаки еле за ней поспевали. Ну, а мы пока вернемся и продолжим общение. Вместе со мной входит один из бойцов, неся в руках кучу смертоносного железа, и вываливает все это богатство в углу на пол. Так, посмотрим, чем нас угощать собирались. Пара заточек, финка, свинцовый кистень на ремешке, коротенькая фомка, кастет и дубинка. Неплохой арсенал. Только вот хозяева – тормоза. В дверях снова появляется Семен, делает знак, мол, есть разговор. Выхожу, вместо себя оставляю одного из погранцов.

– Вот, глянь-ка, командир. Мы решили тут все оглядеть, ну, на всякий случай. И вот чё нашли. – Сибиряк подводит меня к открытому шкафу с посудой и показывает внутрь. – Тут за мисками доска к стенке прибитая была, а бока царапанные, будто ее не один раз доставали. Я поддел легонько, она и отскочила. А там – вот.

Сбоку внутри полого постамента колонны, поддерживающей верхние полки буфета, в аккуратной нише стоит небольшая железная шкатулка, рядом лежит бумажный сверток, перетянутый шнурком. Семен достает все из тайника, кладет на стол, пытается поднять крышку железной коробки.

– Закрыта, зараза. Может, ее ножом подковырнуть?

– погоди, дай-ка гляну. – На крышке прорезано отверстие для ключа, бородки в виде буквы «S». – Пстой, я, кажется, знаю, где взять ключик.

Возвращаюсь в комнату, на столе лежит Бенин хлам, в том числе и три небольших ключика на общем колечке. И один из них определенно к замочной скважине подойдет. Ловлю испуганный взгляд клиента. Ой, а чтой-то нам так вспотнелось? Видно даже при таком скудном освещении?

– Никуда не уходи, я скоро вернусь. – Заговорщицки подмигиваю обмершему сутенеру и иду обратно.

Ключик подошел очень даже здорово. Два оборота, замок щелкает, поднимаем крышку... И видим себя удачливыми кладоискателями. Коробочка более чем наполовину наполнена разными побрякушками очень красивого такого золотистого цвета. Наверное, потому, что они и вправду золотые. Портсигар, около десятка империалов, несколько нательных крестиков, кольца, пара сережек, цепочки для часов, еще какая-то мелочь...

Однако – целое богатство. В принципе, можно очень хорошо пополнить наш секретный фонд... А можно и по-другому сделать. Но попозже. А пока посмотрим, что там в свертке. Разрезаем шнурок, разворачиваем бумагу... на свет появляются десятка два небольших запечатанных коричневых цилиндриков с маркировкой сбоку «Марк» и 1

g... Кокаин, он же – чумила, марафет, коля, белая фея... До войны, по рассказам, один такой стоил полтинник, сейчас – даже не рискну предположить, во сколько раз цена подскочила. Очень-очень интересно! Пойдем-ка мы и спросим у знающих людей. Иду в «кабинет», ставлю шкатулку на стол, рядом кладу пакет с наркотой.

– Слышь, урод, а это что? Ну-ка, поделись тайной... Ну, что молчишь? – Клиент сидит белее мела, тупо уставясь на лежащее на столе.

– С-сука! Крысятничать вздумал?! Сары (денег), мол, нету, рыжья (золота) нету, за марух (проституток) по экимарнику (двугривенный) дают, редко когда колесо (целковый) прискачет!.. – внезапно сиплым от злости криком прорывает пахана. – Нюхару мимо меня бодяжишь?.. Кинуть меня, падла, решил перед соскоком?!

– Не мой это хабар... Это Рахиль, сука старая... – Бенья импровизирует, пытаюсь отмазаться.

– Это тоже её? – Достāju из замка ключик, показываю старику и кидаю на стол. – Тогда почему в твоём кармане, а? Откуда такие цацки? У крестьян скупал?..

Беру в руки портсигар и чисто из любопытства открываю. А затем время останавливается... Внутри льдистым серебром светятся два Георгиевских креста... Солдатских... Четвертой и третьей степени...

– Откуда у тебя это?!.. Ты, сучий потрох, где ты взял эти кресты?!.. Отвечать!..

– ...Это... Это солдат... Он оставлял... В залог... За долги...

Кидаю всё на стол, шаг вперед, руки в замок на затылке этой мрази, рывок навстречу удару коленом, хруст, как будто сломали сухую ветку. Швыряю сволочь на пол, первый удар с ноги он ловит еще в полете.

– Никогда!.. Никто!.. Из солдат!.. Не заложит!.. И не продаст!.. Своего Георгия!..

Весь мир сужается до багрово-красного тоннеля, на конце которого виднеется эта мразь. Единственная мысль, которая бьется в голове – пробить поточнее, чтобы корчился, сука, и выл от боли... Какая-то сила оттягивает меня назад, пытаюсь сопротивляться, но это сильнее меня.

– ...ндир!.. Командир!.. Да что с тобой, командир? – Слух включается внезапно, так же как и пропал, Семен трясет меня за плечи, еще двое бойцов поддерживают, точнее, крепко держат за руки. – Командир, что случилось? Тебя аж на улице слышать...

– Все, все, я – в порядке... Да пустите, черти! Сказал же, что – все! – Руки-ноги чуть подрагивают, но уже пришел в себя. – Посмотри, что у них в захоронке было...

Игнатов кидает взгляд на стол, сжимает кулаки.

– Кто?..

– Ево ента! – выдыхает пахан. Что, старик, обос...лся? Ничего, для здоровья полезно. Хорошо мозги, говорят, прочищает. Семен поворачивается ко мне, в глазах немой вопрос. Коротко киваю головой, типа – да. Беня пытается подняться, хлюпая шнобелем и сплевывая кровь, когда ему прилетает первый удар, роняющий снова на пол... После пятого теперь уже я оттаскиваю сибиряка от неподвижного тела.

Занавеска отлетает в сторону, внутрь заглядывает Митяев, докладывает коротко:

– Пришли.

– Присмотри здесь. – Киваю Семену на пахана и обращаясь к Михалычу: – Добро, где там мальчишка?

Митяев кивает головой в сторону двери, затем, с интересом оглядев панораму, выходит вслед за мной. Посреди комнаты стоит, оглядываясь украдкой по сторонам и хлопая испуганными глазами, десятилетний парнишка в поношенной одежде, грубо подогнанной с чужого плеча, ботиках-растоптышах, комкающий в руках засаленный картуз. Сзади, положив руку ему на плечо, то ли удерживая, то ли успокаивая, висится Гриня. «Мамочка» снова привязана к скамейке, испуганно смотрит на происходящее. Скрученные урки лежат на пузиках ногами к нам и боятся лишний раз пошевелиться. Атмосфера не совсем оптимистичная, но другой пока нет.

– Ну, давай знакомиться. Ты – Данилка?

Малец поспешно кивает в ответ, косясь на связанных.

– Не бойся их, они тебе уже ничего не сделают. А фамилию свою знаешь? Полностью можешь назваться?

– Ага... Даниил... Адамкевич...

– Хорошо. А скажи-ка мне, Даниил Андриянович, как звали твою бабу по отцу? – Если ответит правильно, значит – наш парень. – И сколько ей годов?

– ... Яухимияй Тарасавнай... Только у прошлым годзе представилася яна.

Все, экзамен закончен. Это – действительно Алесин братец. Задаю чисто для проформы последний вопрос.

– Алеся теперь у нас жить будет. Ты к ней хочешь?

Парнишка кидает быстрый взгляд на «мамочку», затем быстро кивает, мол, да. Рахиль пытается что-то вякнуть, но получает от стоящего рядом Михалыча звучного «леща» в купе с дружелюбным пожеланием:

– Пасть заткни, кочерышка гнилая. Тебе слова не давали.

Ну, в принципе, можно и собираться... Так, а что это малый все на стол косится?

– Данилка, а ты есть хочешь?

Тот как-то съеживается, затем через несколько секунд несмело кивает. Чтобы уточнить промелькнувшую догадку, спрашиваю у бандерши:

– Когда он последний раз ел?

Та мнется, но, получив еще один подзатыльник, выдает правильный, в смысле честный, ответ:

– Уфчера утром... Эта усе Беня!.. Ён сказал не кормить, пока не сможет лампу у конке стырить!..

Ни хрена себе, педагогические приемчики! Подвожу мальчишку к столу.

– Давай, Данилка, подкрепись перед дорогой. А мы тем временем сборы закончим.

Тот несмело протягивает руку и берет со стола обгрызенную корку хлеба.

– Нет, ты как следует поешь!

Придвигаю к нему сковородку с жареным мясом, сую в руку хороший кусок ситного. Парень сначала откусывает небольшой кусочек, а потом начинает изображать мясорубку. Оставив его под Грининым присмотром, тем временем возвращаюсь в кабинет к пахану и отпускаю Семена. Беня лежит кучкой... мяса у стены, чуть слышно постанывая. Старик внимательно смотрит за моими действиями. Напрягается, когда подхожу к нему и достаю нож.

– Лапы сюда давай. – Разрезаю веревку, стягивающую кисти, затем, наклоняясь, режу путы на ногах. – Ну, бывай, иван. И помни, что я тебе сказал.

– Что, так вот и отпустишь? И меня, и корешей моих? – Опять углом рта усмехается вор. – И рыжые не утащишь?

– Кресты возьму, на них номера пробиты, попробую хозяина найти. А остальное – я не за этим приходил. Мне малец нужен был. Если считаешь, что это богатство твое, – забирай.

– Ты, мил человек, видать, и взаправду, по другой дорожке шлепаешь, – старый произносит это с непонятной интонацией. – Спасибо говорить не буду, а про слова твои подумаю...

Подождав несколько минут после того, как ночные гости растворились в темноте, старик вышел в другую комнату и стал развязывать своих подручных.

– Клещ, я их из-под земли достану, сукой буду! – Небритый телохранитель, морщась, растирал затекшие руки. – Сам на перо посажу, кто меня упаковал!

– Ты, Балда, как был шпаной, так, наверное, и останешься. Коль их найдешь, они тебя же и похоронят, к бабке не ходи. Им нас почикать щас было – легче легкого. Вона, иди на залетного глянь, какой красавец стал. К нему у них базар был. Мы – так, краем стояли. Те мужики с фронту приехали, тама крови вдосталь попробовали, смертушки бояться отвыкли. Сунешься, придется мне нового помощальника искать.

– Так что делать-то, а, Клещ?

– Ошмонайте хату как следоваить, чую я, тут еще много интереса заныкано. И с этой сучкой старой потолковать вдумчиво надоть...

Глава 20

Следующим утром нас почтило своим вниманием высокое начальство – штаб армии наконец-то устроился на новом месте, и Валерий Антонович приехал нас проводить. Обойдя казармы, конюшню и почти достроенные учебные места, был доволен сделанным, бравый внешний вид и боевое настроение личного состава тоже не остались незамеченными и привели господина капитана в благодушное состояние, что позволило несколько смягчить впечатление от сюрприза возле хозблока. Когда мы туда подошли, поварская команда уже собиралась заниматься приготовлением обеда и наша молодежь вовсю им помогала. Ганна и Алеся отмеряли нужное количество требуемых продуктов, Данилка, видимо, не желая чувствовать себя дармоедом, в компании кухонного наряда подтаскивал к полевым кухням дрова.

Вчера, когда мы вернулись, «племяшка» устроила нам позднюю «тайную вечерю», в смысле накормила всех разогретым ужином, во время которого Алеся чуть ли не с рук кормила свежеотмытого брата. Там же принято было решение оставить пока малышню помогать при кухне. Увидев столь идиллическую картину, Бойко недоуменно посмотрел на меня.

– Денис Анатольевич, это кто? Решили от доброты своей прикармливать беженцев? А как же быть с секретностью?

– Валерий Антонович, это наши приемыши... ну, как это называется – «сын и дочь полка», в нашем случае – роты. Подробности, если позволите, расскажу чуть позже.

– Ну, хорошо... Надеюсь, аргументы будут вескими... Пойдемте, господа, у меня для вас есть хорошие новости.

Удобно расположившись в канцелярии за столом, Бойко стал радовать нас последними штабными известиями, как всегда, «в части, касающейся».

– Во-первых, Денис Анатольевич, вам надлежит завтра с упомянутыми нижними чинами быть в штабе фронта в десять утра для награждения. – Валерий Антонович достает из полевой сумки и протягивает мне список, хотя я помню его наизусть. – По полной форме одежды, постарайтесь соответствовать моменту. Вручать будет лично новый командующий фронтом.

– Новый комфронта?.. Кто? – задаю вопрос одновременно с Дольским.

– Генерал Алексеев убыл двадцатого числа сего месяца в ставку на

должность начальника штаба верховного главнокомандующего. Командование фронтом принял его высокопревосходительство генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт, командовавший прежде четвертой армией. Постарайтесь приглянуться ему, от этого зависит решение еще одного важного и, надеюсь, приятного вопроса...

Капитан достает папиросы, не торопясь закуривает, в общем, тянет паузу, как взыгрававший маститый актер, наслаждаясь нашим нетерпением. Потом все же снисходит к нашим мучениям и произносит:

– По инициативе начальника разведывательного отделения ныне созданного Западного фронта я был представлен новому командующему и имел с ним беседу, в которой, в частности, изложил вашу, Денис Анатольевич, идею о создании специального батальона. Сейчас в верхах муссируется тема широкого применения партизанских действий и, ввиду участвовавших случаев оставления позиций войсками без приказа, создания специальных частей, способных закрыть дыру на передовой. Вы о них рассказывали, называли их ударными батальонами. Я доложил, что у нас в армии уже существует прообраз такого подразделения и ходатайствовал о развертывании вашей роты вкуче с драгунами Анатоля в батальон. Генерал воспринял сказанное благосклонно, пообещал посодействовать скорейшему решению этого вопроса. Так что готовьтесь, господа.

– Валерий Антонович!.. Вот уж, действительно отличные новости!.. Только где людей наберем?

– Если вопрос будет решен положительно, то, скорее всего, вам с Анатолием Ивановичем придется поехать по полкам на передовой, имея на руках приказ командующего фронтом, и отбирать добровольцев из нижних чинов. Лучше же иметь обстрелянных солдат, чем ничего не умеющее пополнение, не так ли?

– А офицеры? Их где возьмем?

Капитан довольно улыбается и выдает в эфир еще одну «бомбу»:

– Трех кандидатов уже нашли и провели с ними беседу... Кстати, вы, господин подпоручик, их знаете и, более того, завтра с двумя из них встретитесь.

– Стефанов и Бер?!

– Да, их завтра тоже награждают, правда, – Владимиром с мечами. Третий – подпоручик Берг, но он сейчас в госпитале.

– Да, я хотел его проведать, но Романа Викторовича перевели в другое место.

– Я вчера с ним уже разговаривал, он согласен. Выписывается через несколько дней, несмотря на незажившие раны, так что скоро с ним

увидитесь. А далее потихоньку будем подбирать и других офицеров, подходящих нам. – Капитан Бойко смотрит на меня многозначительным взглядом.

А что тут не понимать? Тех, кто разделяет наши взгляды и на войну, и на государственное устройство. А посему готов действовать в этом направлении. Держа в уме даже элемент здорового карьеризма...

– С обязательной проверкой и испытательным сроком. И нужно продумать организацию своей контрразведки и обеспечения секретности, – продолжает мысль Дольский.

Естественно. Что-то совсем не хочется преждевременной популярности. С очень вероятным летальным исходом.

– Само собой разумеется. Насчет этого поговорим немного позже... – Валерий Антонович утвердительно кивает, потом переводит разговор на другое. – А сейчас... Сергей Дмитриевич! Поздравляю вас чином подпоручика! Прошу не позже завтрашнего дня быть готовым соответствовать ритуалу.

Опаньки! Назавтра намечается большой праздник! А Оладьин, в данный момент цветущий, как целая клумба, все-таки меня подсидел. В хорошем смысле. Ладно, послушаем, что еще начальство скажет.

– А теперь, господа, – о деле. – Выражение лица Бойко становится серьезным. – Его превосходительство очень большое внимание уделяет бумажной работе, поэтому мне нужно представить в штаб фронта докладную записку с обоснованием штатного расписания будущего батальона. Какие-нибудь мысли на этот счет у вас есть?

Оладьин с Дольским, как по команде, смотрят на меня. Стараюсь их не разочаровать:

– Батальон четырехротного состава. Первая – разведрота. Она уже существует и остается в прежнем виде. Основная тактическая единица – «пятерка». Далее, вторая и третья роты – штурмовые. Одна из них – развернутый драгунский эскадрон Анатолия Ивановича, вторая – пешая. За основу берем отделение – десять человек во главе с ефрейтором. Вооружение – желательно артиллерийские люгеры и английские гранаты, обязательный ручной пулемет, расчет – два человека и два карабина для стрельбы винтовочными гранатами. Для ближнего боя нужны ножи-тесаки, чтобы ими можно было еще и проволоку рубить при необходимости, револьверы, малые пехотные лопатки. Для кавэскадрона необходимы штук шесть тачанок с «максимами». Четвертая рота – подразделение огневой поддержки. Состоит из пулеметного взвода в восемь «максимов», батареи пушек калибра тридцать семь – сорок семь миллиметров, минометной

батарей, отделения крупнокалиберных ружей, отделения снайперов, взвода саперов – взрывников. Было бы очень неплохо иметь пару броневигов или на худой случай автомобилей с установленными в кузове орудиями или крупнокалиберными пулеметами. Насколько я знаю, еще в пятом году использовались четырехлинейные «максимы».

– Да, Денис Анатольевич, вам палец в рот не клади... – озадаченно тянет Бойко. – Где, по-вашему, я должен все это спрашивать?

– Я предложил теоретический вариант, сам прекрасно знаю, что все это достать очень трудно. Люгеры можно заменить на охотничьи помповики, обрезав стволы для компактности... Да, Валерий Антонович, по автоматическим винтовкам Федорова ничего не известно?

– Запрос в ГАУ я послал за подписью командарма, ответа еще нет... И разъясните, пожалуйста, что такое «помповики»?

– Помповики – это охотничьи ружья, которые заряжаются передергиванием цевья назад-вперед. Обычно в подствольном магазине от шести до восьми патронов. Если их снарядить картечью и по максимуму обрезать ствол для большего рассеивания, то один выстрел на ближней дистанции может заменить очередь из пулемета.

– Я слышал о них. У меня отец – заядлый охотник, старается быть в курсе последних новинок, – хвастается Анатоль. – Но он говорил еще про автоматические дробометы... Браунинга, если я не ошибаюсь. Там даже дергать ничего не надо. Просто нажимай на спуск – и все.

– Понимаешь, одно дело – на охоте, и совсем другое – на войне. Чем сложнее конструкция, тем быстрее она ломается.

– Например?.. – Дольский явно не хочет соглашаться. Ох уж эта «бэль эпок» с ее стремлением к комфорту.

– Привожу. Из скольких частей состоит молоток?.. Не знаешь? Из трех. Сам боёк, ручка и клин, с помощью которого боёк крепится на последней. А лом состоит из одной части – самого лома. Так вот, молоток ты можешь сломать, а лом – нет, только согнуть. Идем дальше. Под тачанки легче всего приспособить подрессоренные пролетки...

– Ты, Денис, хочешь меня командиром извозчиков сделать? – Дольский делает обиженное лицо, но, скорее всего, невсерьез.

– А ты представь, что сможешь благодаря этому чуть ли не мгновенно сконцентрировать огонь пяти-шести пулеметов на маленьком участке фронта, устроить бойню и так же быстро исчезнуть, не дожидаясь ответного огня.

– Ладно, ладно, убедил.

– Так вот, пушки можно взять флотские, которые валяются на складах,

лафеты сделаем сами, или действительно поставим на автомобили. Туда же могут пойти уже снятые с кораблей митральезы. Минометы нужны небольшого калибра – миллиметров в пятьдесят, чтобы расчет мог идти рядом с остальными... В конце концов, Валерий Антонович, вы же знаете старое армейское правило: проси побольше, дадут столько, сколько надо.

– Ну, хорошо, согласен. – Капитан улыбается. – Если дополнений нет, примем вышеперечисленное за основу... Теперь насчет детей, которых я видел. Вы обещали объясниться.

– Объясняю. Девочку я забрал прямо с улицы у содержательницы притона, по всей видимости, нелегального. Одна из проституток пыталась выбить из нее неповиновение или дурь вместе с мозгами. Пришлось вмешаться.

– Надеюсь, она осталась жива, Денис? – подкалывает Анатолий.

– Да, конечно. У нее вдруг резко разболелась рука, и ей пришлось присесть отдохнуть на крылечке. Тем временем появилась бандерша и заявила, что это – ее служанка, но предложила мне воспользоваться девочкой за тридцатку. Узнав, что я за эти деньги забираю ребенка совсем, возмутилась, мол, есть на ней еще долг в двадцать рублей, но после того, как я ее переспросил, внезапно вспомнила, что долг уже отдан.

– Вы отдали деньги? Кто-нибудь может это подтвердить? – Валерий Антонович пытается вернуть разговор в серьезное русло.

– Да, там стояло еще несколько человек. Они подтвердят... Если захотят остаться в живых.

– Денис Анатольевич, прекратите, я спрашиваю не просто так! Как к вам попал мальчик?

– На следующий день здесь появился один из подручных бандерши, к тому времени от Алеси я уже знал, что ее брат у него. Жулик пригласил на встречу вечером, я пошел туда, приняв некоторые меры предосторожности. Там находился какой-то матерый уголовник, который хотел со мной поговорить. Мы поговорили, после чего бойцы их связали, а бандерша привела мальчишку. Да, у Бени... ну, того уголовника при обыске я нашел бумагу, по которой отец детей отдал их в услужение данному господину...

– Где эта бумага?! – Капитан отчего-то разволновался. – Она у вас?

– Нет, я ее сжег.

– Зря вы это сделали. – В голосе Бойко слышится досада. – Ей-богу, зря... И что было потом?

– Потом мы с мальчиком ушли. Да, при обыске у этого Бени нашли в тайнике драгоценности, а среди них... Вот. – Достаю из кармана Георгиевские кресты и передаю Валерию Антоновичу. – Они номерные,

значит, можно определить и разыскать хозяина.

– Как можно сейчас найти Беню? – Серьезный допрос продолжается. – Кого вы еще там запомнили?

– Его подручного, Штакета, и еще одного, скорее всего, охранника того пахана... ну, вора, который со мной говорил. Самого Беню, боюсь, найти будет очень непросто. Драгоценности, которые мы нашли, он припрятал от этого ивана. Так что после нашего разговора ему предстояло еще побеседовать со своим корешем.

– Вы как-то физически воздействовали на того уголовника?

– Ну, стукнул несколько раз, когда кресты нашел. А до этого лицо ему ножом пару раз поцарапал... Нечаянно. Больше так не буду.

Дольский заговорщицки улыбается и хитро мне подмигивает, Валерий Антонович смотрит с укоризной. Потом объясняет ситуацию:

– Денис Анатольевич... и ты, Анатолий Иванович, поймите, что тут – не фронт. А если этот Беня или бандерша попытаются обратиться в полицию? Да даже найдут этого уголовника мертвым, а свидетели подтвердят, что вы его избили, что и послужило причиной скоропостижной кончины?

– А если в данном случае я защищал свою жизнь и честь офицера?

Капитан раздумывает несколько секунд, а потом задает очень неприятный вопрос, любой ответ на который ставит меня в проигрышное положение:

– А если следователь попросит дать слово офицера, что не совершали в отношении этого человека противозаконных действий, – что вы ответите?

Блин, вот ведь!.. В данном случае врать нельзя. А скажешь правду – вот он, Устав о воинских наказаниях. Та самая статья за номером двести семьдесят девять... Валерий Антонович внимательно смотрит на меня. Ему соврать тоже нельзя, даже больше, чем следователю...

– Я бы в данном случае сказал бы всю правду и дал в подтверждение честное слово... А потом пришлось бы долго убеждать следователя не делать опрометчивых выводов.

Бойко досадливо морщится, потом, спохватившись, обращается к Оладьину:

– Сергей Дмитриевич, если не возражаете, более не задерживаю. У вас до завтрашнего дня много хлопот, хоть и приятных.

Дождавшись его ухода, снова продолжает ту же тему:

– И что вы собираетесь делать с этими детьми? Оставлять на попечение роты? Ну, с мальчишкой проще. Зачислим ординарцем или подносчиком патронов. А девочка? Вы знаете, что, коль взялись за такое

дело, должны воспитывать, обеспечить их образованием и приданным, наконец. Об этом уже мало, кто помнит, но во время Балканской войны 1878 года Кексгольмский гренадерский полк подобрал двухлетнюю полузамерзшую девочку-турчанку. Решением офицерского собрания ее оставили дочерью полка, крестили, потом, когда она подросла, за счет жалования офицеров и нижних чинов ее отправили учиться в Варшаву, а ее отметки вывешивались в полку на всеобщее обозрение. Потом был институт благородных девиц, свадьба, на которой присутствовало около двухсот кексгольмовцев...

– Валерий Антонович, откуда вы все это знаете? – Дольский сильно заинтригован. – Зная вас не первый день, в сентиментальности не замечал.

– В Варшаве в середине девяностых годов была издана книга «Дочь Кексгольмского гренадерского полка», автор – штаб-ротмистр Елец. Приходилось читать во время учебы в Академии Генштаба по совету своего куратора... Так вот, вы, Денис Анатольевич, готовы сделать то же самое в отношении этой девочки?

Интересный поворот, я об этом не думал. Да ни о чем не думал, увидев ее глаза и дав обещание, что ее больше никто никогда не обидит. Ну, что ж, трудности нас делают только сильнее, и, как напишет когда-нибудь Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Поэтому ответ однозначный:

– Да, готов. И со своей стороны хочу напомнить вам, Валерий Антонович, когда я рассказывал о... – немного понижаю голос на всякий случай, – о послереволюционных событиях, говорил о том, что председатель ВЧК, самой жестокой организации Советской власти, Феликс Дзержинский, одной из своих задач считал решение вопроса с беспризорниками, их дальнейшим существованием и воспитанием из них будущих коммунистов.

– Хорошо, тогда имейте терпение и выслушайте меня до конца. Информация получена сегодня из штаба фронта. По данным контрразведки германцы создали несколько разведшкол, в которых обучаются дети и подростки, направляемые затем под видом беженцев на нашу сторону. Поэтому я так подозрителен. Что будет, если неприятель узнает о роте и ее дислокации, надеюсь, говорить не нужно?

– Я встретил их совершенно случайно, мог ведь спокойно пройти мимо... И самое главное, я видел их глаза. И Алеси, и Данилки. Такое сыграть нельзя!

Капитан устало машет рукой, желая прекратить спор.

– Давайте тогда решим так. Вы даете мне всю информацию по детям, я

постараюсь найти их родителей. И свяжусь с жандармским управлением. Как мне сказали, у них есть дама, умеющая быстро находить общий язык с детьми и узнавать все, что ей нужно. А еще я сообщу в комитет Земгора, ведающий делами беженцев. В сопровождении их представителя визит этой дамы будет менее заметен. Вы же, в свою очередь, проследите, чтобы никто из детей не покидал расположения, и приставьте к ним опекуном кого-нибудь из толковых солдат или унтеров. Пусть в дополнение ко всему смотрят за ними...

Глава 21

Как и было приказано, следующим утром без четверти десять лучшие представители роты, наглаженные и надраенные, как медные котелки, в количестве шести боевых единиц, уже стояли перед особняком господина Свентицкого на Подгорной, где и располагался штаб фронта. Мы с Федором ничем не выделялись из толпы простой пехоты, а вот Михалыч, Гриня, Митяй и Андрейка-Зингер в своей казачьей форме выглядели такими пижонами с проспекта. Синие шаровары первого срока с широким алым лампасом, такие же синие погоны с красной окантовкой и блестящим галуном, новые гимнастерки, фуражки набекрень, из-под которых выбивались кучерявые чубы, и даже запах одеколона, одолженного Оладьиным, – все говорило о лихости, удалстве и явном превосходстве перед другими индивидуумами, имеющими наглость причислять себя к Русской армии. Утром, когда увидел, как они готовятся к предстоящему действию, не знал – то ли моментально охренеть, то ли медленно выпадать в осадок. Сначала с помощью небольших хитрых щипчиков, позаимствованных у неизвестного куафера, станичники накрутили себе чубы так, что любая блондинка умерла бы от зависти, потом закрепили это произведение искусства сахарной водой за неимением лака для волос. Мне бы этой сладкой смерти хватило на целый самовар чая, а этим, блин, показалось мало. После началось главное действо. Тщательно отмытая вчера обувь с утра была подвергнута креативной обработке с помощью того же сахара. Сначала вся веселая компания набила себе рты кусками рафинада, как будто не жрали чуть ли не целый месяц, затем последовала стадия медитации, когда возле казармы сидели четыре невозмутимые и молчаливые «статуи», никак не реагиовавшие на внешние раздражители. Спустя некоторое время растворенный сахар тоненькой струйкой выплевывался на сапог и быстро растирался тонким слоем по поверхности, в результате чего образовалась зеркально-блестящая корка. В общем, я понял, что в армейской красоте ничего не понимаю. По дороге в штаб казаки выписывали немыслимые виражи, чтобы невзначай не запылить блестящие сапоги, в которых можно было увидеть свое отражение. Свою обувь я выдраил гуталином в расположении, а затем обновил глянец с помощью чернявого словоохотливого парнишки-чистильщика, сидевшего возле штаба со своими причиндалами, посему никаких комплексов не испытывал. Не всем же быть красавцами.

Народу собралось немного, с десяток офицеров и полтора-два десятка солдат, так что Николеньку Бера и Димитра Стефанова увидел еще издали. Сгорающие от нетерпения и любопытства, они собрались устроить допрос на предмет дальнейшей службы прямо там же, на месте, но меня спасла отмазка в стиле «Не здесь и не сейчас» и появление штабных культорганизаторов, которые окончательно разделили присутствующих на нижних чинов и господ офицеров и завели в бальный зал, где, по всей видимости, и должен был состояться ритуал награждения. Воодушевленные своей значимостью, «паркетчики» построили нас в одну шеренгу строго по алфавиту и, исполненные гордости за свою работу, удалились, еще раз напомнив нам, что перед грозным ликом наместника бога войны на Западном фронте его высокопревосходительства генерала от инфантерии Эверта мы все должны соответствовать. Не уточнив, однако, чему. Офицерская шеренга составляла одиннадцать человек, поэтому я стоял рядом с Бером, который, кажется, проникся и уже соответствовал. Впрочем, и у самого наличествовал легкий мандраж. Не каждый день награждают одним из высших орденов империи, пусть и четвертой степени. Это всё же – не юбилейные медальки и не пресловутый «песок» (жаргонное название медали) за сколько-то там лет безупречной службы.

Генерал не заставил себя долго ждать. Двери торжественно распахнулись, в зал вошел Командующий, именно с большой буквы – крупный, осанистый, с большими, еще сильными, несмотря на возраст, руками. Усы и борода в стиле императора, прямой железный взгляд сразу давал понять, кто главный пастух в этом стаде. Сзади эскортом двигались давешние «штиблеты», неся в руках подносы с орденами.

Когда дошла очередь, генерал соизволил собственноручно передать в руки бархатную коробочку с белым Георгиевским крестом, поздравил, выслушал в ответ «Служу Престолу и Отечеству, ваше высокопревосходительство!», хотел проследовать дальше, но в последний момент, что-то вспомнив, остановился.

– Подпоручик Гуров? Вторая армия?

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – И зачем этот штабной крысь мне вторым голосом подпевает, я, что, сам представиться не в состоянии?

– Хм-м... Ну-ну... Добро... Молодец, подпоручик...

Величественным жестом остановив мое очередное изъяснение восторженных чувств, генерал продолжил церемонию. Наконец-то в руки нового хозяина попала последняя медаль, тихонько прозвенела подвесками люстра под потолком после дружного солдатского рева: «Рады стараться,

ваше высокопревосходительство!» И мы удалились на свежий воздух решать самые главные на сегодня вопросы – «где?» и «во сколько?». Николенька Бер, как авторитетный специалист, предложил осесть в ресторации Общественного собрания недалеко отсюда, на пересечении Подгорной и Скобелевской, которая по своему статусу имела право открыто торговать веселящими жидкостями, или же совершить небольшое путешествие и заглянуть на Захарьевской в «Стеллу». Честно говоря, абсолютно не хотелось сорить деньгами, которых оставалось не так уж и много, тем более что мы с Оладьиным договорились совместить обмывание его погон и моего ордена. Не экономии ради, а чтобы не скатываться в череду пьянок по «объективным» причинам. Да и обычаи роты забывать не следовало бы. Ганна, наверное, уже вовсю готовит праздничный обед. Поэтому принимаем командование на себя.

– Прошу извинить, господа, но я – пас. – Видя их недоуменные лица, пускаюсь в объяснения: – Дело в том, что в теперь уже нашей роте сегодня должны быть проведены два ритуала, на коих я обязан присутствовать. Вручение погон Сергею Дмитриевичу и поздравление перед строем награжденных сегодня бойцов. Со своей стороны, предлагаю вам прибыть в распоряжение к часу пополудни, чтобы самим ознакомиться с некоторыми особенностями подразделения, поздравить уже подпоручика Оладьина, а заодно и «влиться» в коллектив.

– Денис Анатольевич, а стоит ли совмещать такие бесподобные поводы для веселья в одно? – Бер пытается до конца отстоять свою точку зрения. Качество похвальное, но не по этой теме.

– Думаю, стоит. Потому что с завтрашнего дня возобновляем занятия в полном объеме. А это потребует некоторого напряжения физических и умственных сил, что будет затруднительно после веселых возлияний в течение нескольких дней. Впрочем, не настаиваю...

– Николая, я думаю, нам стоит прислушаться к Денису Анатольевичу, – примирительно произносит Димитр. – Ты же сам горел желанием побыстрее попасть к новому месту службы.

– Да, но... Что вы, господа, меня уговариваете, как гимназистку в кустах? – Николай Павлович отыгрывает назад, видимо, не желая отрываться от коллектива. – Но не с пустыми же руками прибывать-то!

– Итак, у вас есть два с лишним часа на сборы, жду на построении роты. Мы квартируем на Комаровке в новых казармах, рядом с драгунским полуэскадром. Скажете на КПП, вас проведут. Честь имею, господа!..

Обратная дорога заняла меньше времени. Отойдя подальше от разных начальников и всяких там старших по званию, распустил миниатюрный

строй, шли веселой гурьбой, пока на глаза не попало фотоателье. Переглянувшись и без слов поняв друг друга, завалились в салон, порядком испугав хозяина своей жизнерадостностью. Что, однако, не помешало ему тут же рассадить нас с Михалычем по бокам от небольшого столика с точеными ножками и расставить остальных сзади на фоне двух якобы античных колонн, увитых бумажным плющом, и пейзажа незнакомого моря между ними. В соответствии со своим пониманием канонов красоты, маэстро попросил нас «достать сабельки» для лучшего антуража, что было выполнено казаками с большим удовольствием, ну а мне не оставалось ничего другого, как последовать их примеру. После торжественного обещания о готовности фотографий завтра утром, не позже полудня, двинулись дальше, а для полноты ощущений пообещал отпустить их в увольнение при условии, что вернутся обратно своими ногами и без происшествий.

В расположении моих героев дня приняли настолько горячо, что им пришлось натурально отбиваться от желающих посмотреть и пощупать медали. Оставив казаков и Котяру на растерзание восторженной толпе, иду искать Оладьина, который по докладу дежурного уже вернулся из города, чтобы рассчитаться. Утром просил взять на мою долю пару бутылок водки для обмывания ордена. Нахожу его в канцелярии, беседующим с Анатолом и Валерием Антоновичем.

– А, вот и наш Георгиевский кавалер! Мои искренние поздравления с орденом, Денис Анатольевич! – Увидев меня, Бойко радостно улыбается и подходит с командирским рукопожатием, за ним тянутся и остальные. – Да, пока вас не было, мы с Сергеем Дмитриевичем немного побеседовали и, оказалось, что он придерживается примерно таких же взглядов на существующее положение дел в стране. Так что теперь будет нашим боевым товарищем не только по службе, но и в рядах новой Священной дружины. Ситуацию вкратце мы обрисовали, возражений не последовало. Вводите его в курс дела, будет вашим ближайшим помощником и в этом вопросе.

Ну, что ж, начальству в данном случае виднее. В том смысле, что Валерий Антонович мне Оладьина и «сосватал». Значит, знал, что из себя человек представляет. У меня лично кое-какие сомнения есть, что не все так просто, но пока оставим их при себе, а там будем посмотреть. Во всяком случае – точно не сегодня.

– Слушаюсь, господин капитан! И спасибо за поздравления, господа! Сергей Дмитрич, до завтра подождете? – Надо же хоть чуть-чуть поприкалываться над человеком, когда еще возможность выпадет. – А то

сегодня день и у вас, и у меня – особенный. Тем более, гости в доме... Нет, если же, конечно, вы желаете...

Оладьин в ответ улыбается и отрицательно качает головой, в смысле не желает, всему свое время.

– Вот завтра и начнем... Прямо с утренней пробежки. – Видя лица собеседников, объясняю: – Отдохнули после рейда, расслабились, пора и в норму входить. Тем более, к обеду новые офицеры придут. В количестве двух нетренированных организмов. Еще и их подтягивать до общего уровня.

– В качестве кого они у вас будут? Может быть, мне одного отдадите? – Дольский заинтересованно ждет ответа. – Денис, поделись, у меня же только два корнета и унтера.

– Я не знаю, на каком уровне их отношения с лошадьми. Но поделиться готов. Один – артиллерист-крепостник, тебя он вряд ли устроит, а вот прапорщика-сапера забирай, пусть твоих драконов учит чего-нибудь взрывать и портить. Но при условии, что общий курс занятий он пройдет. Включая и физкультуру и рукопашку. А так, официально они будут младшими офицерами роты и эскадрона. Реально же – работать по специальности. У нас уже почти трое артиллеристов, можно очень серьезно думать об огневой поддержке операций.

– Хочешь таскать с собой в рейды пушки? Они же снижают подвижность.

– Нет, я говорю про штурмовые действия. В тылу у германцев, если понадобится, мы пушки и так найдем. А вот при прорыве обороны своя артиллерия не помешает.

– Так прорывать-то ее мои драгуны и будут. Значит, и офицеров – ко мне. – Дольский ударяется в фантазии. – Только представь: эскадрон отлично выученных кавалеристов в сопровождении конной батареи трехдюймовок!.. М-м-м!.. Батарея с ходу разворачивается, поддерживает огнем атакующих!..

– Господин поручик, спустись с небес на землю! Начинается позиционная война. Какие такие конные атаки? – пытаюсь охладить пыл Дольского. – Прискакали, спешились и поползли. Тихо и незаметно. Скрытно преодолели рядов пятьдесят колючки, попали в окоп, вырезали там все, что шевелится, ползем во вторую линию, там делаем то же самое, дальше в третью, ну и так далее, до самого Берлина.

– Вот всегда так! Вечно, стоит только немного раз мечтаться, как ты тут как тут, со своими шпильками и подковырками. – Анатолий утрированно огорчается. – Нет, чтоб поддержать товарища!.. Кстати, ползком до столицы

Германии, – мы так и за год не управимся. А вот аллюром, за пару недель там будем.

– А ведь вы, Денис Анатольевич, не так уж далеки от истины, – присоединяется к разговору капитан Бойко. – С передовой разведка докладывает, что на левом фланге армии германцы уже вовсю окопы копают и проволоку тянут по десять – пятнадцать рядов. Вгрызаются в землю, как кроты. Вдумчиво и основательно. Так что, Анатолий Иванович, боюсь, что твои мечты так и останутся несбыточными.

– Ну, почему же, Валерий Антонович? Если оборона противника будет прорвана, в образовавшуюся брешь тотчас надо вводить кавалерию, и именно драгун, чтобы расширить и удержать плацдарм для дальнейшего наступления. А им в помощь – артиллерию, не требующую больших усилий при транспортировке. – Дольский разговаривает уже серьезно. – Но я сомневаюсь, чтобы нам передали хотя бы одну трехдюймовку. Их нет, равно, как и снарядов к ним.

– Такие – да, не дадут. Но они не особо и нужны. Громоздкие, тяжелые, скорострельность низкая. Больше мороки, чем пользы. Тебе больше пользы принесут тачанки с пулеметами. – Тут уже сам вступаю в спор, пытаюсь отстоять вариант, вычитанный когда-то от нечего делать в «Технике молодежи». – А насчет пушек – на складах Морского ведомства лежит очень много снятых с кораблей пушек Гочкиса. И скорострельных, и револьверных.

– А калибр? Что можно сделать такими снарядами? – Не сдается Анатолий. – Немного попугать противника, и все?

– Здравствуйте, господа!.. Позвольте полюбопытствовать, о каких снарядах идет речь? – В канцелярии появляется штабс-капитан Волгин. – Денис Анатольевич, простите великодушно, примите мои поздравления!.. Так о чем вы, господа?

– О морских пушках Гочкиса, Иван Георгиевич. И о снарядах к ним.

– К сожалению, не слишком хорошо с ними знаком. Я все же из полевой артиллерии. – Волгин выглядит несколько озадаченно. – Но на складах немного, их использовали в самом начале войны прямо в окопах в качестве батальонной поддержки, но вот насколько эффективно? Не знаю. Тут надо расспрашивать морского артиллериста или же крепостника.

– Вот появятся новые офицеры, их и спросим. – Торжествую, получив передышку. – А где, собственно, Сергей Дмитриевич?

– Я отправил его к роте, пока вы тут с Анатолем, как два бродячих кота, орали друг на друга, – шутит Валерий Антонович. – Предлагаю отложить разговор на другой раз, пока дело не дошло до дуэли. Вон, что у

одного, что у другого глаза горят. Остыньте, господа!

Окончательно перерыв в споре оформили наши новички. Прапорщик Бер и подпоручик Стефанов прибыли для прохождения дальнейшей службы, о чем тут же и доложились. Играть в традиционную в таких случаях шараду «Кто прибывает, а кто является» мы не стали, господа офицеры быстренько перезнакомились и после недолгого перекура все вместе отправились на построение.

Рота в развернутом строю уже стояла перед казармой. Более того, на левом фланге к ней пристроился полуэскадрон Дольского. Как объяснил Анатолий Иванович, чтобы живой пример был перед глазами. Оладьин уже здесь, по его знаку Остапец командует равнение на середину и, четко печатая шаг, подходит с докладом:

– Ваше благородие! Вверенный вам отряд специального назначения построен!..

Не понял!.. Какой отряд?.. Поворачиваюсь к Валерию Антоновичу, тот утвердительно кивает, типа, все так и есть. Почему я, как обманутый муж, все новости узнаю последним?! Фельдфебель тем временем продолжает так, чтоб слышали все:

– С «Егорием» вас, командир! От всей роты... виноват, отряда!

Блин, что-то в горле запершило и в носу защипало... У генерала в штабе не стушевался, а вот здесь, со своими... А может, именно поэтому. Они мне – свои. Первый состав, Котяра, Остапец, Чернов с Сомовым, студенты – все, вплоть до последнего солдата. Они – МОИ солдаты, а я – ИХ командир. И за каждого буду стоять до конца...

Прокашливаюсь, краем глаза замечая понимающую улыбку Оладьина, обращаюсь к строю:

– Спасибо за поздравление!.. Только без вашей выучки, храбрости, дисциплины не было бы ордена! Поэтому считайте, что всех наградили! Сегодня у нас еще пять человек получили медали, и я надеюсь, что это только начало! Чтобы никому не было обидно, я постараюсь сделать так, чтобы у всех у вас на гимнастерках сверкали награды! Ну, а если для этого вам придется немного помучиться и попотеть, – не взыщите!.. – Кидаю руку к фуражке. – Отряд, смирно!.. Благодарю за службу!..

Дружный рев «Рады стараться!» заставил стайку галок спешно сняться с крыши конюшни и отлететь на всякий случай подальше.

– Награжденные, выйти из строя!.. Ко мне!

Казаки и Федор выстраиваются рядом в шеренгу. С правого фланга из-за строя появляется Ганна, осторожно несущая в руках поднос с полными чарками... А за ней блюдо с какими-то замудренными пряниками в четыре

руки тащат Алеся с Данилкой. Малявка принаряжена, как на праздник, косички с бантиками, а ее брат гордо шагает в перешитой под него миниатюрной солдатской форме. Фуражка, гимнастерка, ремень, шаровары, даже сапоги умудрились по ноге подогнать! Погон пока нет, но что-то мне подсказывает, что они там очень скоро появятся. Вся эта веселая троица останавливается передо мной, и Ганна, слегка порозовев от смущения, произносит:

– Дядечку камандзир, кали ласка, трымайце! (Возьмите!)

Беру чарку, малышня протягивает поднос с коврижками, ароматно пахнущими корицей и еще чем-то вкусным. Теперь другая рука тоже занята. Остальные герои дня быстро следуют моему примеру, но не пьют, а выжидательно смотрят на меня... Вам, что, еще и тост сказать?.. А с другой стороны... Поднимаю чарку и громко, чтобы слышали все, произношу:

– Ваше здоровье, братцы!

Затем опрокидываю содержимое в рот, отщипываю кусочек плюшки, отправляю туда же, а остальное делю пополам и, подзвав малышню, вручаю им лакомство. Алеся, смущаясь до покраснения ушей, берет половинку и пытается спрятаться за Ганну, но по пути взлетает вверх и оказывается на руках у Михалыча. А Данилка!.. Маленький новобранец, все еще держа поднос с плюшками, набирается храбрости и спрашивает:

– Дзядзеньку камандзир... Ци можна?..

– Данилка, ты ж теперь солдат. Как должен обращаться?

Мелкий медлит совсем немного, затем сует емкость со сдобой в руки стоящему рядом Митяю, который на автопилоте принимает ношу, а затем недоуменно смотрит на наглеца. Пацаненок неумело отдает честь и выдает звонким голоском:

– Ваша благодарззя, дзядзеньку камандзир, дазвольце абратицца!

– Обращайтесь! – отвечаю, приложив руку к фуражке и изо всех сил стараясь быть серьезным.

– Дазвольце крэст патрогаць!.. – собравшись с духом, выпаливает нахаленок.

Подхватываю это тощее недоразумение на руки, уже не скрывая улыбки. Паренек протягивает руку и осторожно гладит кончиками пальцев белый Георгиевский крест. Затем оборачивается к строю и машет рукой. Хитрюга, наверняка поспорил с кем-то. Боковым зрением вижу, как Михалыч целует его сестренку в щеку, а та смешно морщится от колючих усов... И все остальное тонет в громогласном «ура!». Вот теперь я на сто процентов уверен, что ни в какой приют или еще куда малышню у нас не заберут. Забиральщиков будут долго и безуспешно искать по кусочкам в

лучших случаях в отхожих ровиках... Так, пора заканчивать этот праздник жизни, а то соседи подумают, что какое-то начальство с проверкой нагрянуло.

Глава 22

Еще раз ору «Смирно!», секунд пять жду наступления тишины, затем представляю личному составу новых офицеров и, наконец-то, отправляю личный состав на обед. Сам тут же подхожу к Бойко, чтобы все-таки узнать последние новости. Тот встречает меня добродушной улыбкой.

– Что, господин подпоручик, ошеломлены? Настолько, что нарушаете приказ о недопущении совместного распития с нижними чинами, несмотря даже на присутствие начальства? Ставлю на вид вам и, на будущее, остальным господам офицерам! Оправдывает вас только то, что сам император не гнушается чарку принять с георгиевскими кавалерами... А насчет отряда, значит, сюрприз удался! Рассказываю для всех один раз. Сегодня утром был вызван вместе с начальником разведотделения фронта к командующему. Если вы не знаете, его высокопревосходительство большое значение уделяет штабной работе. Между нами, иногда даже в ущерб делу. Но не суть важно... В течение часа мы втроем подняли карты, на которых было нанесено наступление германских войск и наше отступление, и сопоставили их по времени с вашими, Денис Анатольевич, рапортами... – Валерий Антонович тянет паузу, затем звучит замечательная фраза: – Результаты рейда были оценены более чем высоко. Итогом явился приказ о формировании отряда специального назначения для проведения впредь подобных операций, а также – для обеспечения штурма укрепленных позиций противника. Штабам других армий рекомендовано создать подобные подразделения и направить офицеров перенимать опыт. Так что, готовьтесь еще и лекции читать.

Блин, идея, конечно, хорошая, но где я на все время найду? Это Наполеону классно было, ему четыре часа сна хватало, а мне вот – нет... Ладно, что-нибудь придумаем.

– Господин капитан, в прошлый раз разговор шел о батальоне. – Анатолий тоже заинтересован. – Что изменилось? Сколько людей будет в отряде?

– Тогда разговор шел о намерениях командующего. Сегодня же, подсчитав численность нижних чинов в полках и дивизиях на передовой, было решено забрать оттуда не более трехсот человек. Так что, вместе с вашими солдатами получается полтысячи штыков. И еще... – Валерий Антонович смотрит на меня, как бы извиняясь, во всяком случае, в голосе звучит некое смятение. – Денис Анатольевич, поймите все правильно...

Если будет сформирован батальон, его командиром назначат отнюдь не подпоручика, какими замечательными качествами он бы ни обладал...

Ну, все понятно. И – никаких обид. До батальонного уровня погонами еще не дорос. А так, пришлют какого-нибудь «варяга», который пустит под нож все созданное, чтобы получить орденку-другой. Нет, синица в руках всяко лучше, чем утка под кроватью. Отряд тоже является самостоятельным подразделением.

– Я все правильно понимаю. Так что истериками страдать не буду. Тем более что данного количества людей вполне будет достаточно... Кстати, мы собрались здесь по определенной причине, и пора бы уже приступить к действию. Как вы считаете, господа?..

Пользуясь теплой, августовской погодой, место выбрали рядом с пустующей пока казармой, закрывавшей посторонним взглядам нашу пирушку. Начало было формальным и ритуализированным, с Оладьиным обошлись так же, как в свое время со мной, но, в конце концов, он «поцеловал» погоны звездочками. Потом настала очередь обмыть моего Георгия, после чего новые офицеры представились и проставились коллективу за себя и свои ордена. На столе после этого было еще достаточно Ганниных вкусняшек и того, чем их запивать, но основное внимание уделялось разговору, который велся, не переставая, на одну тему – как и чем мы будем воевать. В конце концов, смотался в канцелярию за карандашами и стопкой бумаги для «стенографирования».

– Разведрота полностью укомплектована и людьми, и оружием. Хотя по поводу последнего есть пожелания. Но – потом. В эскадрон добираем полсотни кавалеристов, в пешую штурмовую роту пойдет еще человек сто пятьдесят. Итого, на роту огневой поддержки остается сотня. Вполне достаточно, учитывая, что те же снайперы и «взрыватели» будут обитать там. По нижним чинам возражения будут?.. Нет?.. Замечательно.

– Это – при условии, что наберем все три сотни, – Анатолий вставляет свои пессимистические прогнозы.

– Наберем, ты, Анатолий Иванович недооцениваешь солдатский телеграф, – насмешливо замечает капитан Бойко. – На передовой уже вовсю слухи ходят, что недавно какой-то полк, разгромив аж три германские дивизии, вышел из окружения. Случайно не знаешь о таком?

– Знаю, как не знать! Вон командир того полка сидит. – Дольский кивает на меня. – Он от своих тогда отстал, чтобы еще какое-нибудь злодейство тевтонам учинить. В силу своей кровожадности.

– Тогда вопрос к нему. Денис Анатольевич, само собой разумеется, вы назначаетесь командиром отряда. Кого из офицеров на какую должность

хотели бы поставить? – Валерий Антонович говорит уже серьезно. – Господа, попрошу пока помолчать. Если не согласны с выбором, заявите после. Налейте пока всем, будьте добры... Итак?

– Разведротой будет командовать подпоручик Оладьин. Сергей Дмитриевич готов и теоретически, и практику прошел достаточную. Конницей – само собой – поручик Дольский... Кстати, Николай Павлович, Димитр Любомирович, как у вас дела с кавалерийской подготовкой? – Начинаем потихоньку притирать новичков. – С лошастью справитесь?.. Не смотрите так возмущенно, ничего же неприличного не спросил. Я, например, лучше пробегу на своих двоих, чем сяду в седло. Признаюсь честно и открыто.

Бер отрицательно качает головой, вслед за ним то же самое делает Стефанов, виновато объясняя:

– Как-то не довелось, Денис Анатольевич. Шагом еще проеду немного, но вот на большее рассчитывать не приходится.

– Не кручинься, Анатолий Иванович, – утешает огорченного поручика Валерий Антонович. – Сейчас кавалерию будут отводить в тыл, найдем тебе охотников повоевать.

– Тогда – в роту огневой поддержки. Николай Палыч, хочу поручить вам все, что касается взрывных работ. В подчинение получаете студентов-вольноперов, двух горняков и химика. Они вас ознакомят со своими придумками. Для отдельных задач разрешаю привлекать Федора-Кота. Он – великолепный слесарь и кузнец. – Продолжаю деспотично распоряжаться: – Ну, а вы, Димитр Любомирович, формируете и готовите пешую штурмовую роту. Потом или остаетесь ротным командиром, или составляете компанию Ивану Георгиевичу и подпоручику Бергу, который скоро прибудет. С ротой буду помогать в меру сил и возможностей. Надо будет очень хорошо продумать тактику применения штурмовых групп.

Возражений не последовало, капитан Бойко одобрительно кивает, соглашаясь с моими словами.

– Далее – самое трудное и самое вкусное. Рота огневой поддержки. – Обращаюсь непосредственно к Волгину: – Иван Георгиевич, возьметесь командовать?

– С превеликим удовольствием, но хотелось бы большей определенности. Состав, вооружение, задачи.

– Господа, в конце концов, мы не на совещании. С вакансиями разобрались, предлагаю освежить чарки. – Вот чего не замечал за господином капитаном, так это тяги к выпивке. – Денис Анатольевич, к вам начальство нагрянуло. Ублажайте его, да и всех иже с ним

присутствующих. Я сегодня в роли некоего Деда Мороза, подарки еще остались. Но сначала хочу выпить, отведать шедевров вашего повара, а потом дослушать до конца рассуждения командира отряда. Анатолий, будь любезен, ты сегодня за виночерпия.

После небольшого перерыва – на употребление и закусывание – возобновляется разговор, переходящий в дискуссию.

– Возвращаемся к вопросу о вашей роте, Иван Георгиевич. Задача одна: поддерживать тяжелым вооружением действия штурмовых групп при прорыве обороны противника. Соответственно: саперный взвод – расчистка проходов в «колючке», обнаружение и обезвреживание минных заграждений. Обучение разведчиков созданию малозаметных препятствий, минированию подручными средствами, устройству различных фугасов... Николай Павлович, напомните, пожалуйста, позже, есть несколько идей, хотелось бы с вами их обсудить. Затем – артиллерийский и минометный взводы. С пушками более или менее все ясно. Они должны быть достаточно мощными, чтобы подавлять огневые точки типа пулеметных гнезд, позиций снайперов, ну и тому подобного. И легкими, чтобы расчеты могли передвигаться, не отставая от штурмующих. Думаю, для этого подойдут морские пушки Гочкиса, но хотелось бы выслушать авторитетное мнение артиллеристов.

Стефанов при этих словах оживляется и просит слово.

– У нас, в крепости, было некоторое количество таких орудий, их хотели использовать, как противотанковые. По опыту стрельб скажу следующее: тридцатисемимиллиметровки лучше использовать револьверного типа. Дальность стрельбы до двух верст. Достаточно легкие, на месте вполне по силам самим сделать лафет, пусть даже и деревянный. Проблема обычно со снарядами. Наши – маломощные, зачастую просто взрыватель вышибается из болванки, и все. Французские – лучше. Зона поражения осколками при разрыве – шагов десять в диаметре.

– То есть незаметно подкатить пушку и накрыть пулемет вполне по силам. – Валерий Антонович снова серьезен.

– Да, очередь из точно положенных четырех-пяти выстрелов, – и про него можно забыть. Теперь по сорокасемимиллиметровым. Сам пробовал стрелять, правда, у нас был обуховский морской станок. Если будет такая возможность, господин капитан, необходима пушка с гидравлическим компрессором, – отдача меньше. Дальность стрельбы – около четырех верст, если не ошибаюсь. Может давать пятнадцать выстрелов в минуту.

– А если установить станок с орудием на автомобиле? – задаю один из самых волнующих меня вопросов. – Насколько это реально?

– Я думаю, – вполне. Уже делают такое для стрельбы по аэропланам и дирижаблям. Необходимо будет только усилить конструкцию. Сами понимаете, каковы отдача и вес боезапаса.

– Значит, одна сорокасемимиллиметровая и две-три тридцатисемимиллиметровые револьверные, – резюмирует Бойко. – Да, я помню, – с компрессором.

– Патроны у них будут разные, двух видов. Длинные – для обычной пушки и короткие – для револьверной. – Стефанов заканчивает доклад и отлучается покурить в сторонке за компанию с Дольским.

– Что с минометами, Денис Анатольевич? – Вопрос снова ко мне.

– Тут все сложнее. Я думаю, нам по силам только надкалиберные, чтобы не заморачиваться с вопросом отливки мин в нужный калибр. Предлагаю использовать снаряды тех же сорокасемимиллиметровок. Аккуратно обрезаем гильзу, оставляя за донышком коротенькую юбку, сверлим в ней отверстия, крепим заклепками или болтами трубку-хвостовик с оперением, вся конструкция надевается на ствол с метательным зарядом и затем выстреливается. Станок легкий и простейший. Плита с закрепленными параллельно двумя секторами, между которыми ходит ствол, и контрирующим винтом. Простейший спусковой механизм от того же охотничьего ружья, если выстреливать холостым патроном.

– Простите, что вмешиваюсь, Денис Анатольевич, но почему сорок семь миллиметров? – интересуется Волгин, внимательно слушающий мои бредовые фантазии. – Берем трехдюймовую гранату и делаем все то же самое.

– Это приведет к утяжелению конструкции и боезапаса, а нам нужна мобильность.

– Ну, не так оно и страшно. Расчет из четырех человек, я думаю, вполне справится. А до передовой все хозяйство и подвезти можно. Зато поражающее действие возрастет в несколько раз.

– Простите, Иван Георгиевич, по привычке рассуждаю о действиях на вражеской территории. Давайте поэкспериментируем, испробуем оба варианта. Если мелкокалиберный удастся компактным, можно будет иногда брать его с собой в тыл к германцам.

– И еще одна заковыка, – согласно кивая, продолжает тем временем Волгин. – Снарядный взрыватель для этого не подойдет. Не сработает на такой маленькой скорости. А ставить дистанционную трубку от шрапнели – новые сложности с расчетом времени подрыва.

– Я могу попробовать разобрать парочку, может, что и придумаем, –

вступает в разговор Николенька Бер.

– Давайте вместе. – Не сдастся Волгин. – Там есть небольшие хитрости, чтобы снаряд не взрывался при выстреле.

Бер соглашается и продолжает мысль:

– Или делать взрыватели самим. Простейшие: детонатор, боек, пружина, грузик... Попробовать можно, но нужна мастерская и слесарный инструмент.

– Николай Павлович, потом изложите все на бумаге, – советует Бойко, внимательно следящий за разговором.

– Да, Николай Павлович, записывайте все необходимое. И еще. Прошу совместно с Иваном Георгиевичем придумать для моих диверсантов простой способ взрывать германские снаряды. Мысль простая: болванка в форме взрывателя, в нее вставляется капсюль-детонатор со шнуром. Вся конструкция вкручивается в снаряд, шнур поджигается, и всё это богатство бабахает. Нужно будет в рейд брать только десяток-другой таких болванок, – и все...

После очередной рюмки под папиросу очередь доходит до снайперов.

– Они нужны всем. И диверсантам, и штурмовикам. В разведроте уже есть. Сыгранная команда, двое с оптикой, у остальных – открытый прицел. Убирать их оттуда не вижу смысла. Они уже притерлись к своим «пятеркам».

– Да, и стреляют на большие дистанции, – многозначительно подмигивая, подтверждает Бойко. – Единственное, что они смогут, так это обучить вновь прибывших метких стрелков, задача которых будет выбивать командиров и пулеметные расчеты, следуя вместе со штурмовыми группами.

– Валерий Антонович, возможно ли где-то раздобыть еще несколько ружей Гана-Крнка, как у Федора? – У меня снова возникает интересная мысль. – От них ни орудийный, ни пулеметный щит не поможет. А если еще навесить оптику и переснарядить на бездымный порох...

– Где же вы всё это возьмете, Денис Анатольевич?

– Оптику? Да хотя бы с МГ-шников. Среди трофеев попалась парочка. Можно попробовать установить на ружья и пристрелять.

– Ну, вообще-то, смысл в этом есть. – Капитан помечает на листике требуемое. – У вас все?

– По тяжелому – да.

– Ну, тогда последний на сегодня сюрприз. Добавьте в роту Ивану Георгиевичу автомобильное отделение. Свой трофей окончательно передадите в автоотряд, взамен нам выделяют три грузовика вместе с

водителями. Авто, замечу, однотипные, для облегчения ремонта, буде таковой случится. С разрешением их переоборудовать.

Ух-ты! Сюрприз шикарный! За такие подарки положено водкой поить. Что сейчас и сделаю! По дороге к бутылке в голову приходит очередная на сегодня гениальная мысль: а что, если?.. Берем сразу быка за рога, чарку в руку и задаем вопрос:

– Господин капитан, а как вы посмотрите на такую идею? В месте прорыва появляются блиндированные автомобили. Один, как мы говорили, – с орудием, на двух других – по паре пулеметов. «Колючка» к тому времени уже порвана, если нет, то видел на одном броневишке специальную раму для ее выкорчевывания. – Начинаю рисовать на очередном листике бумаги схему. – Вот, смотрите, господа. Автомобили, ведя огонь по противнику, преодолевают заграждения, причем в кузовах пулеметных броневишков сидят гранатометчики с большим запасом гранат, которыми они закидывают окопы немцев. За машинами, недоступные для ответного огня, в колонну по два, или по три, идут остальные штурмовики и с двадцати – тридцати шагов бросаются в атаку... В принципе – обычная тактика наступления мотострелкового взвода, немного только творчески подогнанная к реалиям времени. Автоматов-то у нас нет... Кстати, надо в очередной раз поинтересоваться у Валерия Антоновича насчет Федорова, но не сейчас.

Народ сначала обдумывает сказанное, затем на меня обрушивается пулеметная очередь вопросов и возражений.

– Денис Анатольевич, как авто будут преодолевать окопы и воронки? – интересуется Николай Бер. Сапер, что и говорить.

– Борта, а лучше – крышу кузова можно сделать из съемных железных мостков, служащих броней...

– Но блиндирование утяжелит конструкцию, скорость будет невелика.

– Во-первых, нужно упросить господина капитана, чтобы из отряда нам дали самые мощные автомобили. – Хитро смотрю на Валерия Антоновича. – А во-вторых, в атаке нужна будет скорость пешехода, чтобы идущие сзади бойцы не отставали. На место прорыва прибывать скрыто и заблаговременно...

– А германская артиллерия? При малой скорости броневики будут отличными мишенями.

– Расстояние до окопов противника в среднем – двести шагов. Чем ближе к неприятелю, тем труднее будет его пушкарям. По своим они же гвоздить не будут?..

– Германцы не держатся жестко за первую линию окопов. Так что, их

артиллерия сможет работать.

– Тогда батареи придется давить диверсантам, заблаговременно туда просочившимся...

– Но пытаться перебить прислугу – означает увязнуть в бою с превосходящими силами противника.

– Не обязательно всех убивать. Достаточно подорвать боезапас или вывести из строя пушки...

– Сунуть, например, в стволы по термической гранате капитана Рдултовского. – Прапорщик Бер явно становится моим союзником. – Орудия после этого не выстрелят.

– На все у вас ответ найдется, господин подпоручик! Но мысль интересная. – Валерий Антонович задумчиво чешет кончик носа. – Нужно будет как следует все продумать и попробовать на полигоне. Разумеется, когда автомобили будут готовы. Чем еще порадуете?

– С тяжелым вооружением мы наконец-то разобрались... Почти. Если есть возможность заполучить одну тридцатисемимиллиметровую пушку, желательно – короткоствольную, можно было бы попробовать сделать ручную мортирку.

– Как вы себе это представляете? – хором оживают артиллеристы.

Беру чистый лист бумаги, снова начинаю рисовать.

– Для облегчения веса ствол стачиваем до толщины трех-четырех миллиметров и укорачиваем где-то до полуметра. Делаем к ней приклад и получаем вот такое карикатурное ружье-переломку. Далее берем снаряд, отделяем гильзу, укорачиваем, опытным путем подбираем количество пороха. Снова обжимаем, заряжаем, стреляем по навесной траектории. Но помимо всего это потребует, опять же, возни с взрывателем и переделкой затвора.

– Хорошо, мысль опять же интересная... Вы, господин подпоручик, сегодня просто фонтанируете идеями. – Начальство довольно улыбается. – Только кто же будет их осуществлять на практике?

– Как кто? – недоуменно удивляюсь и обвожу рукой всю компанию. – Присутствующие здесь господа офицеры. А то они совсем обленились. Анатолий Иванович давно уже исполнил свой долг виночерпия, а чарки до сих пор полные стоят.

Все весело ржут, накатывая еще по одной. Затем возвращаются к разговору под сварливое замечание Дольского:

– М-да, не те нынче их благородия пошли. Раньше застольные разговоры были или про дам-с, или про лошадей. Во всяком случае, у нас, кавалеристов. А вы все о каких-то бездушных железках толкуете.

– Анатолий Иванович, потерпи немного, скоро и до них доберемся, – парирую реплику. – Кстати, тебе будет сейчас интересно, поскольку переходим к твоему эскадрону. Помнишь, я говорил о тачанках? Если высокое начальство смиростивится, – показываю взглядом на господина капитана, – то в ближайшее время имеешь все шансы получить одну пролетку для экспериментов. Только учти, ее усилить надо будет. Во-первых, пулемет с боезапасом и расчетом, а во-вторых, это извозчики могут катать пассажиров на одной или двух коняшках. А тебе придется запрягать три, а то и четыре лошади. Упряжь, насколько я понимаю, тоже придется переделывать.

– Денис, ты хочешь из меня сделать каретных дел мастера пополам с лихачом? Объясни подробней, зачем это нужно? Каким образом ты их применять собираешься?

– Ну... Например, оборона прорвана, твой эскадрон аллюром «три креста» уходит в прорыв. И натывается на германское подкрепление, которое быстро залегает и открывает огонь по прекрасным мишеням в виде всадников. Пока до них доскачете – много людей поляжет. А так, – тачанки вперед, в три-четыре пулемета поприжали гансов, дали эскадрону зайти с фланга и дорубить то, что живым осталось. Или в глубоком рейде захочется тебе в какой-нибудь деревеньке гарнизон вырезать, а пулеметы всегда с тобой, причем, заметь, готовые к бою в любую минуту. Только с тачанок их снимай – и все... Не убедил?

– Не знаю. Пока вы тут будете сотрясать воздух, пойду подумаю, заодно чарки по новой заряджу. А то устроили тут научный симпозиум вместо офицерской пирушки!

– А ты знаешь, откуда пошло это слово? Древние греки устраивали пирушки, подобные нашей, во время которых предавались приятным философским беседам, слушали музыку, читали стихи...

– И где у нас тут поэзия? – Оборачивается Дольский. – Кто хоть четверостишие прочтет?

– Да хоть я. Слушай. – Немножко импровизирую и выдаю:

Чисто выбрит и наглажен,
К жопе револьвер прилажен.
Не какой-нибудь там хер,
А российский офицер!

Общий хохот заменяет бурные аплодисменты. Анатолий тоже ржет.

– М-да-с, с вами не соскучишься, – отсмеявшись, произносит Валерий

Анатольевич. – Чем еще озаботите начальство?

– Остался вопрос о стрелковом вооружении штурмовых рот. Мы уже говорили об этом, но хочу вернуться к теме. Всё, к сожалению, упирается в деньги. Можно было бы прошерстить охотничьи магазины и закупить дробовики Винчестера и маузеры с приставной деревянной кобурой. На дистанции в несколько шагов разница в калибрах будет, по-моему, неощутима.

– Но ведь есть же девятимиллиметровые пистолеты Маузера! – Вопросительно смотрит Стефанов. – Брать их, заряжать патронами для люгера...

– Я тоже так думал, Димитр Любомирович. Оказалось – небольшая нестыковочка. Для маузера были разработаны свои патроны, они длиннее люгеровских. Так что это – не выход...

– Денис Анатольевич, вы как-то говорили про тесаки, – вспоминает Бойко. – Я узнавал, их сейчас просто нет на вооружении. Остались только как парадное оружие у гвардии и музыкантов.

– Тогда будут нужны ножницы для резки проволоки, половине штурмовиков – топоры, другой половине – малые лопатки. Тоже очень хорошая вещь в бою, если использовать умеючи.

– Хорошо, господа, если ни у кого нет больше вопросов, закончим и займемся трапезой, – подводит итог Валерий Антонович. – А то вон господин поручик изнывают-с в ожидании...

Глава 23

Утро началось по обычному распорядку. С пробежки под язвительные ухмылки соседей – драгун. Которые, впрочем, быстро исчезли, когда рота перешла от натаптывания кругов вокруг казарм к отработке приемов рукопашного боя. Еще хуже им стало с появлением свежего от физкультуры и водных процедур Анатоля, «обрадовавшего» своих подчиненных тем, что с завтрашнего утра эскадрон тоже этим займется. В полную силу и до тех пор, пока не научатся обгонять разведчиков. Чтобы не было больше пренебрежительного отношения к «пехтуре» и высказываний в стиле «кони двухкопытные».

Николенька Бер заполучил в свое распоряжение студиозусовольноперов, дабы ознакомиться с их гениальными мыслями и практическими наработками в области того, что хорошо взрывается и горит. Иван Георгиевич со Стефановым, несколько шокированным столь бурным началом дня, сели в канцелярии додумывать и запечатлевать на бумаге сказанное вчера на «симпозионе», а мы с Сергеем Дмитриевичем развели бойцов по учебным местам.

Насладиться в полной мере этим действием мне не дали. В одиннадцатом часу прибежал посыльный и сообщил, что через КПП только что прошла компания в составе из двух дам, одна из которых была «ну, ей-богу, большая барыня», какого-то чиновника в мундире, пронырливого шпака в гражданском и сопровождавшего их капитана Бойко. Почуввав одним местом что-то неладное, я быстренько лечу их встречать.

М-да, посыльный не соврал. Основная фигура – совсем молодая, лет двадцати пяти, миловидная дама очень аристократического вида. Хотя и облачена сестрой милосердия, осанку, движения, выражение лица никуда не денешь, да и сам костюм явно не казенной выделки, индивидуальная работа. Другая мадам, постарше, с хитровато-добродушным, но острым взглядом, одета обычно, глазу зацепиться не за что. Их сопровождает представитель Земгора, какой-то мутный тип с закрученными усиками в клетчатой пиджачной паре, и непривычно официальный Валерий Антонович, который тут же подтверждает мои наихудшие подозрения.

– Ваше сиятельство, позвольте представить вам подпоручика Гурова, лично вырвавшего из рук бандитов тех детей, о которых вам было доложено.

Опаньки! Как там полагается? Щелкнуть каблуками, резко наклонить

голову и тут же вернуть ее обратно. Взгляд уставной, в смысле тупой, но решительный. Тем временем Бойко представляет гостью:

– Софья Андреевна Ростковская, урожденная княжна Гагарина, фрейлина Ее Императорского величества.

– Здравствуйте... Денис Анатольевич, кажется?

На ум не приходит ничего, кроме армейского:

– Здравия желаю, ваше сиятельство!

– Прошу вас, без церемоний, называйте меня просто Софьей Андреевной.

А голосок мелодичный. И, похоже, дамочка без выпендрежа. Или на публику так играет. Не буду говорить, что счастлив видеть всю компанию здесь, – не хочу врать.

Сборную свиту княжны составляют мадам из Общества призрения сирот (ага, я, кажется, догадываюсь о ее ведомственной принадлежности), представитель Союза городов, заведующий вопросами беженцев, и местная звезда журналистики из «Губернских ведомостей», освещающая визит особы, приближенной к императрице.

Быстро соображаю насчет прямо сейчас тревогу свистеть и малышню прятать... Или подождать немного? Капитан Бойко, уловив эти флюиды, делает мне страшные глаза, а княжна, наверное, разочаровавшись в моем воспитании, соизволит попросить довольно милым тоном:

– Что ж, Денис Анатольевич, будьте любезны, покажите нам этих бедняжек.

Остается только брякнуть:

– Милости прошу!

Иду впереди, показывая дорогу и в душе молясь, чтобы никто нигде не накосячил, не вовремя поправшись на глаза. И, завернув за угол казармы, вместе с незванными гостями вижу почти идиллическую картину. Наряд по кухне заканчивает таскать дрова к полевым кухням, Алеся, расстелив на деревянном столе чистую скатерку, ждет Ганну и устанавливает аптечные весы, готовясь помогать. Данилка – тут же, сидит и сосредоточенно обдирает маленьким ножиком с полена бересту для растопки. Увидев нас за несколько шагов, замирает с открытым ртом, затем вскакивает, нахлобучивает фуражку и, сделав три шага вперед, отдает честь и звонким, срывающимся от неожиданности голосом выдает:

– Ваша благородзия! Кухарны наряд гатовицца да прыгатаулення абеду! Дакладау воспитаник атрада спецыяльнага назначэння Данилка Адамкевич!

Мать – мать – перемать!!! Дайте за что-нибудь подержаться, чтобы не

упасть! Все происходит так неожиданно, что все – и я, и Валерий Антонович, и даже земгоровец, – прикладываем руки к козырькам. А фрейлина и мадам еле сдерживаются, чтобы не рассмеяться. Первым приходит в себя Бойко и командует:

– Вольно!.. Воспитанник...

Интересно, это какая же хитрая мордочка научила мальчика так представляться?! Вот бы мне с ним познакомиться!..

На фрейлину эта комедия произвела благоприятное впечатление:

– Ах, какой милый мальчик!.. Charmant!.. Опрятный, чистенький, крепенький! Très bien!^[6]

Само собой. Антисанитарии здесь не будет по определению. А насчет крепенького – отъелся парень немного. И синие полосы от Бениного ремня со спины сходить стали. Когда их увидел, такой скользкой гадюкой вползла в голову идея еще разок к этой сволочи в гости наведаться. Нагайку, надеюсь, кто-нибудь из казаков одолжил бы для такого дела. Вот и побеседовали бы о таких философских понятиях, как добро и зло, жизнь и смерть. С летальным для некоторых исходом.

Княжна тем временем уже гладит малыша по щеке и, покопавшись в своем ридикюле, достает герою конфету. Тот с сожалением смотрит на вкусняшку, сует ее в карман и выдает еще один изящный перл:

– Дзякуем, панначка!

Что вызывает веселый сиятельный смех.

– Что ж ты не ешь? Она же – вкусная!

Сегодня, что, День юмора? Мелкий снова выдает такое, что смеются уже все.

– Я сястре аддам. Яна салодкае любіць. Дзеуки, яны усе такія...

Отсмеявшись и промокнув батистовым платочком с вензелем слезы, фрейлина возвращается к теме разговора:

– А как вам здесь живется? Никто не обижает? Кушаете хорошо?

– Не-а, не забираюць, тута усе добрыя. А цетка Ганна нас балуе...

– А к другим деткам не хочешь поехать? Там вместе будете играть, учиться...

Шкет делает насупленное выражение лица, затем отвечает:

– Не, не хочу... Тут мяне вась форму справілі. Я салдатам хочу... Штоб такі крэст запалучыць... – Нахаленок стреляет глазами на мой китель, чем снова вызывает улыбки.

– А сестричка твоя где?

– Зараз пакличу! – Данилка дергается в сторону входа, но на крыльце уже стоит Ганна, держа за руку сосредоточенно-испуганную Алесю. –

Алеська, не бойсь, панначка добрая, канфету дала! Вось, дзяржы!

Княжна с чисто дамским интересом оценивает взглядом фигурку Ганны в солдатской форме, слегка замаскированную надетым передником. Малявка, не отпуская руки, берет конфету и несмело улыбается, произнося традиционное:

– Дзякуем, панначка!..

Великосветская гостя снова лучезарно улыбается и обращает свое внимание на нашу повариху.

– А это и есть ваша Ганна? Которая вас балует? Она слишком молоденькая для тетки.

Та в ответ покрывается густым смущенным румянцем... Следующие пять минут проходят в нежном дамском ворковании, глажении по головкам малышни и прочем сюсюканье. Затем обе дамы и господин из Земгора изъявляют желание посмотреть на жилищные условия «бедных детишек» и, отказавшись от эскорта, взяв с собой только нашу повариху, отправляются в специально отведенную комнатуху здесь же, в хозблоке.

Особо волноваться причин нет, утром, после зарядки, забегал проведать мелких. Уже вчера с вечера там стояли две самодельные кровати, сделанные Платошей, а также тумбочки, табуретки и небольшие сундучки от того же мастера. Когда увидел этот мебельный гарнитур, возникло большое подозрение, что в соседней пустующей казарме недостает десятка досок. Не знаю, кто и где что доставал, но кровати были с полным спальным набором – матрас, одеяло, подушка. Разумеется, со сменным бельем. Соображалки хватило даже на прикроватные коврики-половички. А в каждом сундучке в особом мешочке лежит килограмма этак два кускового рафинада, собранного «с миру по нитке», и кулек с петушками на палочках, которые закупил расщедлившийся Егорка, слиняв в самоволку, за что получил взыскание в виде замечания вкупе с хорошим «лещом» и благодарность за душевную доброту и умение незаметно преодолевать препятствия. Так что, пока они там ходили и, по большому моему подозрению, пытались поговорить с малышней без командирского присмотра, я, в прямом смысле, нервно курил в сторонке в компании гораздо более спокойных Валерия Антоновича и журналюги. Последний пытался профессионально влезть в душу и накопать материала на пару заметок, но обломался по полной после встречного вопроса: «С какой целью, собственно, интересуетесь?», а также после небольшой лекции о засилье шпионов в его родном городе.

Наконец-то вся компания вываливает наружу, причем детеныши жмутся уже не к Ганне, а ко мне. Алеська, та вообще за спину прячется.

Значит, действительно уговаривали. Гады!.. Хотя по их лицам вроде заметно, что фокус не удался. И то, что малые спрятались за меня, тоже не осталось незамеченным фрейлиной и ее свитой. Сейчас, похоже, серьезный разговор и начнется. С чаепития, если, конечно, их сиятельство не побрезгуют. Исчезнувшая, было, Ганна вновь появляется и робко предлагает гостям:

– Будзь ласка... Атведайце чаю...

Бойцы уже тащат свежераскопегаренный самовар. На столе моментально появляются сервизные чашки с блюдцами, сахарница и тарелка с каким-то хитрым печеньем, попробовав которое фрейлина удивляется с прямо-таки девчоночьей непосредственностью:

– Ой, как вкусно! Откуда такая прелесть?

– То я сама пекла... Ваша сияцельства. – Ганна снова краснеет, но уже от похвалы.

Княжна оказывается любительницей всяких вкусностей, многие из которых готовит дома сама. Они с Ганной быстро находят общий язык, дамочка выпытывает рецепт печенюшек, потом речь заходит о сдобной выпечке... Не знаю, каково Валерию Антоновичу, а я чувствую себя полным идиотом, прихлебывающим чай и почти ни слова не понимающим из щебетания гостыи.

Вскоре появляется дама из Департамента полиции, в смысле Общества призрения сирот, незаметно утачившая детей поговорить. Встретившись глазами с Бойко, она улыбается и кивает, мол, все в порядке, здесь шпионами и не пахнет.

После мини-пикника, пребывая в наилучшем расположении духа, княжна принимается за меня. Земгоровец и репортер, сидевшие до этого практически молча, если не считать дружного поддакивания абсолютно всем репликам высокопоставленной гостыи, с очень искренним интересом поворачиваются в мою сторону. Писака аж свой блокнот с карандашиком снова вытащил.

– Скажите, Денис Анатольевич, как все случилось? Мне очень хочется знать подробности. Ее величеству, я думаю, также будет это интересно. Расскажите, пожалуйста.

– Ваше сиятельство...

– Софья Андреевна! Мы же не на приеме! – Дамочка капризно хмурит бровки.

– Виноват... Софья Андреевна. Ничего особенного-то и не было. Возвращался из города, увидел, как возле трактира одна из пр..., простите великодушно, падших женщин избивает девочку. Вмешался, забрал

малышку с собой, заплатив запрашиваемую сумму, привел сюда...

– Как?! За нее еще просили деньги?!.. Это же неслыханно! – Фрейлина делает круглые глаза и прижимает ладошки к щекам. – Как такое возможно?!

Пожимаю плечами и продолжаю свой рассказ:

– На следующий день здесь появился ее «хозяин». Потребовал вернуть девочку, в противном случае угрожая сделать ее брата калеккой.

– Ах!.. Денис Анатольевич, вы рассказываете страшные вещи!.. Впрочем, продолжайте, я хочу узнать все до конца!

– Вечером того же дня пришел в назначенное место, в ходе беседы сумел убедить отдать мне Данилку... Вот, собственно, и все.

– Но ведь этот бандит вовсе не собирался отдавать мальчика! Вы применили силу?

– Я защищался, Софья Андреевна...

О том, что слегка вышел за пределы необходимой самообороны, упоминать не стоит. Мало ли, как все воспримется.

– Но ведь вы могли обратиться в полицию, действовать по закону, а не устраивать самосуд!

– Они бы ничего не смогли сделать. Тот бандит все бы просто отрицал. Малыша бы спрятали куда-нибудь подальше. И я никого не судил и не наказывал, просто забрал ребенка.

– Денис Анатольевич, вы проявили милосердие, вырвав детей из рук преступников. – В голосе звучит одобрение, и, что характерно, без иронии. – А какова, по-вашему, будет их дальнейшая судьба? Они же совсем еще маленькие.

– Если найдутся родители, вернем им. Хотя считаю это неправильным. В ответ на недоуменный взгляд объясняю:

– Тот бандит утверждал, что, будучи пьяным, отец продал их в услужение за десять рублей. Лично я не могу представить себе толку от такого родителя. У нас они накормлены, ухожены, присмотрены. И, самое главное, им здесь нравится.

– Да, конечно, я это заметила. Но ведь вас могут отправить на передовую. Что же тогда будет с ними? Вы же не собираетесь подвергать жизнь детей опасности?

– Нет, конечно. В окопы их никто и не пустит. – Не будем раскрывать специфику нашей службы, отовремся общими фразами. – Они будут при наших нестроевых, в тылу.

– Ну, а почему бы не отправить их в одно из заведений общественного призрения? Там им гарантирован уход, воспитание, учеба.

Ага, ну да. Эти заведения, если не ошибаюсь, называются сиротскими домами. Потом, в будущем, их переименуют в детские дома. Один такой стоял рядом с нашей частью, возле свинарника. И, будучи помдежем, я не раз выуживал из различных нычек малолетних воспитанниц этого заведения, пришедших после отбоя развлечь бойцов хоззвода за пару банок консервов или пайку на ужин. Не думаю, что сейчас порядки лучше. И не собираюсь отдавать малышню! Вы хотите драки? Сейчас вы ее получите.

– Разрешите начистоту, Софья Андреевна?.. И прошу не держать обиду на то, что скажу. – Обращаюсь уже к земгусару. – Что ждет их в сиротском доме? Дисциплина, жесткий распорядок? Так и у нас все делается с точностью до минуты. Учеба? Чему будут учить их там? Кое-как читать, считать и писать, закону Божию, и все. У меня солдаты больше учат. Занятия проводятся каждый вечер. Здесь мы сможем подготовить их к поступлению в гимназию даже лучше, – у меня три студента-вольноопределяющихся репетиторствуют. Притом, занимаясь вместе с детьми, сами солдаты будут лучше учиться. А еще, видя их рядом с собой, каждый будет понимать, что воюет не за какие-то там абстрактные Пролиты, а за этих малышей, так похожих на собственных братьев, сестер, сыновей, дочерей, за их будущее...

А тот же Данилка, видя с детских лет военную жизнь, которая уже сейчас ему нравится... Кто знает, не вырастет ли из него, к примеру, новый генерал Скобелев? Во времена древние на Руси малых отроков-безотцовщину в дружины княжеские брали и воспитывали могучими витязями...

Глядя мне за спину, все поднимаются с лавок, сзади слышатся шаги... Кого там принесло еще?.. Оборачиваюсь и понимаю, что мне в помощь прибыла тяжелая артиллерия! Реактивные минометы РВГК! Атомная бомба, космический боевой лазер и меч рыцарей Джедай в одном лице!.. Дивизионный благочинный отец Александр.

Вся компания друженько кланяется и испрашивает благословения, на что батюшка отвечает традиционным «Мир всем! Благословение Господне на вас!», осеняя крестным знамением. После представления всех присутствующих начинается наше, судя по его хитрым глазам, контрнаступление.

– Здравствуйте, господа! Дозвольте присоединиться к вашему обществу, передохнуть немного. Приехал вот поговорить с воинами, кои вернулись недавно... – Быстро поняв, что слишком увлекся деталями, благочинный поправляется: – Окормлять христолубивое воинство. Да и

подарки привез вам, Денис Анатольевич. Там, в коляске, учебники с тетрадками да глобус.

– Благодарю вас за заботу, отец Александр. Сейчас пошлю кого-нибудь забрать...

– Можете не торопиться, я к вам надолго. Воины, небось, от скверны очиститься желают, исповедаться, поговорить с ними надо, наставить к труду ратному... Да я еще слышал, прибавление у вас, Денис Анатольевич, в роте... Двух сироток призрели, две душеньки молодые из тьмы греха и порока выдернули. Благое дело сделали, сохрани вас Господь за это.

– Только вот не хочет господин подпоручик отдавать их на попечение, – подает голос земгоровец, решивший, наконец, попытаться отстоять честь мундира и прогнуться перед княжной. – Считает, что им лучше будет рядом с солдатами, чем среди своих сверстников.

– Да, и могу это обосновать. Детям не только материнская ласка требуется, но и твердая мужская рука. Чтобы спокойно спали, зная, что они под надежной защитой. Особенно эти малыши, и так хлебнувшие слишком много невзгод для их возраста... А насчет приюта – давайте, господин чиновник, проведем эксперимент. Прямо вот сейчас, если Софья Андреевна не будет против и составит нам компанию, поедем в ближайший сиротский дом, какой укажете. Только без предупреждения! И посмотрим, как там живут дети, во что их одевают, чем и в каком количестве кормят. А потом глянем, что из продуктов все эти ваши воспитатели, надзирательницы и кухарки для себя оставили...

Все, сдулся чинуша, как воздушный шарик...

– Денис Анатольевич, клевета, осуждение, злословие – суть грехи! В Писании сказано: «Не суди, не унижай и не соблазняй никого. Не приписывай никому того, чего не знаешь о нем достоверно, ибо это есть погибель душевная»... – Отец Александр строго смотрит на меня. – Но в словах ваших есть доля истины в том, что потребен надзор за деяниями людей, поставленных на служение сему богоугодному делу. Ибо слаб человек и подвержен соблазнам врага рода человеческого... Посему в ближайшее время доложу протопресвитеру Георгию Шавельскому, который прибыл позавчерашнего дня в Минск о потребности в сей инспекции и о привлечении священников к сему деянию... А также о почине вашем, Денис Анатольевич, да о проявленном милосердии. Поступок сей может послужить похвальным примером для других полков и батальонов. Множится число беженцев, многие дома призрения переполнены, а воинство наше им посильную помощь оказать может.

Что, съели?.. Еще возражения будут?.. Так, все-таки будут...

– Хорошо, господа, я согласна с тем, что вы сказали, в отношении мальчика. Но его сестра? Что будет с ней? – Княжна снова берет инициативу в разговоре в свои руки. – Вы считаете, что такая жизнь подходит и для девочки тоже?

– Софья Андреевна, наш отряд, конечно, – не лейб-гвардии Кексгольмский полк, – вспоминаю рассказ Валерия Антоновича. – Но, думаю, что мы сможем собрать достаточную сумму на обучение и воспитание Алеси...

– Часть офицеров штаба второй армии, вне всякого сомнения, поддержит вас, Денис Анатольевич, – наконец-то капитан Бойко сказал свое веское слово.

– ...Ну, господа, вы меня приятно удивили! И, чтобы не остаться в стороне, хочу внести свою маленькую лепту. – Княжна довольно улыбается, затем достает из ридикюля деньги и протягивает Валерию Антоновичу как старшему по званию. Затем, помедлив, снимает с руки тоненькое золотое колечко и отдает ему же.

– А это пусть будет приданым малышке...

Батюшка остался беседовать с детьми, а я тем временем сопровождаю всю эту компанию к выходу. И возле КПП вижу очень интересную картину. Мои орлы кучкуются, грамотно перекрывая все направления и делая вид, что абсолютно ничего не происходит. Не понял, это что за бунт на корабле? Не понимают, с чем и с кем шутят?.. Стараюсь незаметно показать стоящим впереди поднятый вверх большой палец, в смысле, «все нормально», потом кулак, означающий «вот сейчас провожу их, а потом!..». Улыбающаяся засада исчезает за углом казармы, а я делаю честные круглые глаза и недоуменно пожимаю плечами в ответ на вопросительный взгляд Валерия Антоновича. Вот тут я уж точно и совершенно ни при чем!..

СНОСКИ

1

Четвертую, третью.

Первую.

Орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Неофициально назывался «Голубой Макс».

4

Голодное брюхо словами не наполнишь.

5

О мертвых или хорошо или ничего.

6

Очень хорошо!